

Роберт Сильверберг

Библиотека англо-американской классической фантастики

ПЛАНЕТА ГОРГОНЫ

Роберт
Сильверберг

Том 1

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ПЛАНЕТА ГОРГОНЫ

Библиотека англо-американской классической фантастики

ПЛАНЕТА ГОРГОНЫ

Роберт Силверберг

том 1

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2017

БААКФ-33 (2017)

Клубное издание

Роберт Сильверберг. ПЛАНЕТА ГОРГОНЫ.

Сборник фантастики.

(а.л.: 9,82)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.

Предназначено исключительно для

культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав

© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

**Роберт Силверберг
(Robert Silverberg, 1935 -)**

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

**РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ.
ТАЛАНТ, ПРОЯВИШИЙСЯ С ЮНОСТИ**

Роберт Силверберг родился 15 января 1935 года, в Нью-Йорке. Первый рассказ у него вышел в 1950-м году, когда ему было всего 15 лет. А шесть лет спустя начался настоящий обвал публикаций, можно сказать, Ниагара. Рассказы, повести, а с 1957 года и романы хлынули неудержимой волной. И были все это не неуклюжие юношеские пробы пера, а вполне уже профессиональные, «крепкие» произведения, большей частью выше среднего уровня. Недаром журналы с радостью печатали их.

Имя Силверберга я узнал в 1967 году, когда у нас вышел его рассказ «Тихий вкрадчивый голос», в десятом томе великолепной молодогвардейской Современной фантастики». В то время я, фанатик фантастики, каким остался и по сей день, прочитывал все, что издавалось у нас в стране (а издавалось тогда гораздо меньше, чем хотелось бы). Рассказ совершенно неизвестного мне тогда Силверберга не то, чтобы так уж понравился – запомнился, и это было уже не мало.

Потом его рассказы начали выходить у нас в различных журналах, и он уже не просто нравился мне, я в него влюбился. Да и невозможно, помоему, не полюбить такие шедевры, как «Двойная работа», «Два сапога

— пара», «Бизнес на артефактах» и многие другие. Издано рассказов было с тех пор не так уж мало — в периодике, по сборникам и даже отдельными сборниками рассказов «На дальних мирах» издательства «Мир», уже на самом закате издательства, в 1990 году, и совсем недавно «В начале: Сочинения времен бульварной фантастики» (это полное повторение американского сборника, составлял который сам Сильверберг, он же писал предисловия к каждому своему рассказу). Короче, издавалось на русском много, не говоря уже о романах и эпопеях, таких, как «Замок лорда Валентина». Но написал Сильверберг за долгий свой творческий путь, который, слава Богу, длится и до сих пор, столько, что уже изданное у нас выглядит каплей в море, и я даже не берусь гадать, когда будет переведено все, что он написал за много десятилетий своей творческой жизни.

Со своей стороны я, пока у меня есть такая возможность, постараюсь познакомить русскоязычных читателей хотя бы с малой частью тех его произведений, которые почему-либо остались незамеченными поныне переводчиками (а, может, просто руки не дошли). И начну я, разумеется, с начала его пути.

Может, я ошибаюсь, но мне кажется, что малая форма (рассказы и повести) удаются Сильвербергу лучше, чем романы. Многие романы его, на мой взгляд, излишне тяжеловесные, им не хватает легкости пера, они перегружены незначительными подробностями. Хотя почти все романы до 1967 года еще ждут своих переводчиков, так что я рисуюсь оказаться неправым.

Но рассказы и повести хороши. За переводы Сильверберга я взялся с истоков, и в настоящий двухтомник вошли произведения, большей частью 1956 года, Года Великого Плодородия в творчестве Мастера, так бы я его назвал. И по мере продвижения работы я с удивлением даже все больше убеждался, что произведения этого периода хороши, не просто интересны, а захватывающи, и написаны великолепный литературным языком.

Есть люди, счастливцы, Избранныки Судьбы, талант которых сумел проявиться и воплотиться в жизнь еще в юности. Роберт Сильверберг — один из них. И огромное ему за это спасибо!

Андрей Бурцев

NEBULA

SCIENCE FICTION

BI-MONTHLY

2/-

NUMBER 7

R. Blattner

TEMPLE ★ McINTOSH ★ MAINE ★ TUBB

ПЛАНЕТА ГОРГОНЫ

(Под псевд. Боб Силверберг)

НАШИ ПРОБЛЕМЫ начались с той секунды, когда был найден труп Флаэрти. Он стоял, застывший в поле, в полукилометре от корабля. Мы всеми кишками ненавидели этого здоровенного ирландца, но его совершенно целое тело без единой царапины, стоявшее неподвижно, послужило завершающим толчком. Не было никаких явных признаков гибели, фактически, мы сначала даже подумали, будто он спит стоя, как это делают лошади, а сам Флаэрти недалеко ушел от мощного битюга.

Но он не спал. Он был мертв, чертовски мертв. Когда все население планеты состоит из восьми человек, и один из этих восьми внезапно умирает по неизвестной причине, земля как-то начинает уходить из-под ног. Короче, мы испугались.

«Мы» – это Первый Исследовательский отряд Земли (тип А-7) на Беллатриксе IV в Орионе. Мы, это восемь человек, которым было поручено составить полный отчет о планете. Восемь человек, из которых один, бычара Флаэрти, стоял теперь перед остальными нами, жесткий, как доска.

– Что это сделало с ним, Джоэль? – спросил Тэви Эптон, наш геолог.

– Откуда же мне знать, черт побери, Тэви? – огрызнулся я и тут же пожалел о своей вспышке. – Прости, Тэви. Но я знаю обо всем этом столько же, сколько и ты. Флаэрти мертв, и что-то убило его.

– Но тут ничего нет, – заявил биолог Кэл Фрамер. – Мы шаримся тут уже три дня и не нашли ни малейших признаков животной жизни.

Ботаник Джонатан Морро выпрямил все свои сто девяносто сантиметров роста и глянул на нас сверху вниз.

– А, может, его убило какое-нибудь разумное растение, а, Кэфтен?

– Что-то я сомневаюсь, Джон, – покачал я головой. – На теле не видно никаких признаков насилия, да и нет поблизости никаких растений. Мы нашли его посреди поля, стоящим на двух ногах, застывшим и мертвее мертвого. И я понятия не имею, что это было, но только не растения.

В углу каюты трудился над трупом Стигер, наш медик, а теперь по совместительству и патологоанатом. Стигер был старше большинства из нас и буквально гнил на службе. На Фомальгауте II он подхватил лягушачью оспу, и теперь ноги у него были из хромированного титана. Я повернулся к нему.

– Можете что-нибудь сказать, Док?

Стригер глянул на меня слезящимися глазами.

– Нет никаких физических повреждений, Джоэль. Но все его мышцы так, будто... словно... ну, я даже не могу это ни с чем сравнить. Он был словно заморожен на полшаге какой-то странной силой. Я в замешательстве, Джоэль.

Фил Янус, наш летописец, оторвал взгляд от игры в шахматы, в которые играл с пилотом Гаром Холденом, и рассмеялся.

– А, может, он перебрал своей выпивки, которая мумифицировала все его артерии?

Это был намек на то, что Флаэрти учудил еще в первый день прилета на планету. Поскольку он был навигатором, то пахал без устали, пока мы не сели на Беллатрикс IV. Но после посадки внезапно притих, час болтался без дела, заявляя, что отдыхает, а потом вдруг куда-то исчез. Он не сказал никому ни слова, но к ночи уже чуть ли на бровях не ползal, а разило от него, как от спиртового завода. Он молчал и не говорил, где спрятал самогонный аппарат, хотя мы искали его по всему кораблю. На второй день Янус нашел литровую флягу самогона, что стоило ему подбитого глаза.

– Нет, – сказал Фрамер. – Давайте, будем хоть минутку серьезными. Член нашей группы мертв, и мы не знаем, что убило его. Флаэрти явно на что-то наткнулся. На что-то или на кого-то. Я за то, чтобы организовать поисковую группу и найти, что именно это было.

– Поддерживаю, – пробормотал Морро.

Я посмотрел на труп, затем на шестерых человек, собравшихся возле меня. Фрамер был моей опорой и прирожденным лидером. Морро тоже не был слабаком, но обычно пребывал в скуке, и его не волновало состояние отряда. Молодой Холден, пилот, всегда был ведомым и не имел собственного мнения или, по крайней мере, не выражал такого. Тэви Эптон, тихий, улычивый, скромный, был не очень сильным человеком. А Док Стригер был маленьким, вечно испуганным человечком и никак не походил на сурового косморазведчика. Флаэрти, – слава Богу! – был уже мертв. Этот бык много раз создавал неприятные инциденты и являлся вечным источником неприятностей на корабле.

Что же касается меня, Джоэля Кэфтена, космического лейтенанта, я был напуган. Весьма напуган. Чудовища на незнакомой планете – это всегда весьма плохо, а уж если чудовища еще и невидимые, то это не планета, а ад. Я глянул в иллюминатор на широкую пустую равнину Беллатрикса IV, где местами росло нечто вроде отдельных деревьев, затем обернулся обратно к людям.

– Все, кто за создание поисковой группы, поднимите руку.

Gorgon Planet

How to kill an animal whose very glance means certain death?

Illustrated by Jack Wilson

поисковиках оставалось всего лишь пятеро.

Логично было бы разделиться на две группы, в одной – три, в другой два человека. Но на меня на секунду нашло какое-то затмение, и я заявил, что у нас будет *три* группы. При этом я не подумал, что какой-то бедолага должен будет пойти один.

Я взял себе Эптона, Фрамер выбрал Морро. А Янус остался один. Я готов дать себе в глаз всякий раз, как вспоминаю его. Какая безумная идея – заставить человека идти в одиночку!

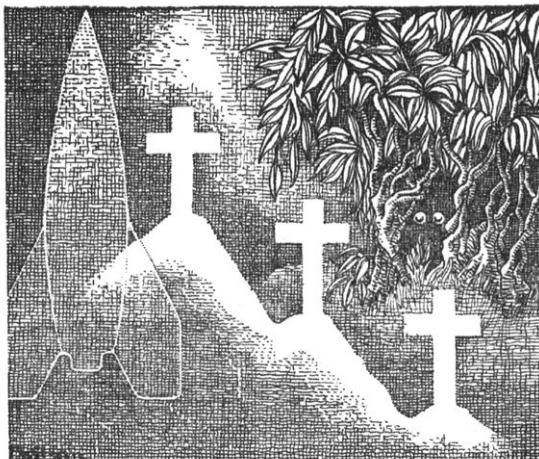
Но сам Янус не возражал. Фил вообще редко возражал против чего-либо.

– Похоже, я – одинокий волк, – только и сказал он. – Хорошо, господа. Если услышите громкую тишину из моей бочки, неситесь ко мне со всех ног.

Воздушный шлюз был все равно открыт (у Беллатрика IV есть почти что земная атмосфера, что всегда является благом для космонавтов), и мы впятером вышли наружу.

Мы с Тэви пошли к месту кончины Флаэрти, оба весьма напуганные в душе. Когда продолжительность жизни составляет полторы сотни лет и сотня уже позади, вас не прельщает геройская смерть на чужой планете. Фрамер и Морро направились к гребню холма позади корабля, а Янус двинулся к рощице скрученных деревьев с красными листьями, метрах в двухстах от корабля.

БОЛЬШИНСТВО ОКАЗАЛОСЬ «за». Это было необходимо, и мы разделились. Нас было семеро, поровну никак не разделишь. Стигер был нужен нам в качестве доктора, но снаружи он был бесполезен. Холден был – теоретически – не так уж необходим, при нужде я и сам мог бы вести корабль, но мне очень бы этого не хотелось, и я оставил его внутри. Поэтому в

Мы с Тэви шли медленно, бросая взгляды во всех направлениях. Как и прежде, мы не видели ни малейших признаков животной жизни. На Беллатриксе IV была разнообразная растительность (растения, основой которых был не хлорофилл, а какая-то железистая смесь), умеренный климат, спокойные реки настоящей воды Н₂O. И никаких животных. Разумеется, мы исследовали лишь небольшой кусочек планеты, два-три квадратных километра.

Кругом стояла полная тишина. И внезапно, в течение всего лишь двух быстролетных секунд, мы увидели первый признак животной жизни на Беллатриксе IV. Бедный Янус пулей выскочил из рощицы, а за ним неуклюже неслась причудливая тварь метра три в высоту, с атрофированными крыльышками, мерцающими золотистой чешуйей, и рядом извивающихся щупалец толщиной с карандаш.

Мы буквально застыли столбами. Эта тварь появилась из ниоткуда и собиралась прикончить нашего Януса. Я сорвал с плеча винтовку и выстрелил в ее чешуйчатое тулово, впрочем, без малейшего успеха. А Янус внезапно остановился, повернулся и какую-то долю секунды глядел на тварь.

Та тоже резко остановилась и посмотрела на него. Буквально на миг они впились друг в друга взглядами, зачем чудище развернулось, бросилось назад и скрылось в рощице.

Янус же продолжал стоять, где был, закоченевший и мертвый.

МЫ ПРИНЕСЛИ в корабль второй труп и угрюмо расселись в общей каюте. По Флаэрти вряд ли кто станет убиваться или хотя бы скучать. Но Янус – это другое дело, он был всегда приветливым, умным, чрезвычайно способным юношей, и трудно было смириться с мыслью, что он мертв, убит взглядом Горгоны.

Потому что эта тварь из рощицы бесспорно была Горгоной. Первые подозрения дал нам доктор Стигер, сказав, что смерть была вызвана внезапным ударом по нервной системе.

Фрамер взглянул на него.

– Но ведь не было никакого физического контакта у Фила с этим чудовищем.

– Да, – добавил Эптон. – Янус просто взглянул на эту тварь и застыл...

Почти мгновенно одна и та же мысль пришла мне и Морро.

– Горгона, – сказал я.

– Горгона, – эхом отозвался Морро, встал, неуклюжий, длиннущий, как верстовой столб, и глянул в иллюминатор на равнину с оказавшейся смертельно опасной одинокой рощицей скрюченных деревьев. – Горгона.

– Простите сэр, – сказал Холден. – Но кто такая Горгона? Нам в Академии ничего не говорили о них.

Фрамер что-то прошептал. Я знал, что он был человеком широкой эрудиции и презирал современную методику образования в специализированных учреждениях.

— Горгона, Гар, — сказал Морро, — это мифологическое животное. Оно убивает взглядом. Если посмотреть ему в глаза, то человек камнеет. Эта тварь снаружи — живое воплощение Горгоны, вплоть до шупалец на голове. У мифологической Горгоны на голове вместо волос росли змеи.

Холден ничего не сказал, только глаза его остекленели.

Эптон почесал нос толстым пальцем.

— Ну, и как, Джоэль, мы будем сражаться с нашей подружкой Горгоной, поджидающей снаружи?

— Так же, как и Персей, — ответил я.

ТАК НАЧАЛАСЬ Операция Медуза. Сперва потребовались предварительные обсуждения. С одной стороны, у Холдена в голове была большая часть нашей технической информации. С другой, он понятия не имел про миф о Персее, поэтому нам пришлось вводить его в курс дела.

Морро, гигант терпения, взял на себя все объяснения.

— Персей, древнегреческий герой, похвастался, что может убить медузу Горгону. Боги дали ему волшебные сандалии, в которых он мог летать, и шапку-невидимку. Затем он отполировал свой щит так, что в него можно было смотреться, как в зеркало, напал на Горгону, глядя на нее в этот зеркальный щит, и отрубил ей голову.

— Я понял, — сказал Гар. — Нам придется искать Горгону, не глядя на нее, иначе... иначе... — Он не договорил и кивнул в иллюминатор на два свеженасыпанных земляных холмика.

— Верно, — кивнул Фрамер. — Вот только у нас нет зеркала и не из чего его сделать. Так что теперь?

— Попробуйте радар, — предложил Эптон.

— Правильно! — закричал я. — Выследим эту чертову Горгону при помощи радара, не глядя на нее!

И началась охота на Медузу. Но она не сдалась без боя.

ХОЛДЕН БЫСТРЕНЬКО собрал радиолокационный экран. Правда, видимость у него оказалась весьма ограниченной, но на равнине вполне терпимая. И вот, в один теплый летний день мы отправились на поиски Горгоны.

Мы все еще не могли привыкнуть к красной листве деревьев и особенно красному ковру травы под ногами. Беллатрикс IV, насколько мы видели, почти весь представлял собой одну громадную равнину, покрытую этим кровавым ковром. Всякий раз, опуская взгляд, я испытывал укол боли при воспоминании о двух могилах

возле корабля, и двух косморазведчиках, которые уже никогда не вернутся на Землю.

Стигер остался на корабле, пристально наблюдая за нами по экрану радара. Нас было пятеро, и мы постепенно расходились вооруженные до зубов и перепуганные до самых печенок. Я уже представлял, как вечером меня принесут к кораблю, твердого, точно камень, и похоронят на нашем маленьком кладбище возле Януса и Флаэрти.

Стигер волновался больше, чем любой из нас. Он сгорбился перед экраном радара и должен был сообщать нам об обстановке. Мы знали, что Горгона прячется где-то в рощице, потому что Фрамер накануне видел, как эта тварь проковыляла туда и исчезла среди деревьев. И с тех пор ее больше никто не видел и не слышал. Но только дурак пошел бы туда за животным, способным убивать взглядом.

Мучительно медленно мы впятером образовали широкий круг у этой рощицы, стоя не ближе сотни метров от края зарослей. Никто из нас не осмеливался, разумеется, смотреть в нее, мы все опустили взгляды в кроваво-красную траву, лишь Стигер направлял нас шаг за шагом по радио. У нас ушло полчаса, чтобы образовать этот круг, потому что Док направлял нас поочередно по несколько шагов, частенько ошибаясь, так что приходилось возвращаться. На конец, круг был замкнут. А пятеро Персеев стали к тому времени зеленоватыми от страха.

Затем началось самое трудное, когда мы принялись ждать нападения. Когда Стигер даст сигнал по радио, я должен был пустить в рощицу осветительную ракету, и, если бы все пошло так, как мы планировали, то Горгона вылезла бы из нее. И мы расстреляли бы ее, не глядя.

Задним умом все крепки, поэтому я теперь понимаю, насколько легкомысленным был наш план. В нем столько раз все могло пойти наперекосяк, и просто чудо, что он вообще сработал.

Док дал сигнал, я поднял руку и пустил ракету, машинально при этом глянув на рощу. Пораженный ужасом, я тут же испугался, и целую секунду боялся, что может появиться Горгона, но ее не было и следа.

А затем в рощице начался кромешный ад.

Осветительная ракета взрывается слепящим светом и светит не хуже, чем солнце. Вот и роща озарилась ярко-желтым светом, и, где-то на размытой границе между красными листьями и желтым светом ракеты я уловил, как что-то огромное мечется в рощице, но тут же опустил взгляд. Я заставил себя глядеть только на свои ботинки.

Попробуйте на время ослепить себя и пройтись по городской улице, пустынной в рассветный час. Ужас – невообразимый, не-

представимый, безотчетный и беспощадный ужас слепых. Вот что я чувствовал, зная, что в любую секунду чудовище может выскоочить из роши и прыгнуть на меня, пока я рассматривал свои пыльные космические башмаки. Эти ужасные десять секунд тянулись, как десять дней, а я все более цепенел от страха, пока не перешел его кульминационную точку и не стал почти что спокойным. Ничего не происходило, хотя осветительная ракета продолжала пронизывать рошницу желтым. Я лишь слышал какое-то то ли шуршание, то ли шелест.

И внезапно в наушниках у меня заорал голос Стигера:

— Джоэль!

В ту же секунду я вытянул правую руку и перебросил через левое плечо, пригнув голову. Направив бластер под углом в сорок пять градусов, я принялся жечь все подряд. И услышал, что Морро слева от меня делает то же самое.

Затем раздался чудовищный рев. Я слышал, что Стигер что-то вопит в наушниках, но не мог разобрать, что именно, потому что сам орал еще громче. И при этом не смел оглянуться.

Я лишь знал, что Горгона уже нависла надо мной и изгибается, собираясь перекусить меня пополам. Но я уже перешел пик страха и был неспособен связно мыслить. Я все орал, стискивая рукоятку и нажимая спусковой крючок измученного бластера, когда, спустя пять минут, Морро и Фрамер подошли и повели меня обратно к кораблю.

МЫ УБИЛИ эту тварюгу, и именно я, космический лейтенант Джоэль Кэфтен, командир исследовательского отряда А-7 на Беллатриксе IV, оказался Персеем.

— Мы уж думали, что ты никогда не придешь в себя, — сказал Морро.

— Я увидел, как из роши выходит Горгона, — сказал Стигер, — и завопил тебе. Ты начал размахивать бластером и жечь все вокруг, и Морро побежал к тебе. Но к тому времени, как он добежал, ты уже попал Медузе в шею и почти что снес ей голову.

— Но ты продолжал орать и палить, — сказал Эптон, — хотя Горгона уже была мертва. Холден подошел и окончательно отрезал ей голову, но она по-прежнему била крыльями.

— Ты снес три дерева своим бластером, — добавил Морро. — Это чертовски небрежно, Джоэль.

Я огляделся. Я потратил столько сил от напряженного ожидания, пока тварь вылезет из своего убежища, что теперь чувствовал себя совершенно вымотанным и выжатым досуха. Я поглядел на людей, стоявших возле кушетки, где я лежал.

У своих ног я увидел огромного Морро. А рядом стоял старый Стигер, выглядевший еще более старым после ожидания у экрана

радара появления Горгоны. Были тут еще Холден и Эптон. Вместе со мной пять. И еще две могилы. Итого, семеро.

— А где Фрамер?

— Снаружи, — сказал Эптон. — наш биолог взял щипцы и скальпель для сбора образцов, и пошел обследовать нашу дохлую приятельницу и взять пробы.

— Но вы же сказали, что Горгона все еще была крыльями, — завопил я, вскакивая с кушетки. — Это же значит...

Все тут же поняли, что это значит, и мы помчались к шлюзу.

РАЗУМЕЕТСЯ, МЫ опоздали. Мы увидели биолога, склонившегося над обезглавленной Горгоной и с интересом разглядывающего ее голову... Вот только ничего он уже не видел. Он был неподвижный и твердый, как камень.

Стараясь смотреть только в траву, мы подняли Фрамера, принесли его к кораблю и похоронили вместе с Флаэрти и Янусом. Кэл был ученым больше всех нас и не мог противиться попытке решить загадку Горгоны. Мы никогда не узнаем, успел он решить ее или нет, но, очевидно, в нейронной системе Горгоны еще сохранился заряд, сработавший даже после ее смерти. Этот заряд и убил Фрамера, когда он взглянул в ее остекленевшие глаза.

Я направлял действиями из люка корабля, изо всех сил заставляя себя не смотреть на перевернутую голову Горгоны. Эптон и Морро, с завязанными глазами, упаковали эту голову в черный пластиковый мешок для трупов и застегнули молнию. К мешку мы приклеили листок с надписью: «Опасно! Не вскрывать!».

Медуза стоила нам жизней трех человек, но мы все же победили ее. Ее обезглавленный труп мы заморозили и поместили на склад, чтобы ученым на Земле было над чем поломать головы. Мы с трудом справились с ним впятером, и были рады, когда, наконец, закончили. После этого мы решили, что здесь больше нет чудовищ, и экспедиция может спокойно продолжать работу.

Но на следующий день Эптон увидел сидящего возле корабля Сфинкса...

Gorgon planet, (Nebula № 7, 1954 №№ 2-3), пер. Андрей Бурцев

ANC

IMAGINATION

STORIES OF SCIENCE AND FANTASY

JUNE, 1955

35¢

**WANTED:
ONE SANE MAN**

By Frank M. Robinson

МАРСИАНИН

(Под псевд. Боб Силверберг)

ДИК ЛЕВИСКИ ждал какой-нибудь реакции от марсианина. Час тянулся, словно год, но похожее на мешок существо не шевельнулось. Дик постепенно подходил все ближе, пока не оказался очень близко к марсианину. Но тот все еще не шевелился, не считая слабых вдохов и выдохов.

Черт побери, подумал Дик, получается, что мы с таким трудом построили корабль, чтобы я смог прилететь сюда и пытаться теперь на эту глыбу, которая не желает даже шевельнуться?

Он подошел к марсианину так близко, как только осмелился, и остановился, озадаченно уставившись на него. Ему не дали никаких инструкций для подобной ситуации. Так что приходилось решать все самостоятельно.

Он смотрел на марсианина, но не мог долго глядеть в три холодных глаза, смотрящих на Дика в ответ. После того, как Дику показалось, что прошли часы такой вот игры в «глядялки», он сделал несколько фотографий существа и снова внимательно осмотрел его. Он отметил равномерные, хотя и нечастые, вдохи и выдохи, внимательно осмотрел оранжевую, словно бы гранулированную кожу. И снова посмотрел на безразличные глаза и подобный разрезу рот.

* * *

ПЕРВЫЙ, о ком подумал Дик после того, когда нашел марсианина, так это был старик. Кажется, его звали Мэннинг, или что-то вроде Мэннинга, он был преподавателем в Колумбийском университете, или, возможно, в Нью-Йоркском. Мэннинг как-то подошел к нему после утомительной ночи на Манхэттене.

— Вы космический пилот? — резко спросил Мэннинг.

Голос его был сухой и отрывистый, и весь он был стар, очень стар. Редкие седые волосы облепили череп, лицо казалось сплошной массой морщин и шрамов, из которой светили, как маяки, глаза.

— Совершенно верно, сэр, — ответил Дик.

Тогда старик представился, причем очень просто: профессор философии. Вероятно, какой-то безвредный старый простак, закопавшийся в фолиантах по средневековью, решил Дик.

— Сколько вам лет, космонавт?

Дик посмотрел на старика. У этой древней развалины были совсем молодые, горящие глаза.

— Мне двадцать три года, сэр, — ответил Дик.

— Двадцать три — прекрасный возраст, молодой человек. Жаль только, что нельзя навсегда оставаться двадцати трехлетним. Вы еще не знаете, но уже становитесь все старше...

Дик промолчал.

— Вы летите на Марс, не так ли? Первый человек, который полетит на ракете на другую планету. Это ведь большая честь для вас?

— Да, сэр. Очень большая честь.

— Как вы думаете, найдете вы на Марсе какую-либо жизнь? — спросил старик, не спуская с Дика пристального взгляда.

Глаза его горели, точно звезды в черной ночи.

— Не знаю, сэр, — ответил Дик. — Просто не знаю.

— Надеюсь, вы ничего там не найдете! — внезапно хлестнули его, точно ремнем, слова старика. — Надеюсь, вы обнаружите, что Марс столь же мертв, как и Луна. А знаете ли вы, почему, молодой человек?

— Нет, сэр, — сказал Дик и задумался о том, стоит ли попросить старика удалиться, прежде чем тот наговорит лишнего.

— Потому что вы уничтожите то, что найдете, космонавт. Вы убийца... И вы убьете того, кого там найдете. Человек всегда будет так поступать. Человек всегда будет уничтожать то, что не понимает, космонавт. Если вы попадете в ситуацию, когда не будете знать, что делать, то начнете стрелять в надежде на лучшее.

Дик видел, что старик все более возбуждался. Он встал и оглянулся, в надежде увидеть кого-нибудь, кто сможет помочь.

— Но мы не военная миссия, сэр, — возразил Дик. — Я собираюсь заняться исследованиями и...

— Когда я был вашего возраста, — перебил его старик, когда Дик начал подталкивать его к двери, — у меня были такие же мысли. Ученые не убивают, они только изучают. Но нет, все люди одинаковы, если копнуть поглубже.

Дик открыл дверь.

— Запомните, — сказал старик, когда дверь уже закрывалась за ним, — человек всегда убивает то, чего не понимает!

ЧЕЛОВЕК ВСЕГДА убивает то, чего не понимает! Дик прошелся взад и вперед возле марсианского валуна, у которого лежал и смотрел на него этот мешок. Затем опустился на корточки, уставившись на носки своих сапог и удивленно царапая загривок, хотя и был в скафандре.

THE MARTIAN

by

Bob Silverberg

Someday an Earthman will land on Mars, a hero and proof of man's climb to supremacy. If he finds intelligent life there he'll extend a greeting; if it is refused, how will man react?

Что это? – подумал Дик. – О чем оно думает? И думает ли вообще? Да и вообще, живо ли оно?

Мешок по-прежнему не шевелился, не считая редких вдохов и выдохов. Дик осторожно протянул руку, притронулся к существу, шкура которого чуть подалась под его пальцами, и тут же отдернул руку.

Мешок по-прежнему не шевелился, а Дик продолжал смотреть на него. *Сколько он тут уже лежит? О чем думает? Как можно вступить с ним в контакт? Можно ли его осторожно перенести в ракету и увезти на Землю?*

Дик вопросительно смотрел на марсианина, но марсианин не отвечал.

* * *

КОРОТКИЙ ОТПУСК на Земле, в краю, переполненном реками и озерами, он провел на зеленой травке, занимаясь рыбалкой, когда запищал видеотелефон, вызывая его из отпуска.

Рыбалка была лучшим отдыхом для утомленных работой инженеров. Так сказал ему Хэнсон, сидящий за соседним столом, и Хэнсон оказался прав. Но прежде, чем Дик успел встретиться с ним и поблагодарить за хороший совет, в комнату вошел представитель ООН.

Звали чиновника Кеннерсон, ему было около сорока лет, одет он был в красно-зеленый деловой костюм и ходил с таким видом, словно все это ему надоело. Оказалось, что ему нужен космический пилот.

ООН начала подыскивать пилота с того весеннего дня 1974 года, когда ученые объявили, что человек, наконец-то, готов отправиться

в полет на другие планеты. Дик подумывал об этом, поскольку прошел курс астронавигации в Кэкл-Тече в 1973-м и имел не меньше знаний, чем любой другой. Но в добровольцы он не рвался.

Но вот теперь к нему приехали сами и спросили, не откажется ли он вести первый корабль на Марс. Дик прекрасно понимал, что это означает бросить дом, родителей, работу, девушку и, возможно, расстаться с жизнью, но все же принял данное предложение. Дурак ты, парень, говорили все вокруг. Но Дик хотел не упустить свой шанс полететь к звездам.

Затем на Дика набросились фотографы, корреспонденты и прочий газетный сброд и терзали его до тех пор, пока он не уехал в Нью-Йорк, где располагалась штаб-квартира ООН. Там ему пришлось проходить проверку за проверкой, пока он уже не начал бояться, что в итоге ему не разрешат лететь на Марс.

Но Дик стиснул зубы и упрямо проходил все медпроверки и процедуры. Это было нелегко, но он все выдержал.

ДИК СМОТРЕЛ на рот-разрез и три глаза существа, без век, но с прозрачными крышечками, защищающими их от песка.

— Я приветствую вас в качестве представителя Организации Объединенных Наций Земли, — сказал он мешку. Никакого ответа. Дик отвел взгляд вправо, поскольку больше не мог видеть этот холодный, вялый взгляд существа, лежащего перед ним.

Справа было несколько разветвленных палочек, в которых можно было узнать растения, печальные, измученные жаждой марсианские растения, которые все же нашли в себе силы вырастить по паре листков. Больше здесь не было ничего, кроме пустыни, скал и мешка.

Дик подошел к ближайшему растению и осмотрел его, краешком глаза наблюдая за неподвижным марсианином. Потом потрогал тонкие листочки — плоские, широкие, состоящие, в основном, из прожилок, тонюсенькие, вызывающие чуть ли не жалость. Затем взглянул на небо, словно надеялся там найти ответ. Небо было тусклое, темно-серое, с большим и неярким солнцем. Внезапно Дик почувствовал себя ужасно одиноким, а в голове вновь зазвучали слова старика.

* * *

ПОСЛЕ МЕДОСМОТРА пошли психологические тесты, и уж психологи поизмывались над Диком на славу — он в полной мере прочувствовал, что пусть к звездам не медом намазан. Уже через полтора часа он сломался и чуть было не зарыдал, но все же взял себя в руки и заставил успокоиться, после чего какой-то ласковый тип с козлиной бородкой сказал, что его реакция совершенно нормальная.

Дик ощутил холодок в животе, когда понял, что прошел второй барьер, и теперь почти ничего не стояло между ним и космосом.

Затем наступили ночи одиночества. По ночам Дику хотелось пойти по переполненному толпами Манхэттену и любоваться звездами. Но много ли звезд можно было увидеть в Нью-Йорке, где их затмевали городские огни, хотя отдельные звезды все же прорывались сквозь блеск реклам. Но Дик так и не пошел. Он боялся, что окажется в постоянно толкающейся толпе, совершенно один, среди безразличного человеческого стада, которое навсегда будет приковано к Земле.

Так шла неделя за неделей. Дик жил в отеле возле Здания ООН. Его продолжали преследовать газетчики, так что большую часть времени он проводил дома, читал книжки и писал домой письма. Он тосковал по дому и то и дело думал о том, на что могла бы походить сейчас его жизнь, если бы он отверг предложение, сделанное ему чиновником из ООН?

ОН РЫСЬЮ сбежал к кораблю, поел и снова вернулся, слыша, как песок непривычно громко скрипит под ногами. Мешок по-прежнему был там, где Дик оставил его.

— Черт тебя подери, почему ты ничего не делаешь? — закричал Дик. — Почему ты не проявляешь никаких признаков жизни?

Мешок чуть заметно вздохнул, и все.

* * *

НАКОНЕЦ, была назначена дата вылета. Дик Левиски стал центром внимания всего мира. Четвертого декабря тысяча девятьсот семьдесят пятого года, в разгар лета в Западной Австралии, он поцеловал на прощание свою девушку, поднялся в корабль «Надежда» и покинул свой мир.

Развитие Человечества происходит не равномерно, а какими-то нерегулярными рывками. Безумный оптимизм конца сороковых годов заставлял людей думать, что Луна у них уже в кармане, но это быстро прошло, и преждевременное заявление американских военных о том, что создается проект постоянной космической станции, не помог укрепить веру, что Человек скоро проникнет в космос. Это длилось все пятидесяти и шестидесяти годы, бесконечное ожидание, когда взлетит первая ракета с человеком на борту. Уже стало казаться, что этого вообще никогда не случится.

Наконец, Организация Объединенных Наций нашла средства, чтобы финансировать интенсивное изучение космоса, и внезапно в конце шестидесятых беспилотная ракета достигла скорости одиннадцати с хвостиком километров в секунду и вырвалась из гравитации Земли. Она долетела до Луны, и взорвалась достаточно ярко, что была хорошо видна с Земли.

Затем началась эпоха карликов, и несколько храбрых космонавтов высотой не больше метра каждый повели на Луну первые ракеты с

людьми. Некоторым даже удалось вернуться живыми. Но, казалось, это был конец завоеваний Человеком космоса. Несмотря на всевозможную модернизацию двигателей, их подъемная способность все равно была ограничена, и они не смогли бы поднять достаточно большой корабль, способный полететь на Марс. Все гордые надежды Человечества, колонизация Луны, полеты на другие планеты, были перечеркнуты неумолимой математикой.

Затем наступил семьдесят третий год, и в сотый раз возник конфликт между рядом стран. А в тысяча девятьсот семьдесят четвертом началась война. Продлилась она всего три недели, затем сдулась, как проколотый воздушный шарик чистой глупости. Единственными ее результатами были разрушение атомной бомбкой большого американского морского порта да российского промышленного центра, и выжженные атомом равнины до сих пор остались безжизненными, как подарки заключительной войны.

Война закончилась так же быстро, как и началась, и лидеры воюющих стран выглядели смущенными, словно мальчишки, которых застукали за начертанием на заборе неприличной надписи. И где-то в том же самом семьесят четвертом году, работая над очередной бомбой, вместо нее вдруг придумали принципы двигателя нового типа, что и открыло путь к другим планетам.

Поэтому Дик Левиски получил возможность полететь на космическом корабле, и весь мир следил за его полетом на Марс.

— **НУ, ПОЧЕМУ** ты не мог быть десятиногим монстром? — в сердцах сказал Дик марсианину. — Почему ты просто валяешься тут и игнорируешь меня, словно я какое-то насекомое? *Почему ты не делаешь ничего?*

Он поднял маленькую, обкатанную ветром гальку и бросил ее в марсианина. Камешек отскочил от бока мешка и прокатился несколько метров по песку.

* * *

ДИК НЕНАВИДЕЛ каждую минуту своего перелета на Марс, хотя никогда не позволял, чтобы даже намеки на его истинные чувства попали в сообщения, которые он ежедневно отправлял замершему в ожидании миру. У него было одно большое преимущество перед пионерами ранних эпох. Он мог наслаждаться огромной библиотекой книг на пленках, роскошь, которой не могли баловаться прежние путешественники из-за большого веса бумажных книг. Но преимущество это было единственным.

Большую часть времени Дик бездумно парил в каюте космического корабля. Он чувствовал себя, практически, лишним, потому что кораблем управлял кибернетический мозг, контролируя весь

полет. На корабле были мониторы, регуляторы, цепи управления и прочие необходимые устройства и механизмы. Вот только космонавт был кораблю совершенно не нужен, и Дик помнил об этом каждую минуту полета.

Дик выучил намертво вид каждой заклепки. Он пересчитал все гаечные ключи и прочие инструменты. Он все время считал, сколько минут и секунд остается до конца полета. Дик просто не знал, чем еще можно заняться. Как-то раз половину «дня» оностоял у иллюминатора, глядя на необозримое пространство, лежащее за ним, и наблюдал, как медленно растет Марс. При этом он думал, что ждет его там. Чудовища? Люди? Этого Дик не знал, и неизвестность буквально изводила его.

Правда, во время полета было несколько приятных моментов. Мир трепетал перед телекранами, когда Дик пролетал мимо Орбитальной станции и передавал ее изображение на Землю. Солнце вспыхивало на ободе Станции, что особенно поражало воображение. Но это было всего лишь на второй день пути. Затем он миновал Луну, и полет стал совсем уж монотонным и бездеятельным. Дик думал, что с ума сойдет от скуки, пока корабль неуклонно мчал его к Марсу. Но он никогда не говорил Земле, как здесь скучно. Скучно и одиноко.

Земля снова пришла в ужасное волнение, когда он, наконец, подлетел к Марсу и двенадцатого апреля тысяча девятьсот семьдесят шестого года объявил, что лег на орбиту и готовится к приземлению. При этом Дик знал, что он ничего такого не делает. Корабль готовился к посадке сам.

Кибернетический мозг, управляющий им, точно и аккуратно посадил корабль в пустыне, такой же пустой, как и та, с которой он отправился в полет. Только эта была красноватой, а не пыльно-коричневой, как Большая Песчаная пустыня в Австралии. Дик медленно и осторожно вышел из корабля — давно он не разминал по-настоящему ноги, а маленькие тренажеры на борту не удовлетворяли требованиям его привыкшего к спортивным нагрузкам тела.

Затем ликование смешалось с разочарованием, когда Дик взял пробы песка, как того требовали инструкции. Он наполнил несколько пузырьков сухим, рассыпчатым песком и на корабле аккуратно промаркировал их.

Прошло три дня усердных поисков, прежде чем Дик нашел марсианина.

* * *

ПУСТЫНЯ ПРОСТИРАЛАСЬ во все стороны до самого горизонта, красная, песчаная, сухая и совершенно плоская. Насколько хватало глаз, Марс, казалось, был покрыт пенопластом, иссущенным,

почти совсем рассыпавшимся, из которого местами торчали небольшие скалы. Озираясь, Дик опять осторожно приблизился к мешку.

Он подумал о Земле, этом громадном человеческом улье с миллиардами обитателей, а затем о безмолвном Марсе с его молчаливым, терпеливо ожидающим чего-то жителем.

Ты не сможешь понять его, снова раздался в голове Дика резкий, как терка, голос старика. Все люди одинаковы, стоит только копнуть поглубже.

— Нет! Нет! Это не так! — Дик почувствовал горячие слезинки, замершие в уголках глаз, но не мог стереть сомнение, все растущее у него в душе. — Кто ты? — закричал он неподвижному марсианину. — Почему ты не просыпаешься?

Марсианин по-прежнему молчал.

Дик выхватил пистолет и дважды выстрелил вверх, и два громких хлопка ударили его по ушам, нарушая извечную тишину, висящую над пустыней. Выстрелы тоже не возымели никакого эффекта. Марсианин все так же лежал на песке, и даже глазами не двинул.

Несколько ужасных секунд Дик в упор глядел на него, взвешивая в руке пистолет. Он начал потеть, и скафандр специальной губкой обтер ему лоб. Дик вскинул пистолет, затем опустил его, но тут же снова отчаянно поднял. Секунду он колебался, целую долгую секунду, прежде чем пустить пулю в средний глаз марсианина.

* * *

УДАР ПУЛИ словно освободил напряжение, все это время копившееся в душе Дика, и оно улетучилось, точно воздух из проткнутого воздушного шарика. Стоя на внезапно ослабевших ногах, Дик наблюдал, как поврежденный пулей глаз закрылся пленкой, но почти тут же вновь открылся, целый и невредимый. А в пустыне по-прежнему царило Красное Безмолвие.

Дик бросился на колени, схватил горсть красного песка и позволил ему просочиться сквозь пальцы обратно на землю. И тут напоминающий разрез или шрам рот марсианина внезапно сморщился и открылся. И Дик услышал слова, хот так и не понял, исходят ли они изо рта марсианина. Гораздо позже ему уже стало казаться, что с ним заговорило само Красное Безмолвие. Но они навсегда запечатились у него в памяти.

«*Улетай домой, маленький человечек. И когда-нибудь возвращайся... но только не скоро*».

The martian, (Imagination, 1955 № 6), пер. Андрей Бурцев

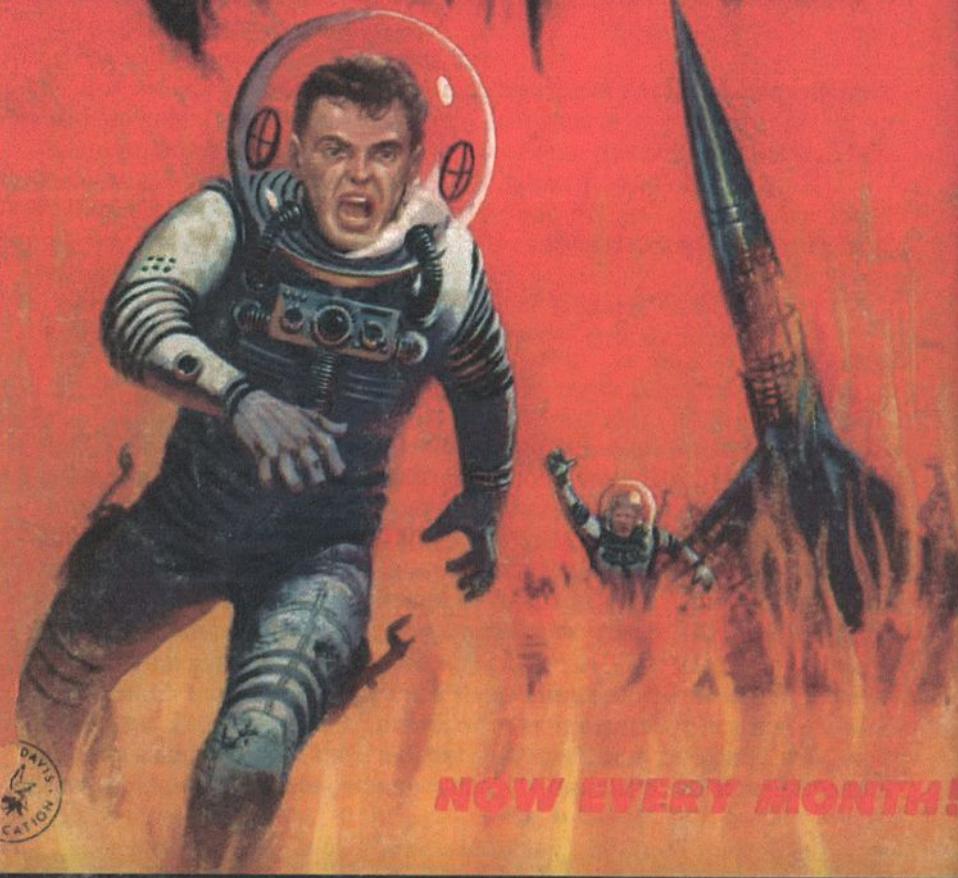
NOW IN ITS 30TH STRAIGHT YEAR!

AMAZING

ANC

JANUARY 35¢

STORIES

NOW EVERY MONTH!

beginning . . .

HE SCARLET SAINT by Manly Banister
SCIENCE-FICTION NOVEL YOU'LL NEVER FORGET!

ДЫРА В ВОЗДУХЕ

ЭТО БЫЛ плохой день для Дирка Бериша. Сначала пришла записка от Кэннера, в которой подразумевалось, что Бериш что-то расслабился за последнее время, а сразу после этого начальник Производственного отдела Сунитаро отклонил проект Бериша авторучки на том основании, что она слишком громоздка, а потому будет плохо продаваться.

Бериш хмуро сутулился за своим потертым, черным проектировочным столом и вяло перебрасывал две эти записки — снежно-белую от Кэннера и нежно-зеленую от Сунитаро. У Кэннера был четкий, каллиграфический почерк, записка была написана темно-синими чернилами с аккуратными полями в три сантиметра. Сунитаро же, как всегда, начеркал вкривь и вкось, ломанными строками, а о полях и вообще не позаботился. Но обе эти записки указывали на одно и то же: Бериш был в кризисе, и прежний авторитет ему могло вернуть лишь какое-нибудь новенькое изобретение, не то, как бы у «Смешанных Технологий» не появился новый начальник проектного отдела, а Беришу не пришлось бы таскаться на биржу труда.

Пристальный взгляд Бериша прошелся по небольшому, оживленному помещению. Три его проектировщика согнулись над проектировочными столами и отчаянно жевали карандаши, пытаясь сосредоточиться. Бериш подумал о том, кто же в итоге заменит его: вечно растрепанный Родригес, Кондон или Хейлман? Все трое были умными, нетерпеливыми, с горящими глазами, точно такими же, каким был и Бериш, когда начал работать на «Смешанные Технологии».

И тут он заметил, что Кондон встал из-за стола и направляется к нему.

— Мне кажется, вас это заинтересует, — сказал Кондон, кладя на стол перед ним большой мраморный шарик.

Даже не смотря на грустные размышления, Бериш не мог не восхититься его красотой. Он мерцал мягким, успокаивающим сиянием, словно у него в середине горел маленький, но яркий огонек. Он даже походил на какую-то драгоценность.

— Его нашел мой мальчишка, — сказал Кондон, улыбаясь улыбкой подчиненного, который хочет подняться вверх по карьерной лестнице. — Интересная штучка, сэр.

Бериш погладил шарик и пристально взглянул на Кондона. Он чувствовал себя страшно усталым, словно вся тяжесть мира легла этим холодным утром на его слабые плечи.

— Очень симпатичный шарик, мистер Кондон, — сказал Бериш. — Мне только остается восхищаться вашим вкусом. — Он зевнул. — Но зачем мне...

Старпер с глазами шелудивого пса!

Бериш резко вскочил.

— Что вы сказали, мистер Кондон?

— Что, сэр? — переспросил Кондон, став вдруг белым, как снулая рыба.

— Повторите, что вы сказали мне, Кондон.

— Но я не сказал ничего, сэр. Этот мрамор...

Бериш опустился обратно в кресло. *Я уже трециу по всем швам*, подумал он. — *Совещание скоро закончится. В 17:00 меня уволят.*

— Продолжайте, — сказал Бериш вслух. — Что вы там говорили об этом мраморе?

Я бы продолжил, если бы вы мне только позволили.

— Вы сказали сейчас, что продолжили бы, если бы я вам позволил? — спросил Бериш.

— Нет, сэр, я только это подумал, — пролепетал Кондон. — Я хотел вам сказать об этом мраморном шарике. Он позволяет читать мысли.

БЕРИШ МГНОВЕННО схватил шарик и отшвырнул его по столу, словно кусок простого угля. Шарик покатился и остановился рядом с запиской от Сунитаро. Бериш уставился на него, зачарованный его сиянием.

— Откуда вы взяли эту штуку, мистер Кондон? — спросил Бериш, когда обрел дар речи.

— Вы не поверите, мистер Бериш, — ответил Кондон, — но мой сынишка утверждает, что нашел его в другом измерении.

Воистину это был плохой день для Бериша. Сначала Кэннер, затем Сунитаро, а теперь вот телепатический мрамор из другого измерения. Бериш тупо уставился на лысеющую голову Хейлмана, по-прежнему склонившегося над своим столом, затем перевел холодный взгляд на Кондона. Молодой проектировщик спокойно взглянул на него в ответ.

— Так вы говорите, что ваш мальчишка взял этот шарик из другого измерения, Кондон? Именно так? Он не слетал за ним на Марс?

— Пожалуйста, мистер Бериш, — немного устало сказал Кондон, — я понимаю, как фантастически это звучит. Но ведь неважно, откуда взялся этот шарик, не так ли? Факт, что он у нас, и он открывает определенные коммерческие возможности.

После слов Кондона взгляд Бериша метнулся к мерцающему мраморному шарику. *Да-да, конечно*, — подумал Бериш, снова взяв его и уставившись на гипнотическую пляску огонька внутри. Определенные коммерческие возможности. Бериш почувствовал,

Not only was he climbing into thin air—he was disappearing in it!

как уныние его рассеивается, словно утренний туман.

— Подумайте что-нибудь, мистер Кондон.

Быстрая рыжая лиса перепрыгивает через ленивого пса.

— Быстрая рыжая лиса перепрыгивает через ленивого пса?

HOLE IN THE AIR

By ROBERT SILVERBERG

At exactly the time Derke Berish realized he was about to lose everything, a small boy showed the sure way to save it. All you had to do, it seemed, was to find a hole in the air, climb through and help yourself to fame and fortune. Worked fine too...until Derke found out that he wasn't the only one fond of fame and fortune!

— повторил Бериш.
Кондон кивнул.
Бериш взвесил
шарик на ладони
руки.

— Это может быть
очень интересным,

— сказал он, думая о Кэннере, о Сунитаро и о безликом правлении «Смешанных Технологий» в целом, о тех, для кого он был не больше, чем машиной для производства различных приспособлений, машиной, которую можно выкинуть и заменить на другую, когда она станет изношенной. Ну, так вот вам настояще*е* открытие! А так же изобретение. И, возможно, там, откуда взялся этот шарик, есть еще много всяческих штучек. Немножко хитрости, и...

— Я ПРОСТО не знал, с чего начать, — сказал Кондон. — Девятилетний мальчишка ухитрился исчезнуть во время ужина, когда я буквально на минутку вышел, и я не мог его найти. Это было вчера, около 18:00 часов. Моя жена не любит, когда мы начинаем поздно обедать. Но я искал Ронни везде и нигде не мог его найти. Он всегда спрашивал разрешения, когда выходит из дома. Когда же я все же

вышел на улицу, то вдруг увидел, как он появился из... из... Ну, я могу описать это как дыру в воздухе...

— И в грязной руке он держал этот шарик. Я так и увидел эту картинку, мистер Кондон, — перебил его Бериш, уставился на шарик, затем снова на Кондона. — Подумайте что-нибудь еще, мистер Кондон.

— Это все правда и только правда.

— Это, Кондон?

— Ну, я рассказал вам свою историю. Остальное могу дополнить лишь со слов Ронни, — ответил Кондон. — Сынишка сказал мне, что нашел дыру в воздухе и встретился там с какими-то монстрами, играющими в мраморные шарики. Он сел играть с ними и выиграл этот шарик.

— И вы верите этому? — усмехнулся Бериш. — Тому, что маленький мальчик стал бы так бесстрашно играть мраморными шариками с какими-то чужими монстрами? Если бы там оказался я — или вы, или любой другой — я убежал бы, сломя голову.

— Только не Ронни, — покачал головой Кондон. — Он помешан на фантастических телефильмах, я просто не могу оторвать его от телевизора. Ему более привычен космос и чужие измерения, чем собственный дом.

— Ну-у... ладно. Значит, мы имеем лишь плод развитого воображения маленького мальчика.

— Может быть, — сказал Кондон. — Но еще и этот мрамор. — Он протянул руку и коснулся мраморного шарика.

— Нет, этого мало, — покачал головой Бериш. — Вы не будете возражать, если сегодня вечером я приду с вами к вам домой. Я хотел бы поговорить с вашим сынишкой. Это может быть очень, очень прибыльным делом для всех нас, Кондон.

СПУСТЯ ЧЕТЫРЕ часа Бериш уютно устроился в огромном кресле в маленьком домике Кондона в пригороде, и смотрел на стоявшего перед ним мальчишку с торчащими каштановыми волосами и усыпанном веснушками лицом.

— Давай еще раз, только помедленнее, Ронни, — сказал Бериш, изо всех сил пытаясь успокоить свои бедные нервы. — Ты сказал, что увидел в воздухе дыру.

— Ну, да, — сказал Ронни. — Я повернулся, хрустнул и прошел через нее.

— Понятно, — сказал Бериш. — Ты хрустнул. Я понял. Ты имеешь в виду, раскусил вот такую конфету?

— Ну, уж не до ужина, — заявил Кондон, когда Ронни нетерпеливо потянулся к протянутой конфете. Бериш согласно кивнул и отложил ее.

— Тогда расскажи, что ты там видел, Ронни.

Глаза мальчишки стали совсем круглыми.

— Пройдя через дыру, я очутился возле большого дерева, и там было пять чужаков, стоявших кружком, они были высокими, со множеством рук и с фиолетово-зеленой чешуей, и жили они в большом мире, где не было ничего, кроме деревьев и белого бетона, ни домов, ни машин, ни взрослых, вообще ничего, пока я не прошел к ним через дыру в воздухе и оказался рядом. Они играли в мраморные шарики, точно так же, как мы, но только им не с кем было играть, пока я не попал к ним... — Ронни замолчал, чтобы набрать побольше воздуха.

Бериш на секунду закрыл глаза и попытался собраться с мыслями. Что бы там ни навыдумывал Ронни, но мраморный шарик откуда-то должен был появиться. И если история Ронни была правдой, если по соседству действительно есть Вселенная, полная чудес, то он — Дирк Бериш — держал в руке ключик к ней.

А этим ключиком был любопытный маленький мальчик. Девятилетнему мальчишке интересно все на свете, от лягушек и угрей до мраморных шариков и ракет, и, конечно же, им вдвойне интересен странный мир по другую сторону дыры в воздухе. Если бы Ронни можно было уговорить пройти через эту дыру снова, снова и снова...

— Там ты и получил мраморный шарик? — спросил Бериш.

— Да, сэр. Я установил с ними контакт так же, как капитан Спэйс, и они разрешили мне присоединиться к их игре, когда увидели, что я мирный... э-э... объект, и я выиграл шарик, вернулся домой и отдал его папе, потому что уже опаздывал на ужин.

Бериш взглянул на Кондона, который спокойно стоял рядом.

— Ронни, а ты мог бы повести меня и показать, где там эта дыра в воздухе? — спросил Бериш.

— Почему бы не сделать это после ужина? — вмешался Кондон. — Жена вот-вот позовет нас к столу.

— Вы можете попросить ее немного подождать, Кондон? Это очень важно. Пойдем, Ронни.

Я должен пойти туда, подумал при этом Бериш.

ПОТОМ БЕРИШ одним жестом отмел возражения Кондона и вышел с Ронни из дома на дорожку, отделяющую дом от соседского. Там Бериш остановился и с тревогой смотрел, как Ронни бродит туда-сюда по дорожке в сгущающихся сумерках. Затем он резко остановился.

— Вот она, мистер Бериш! — крикнул Ронни и махнул рукой куда-то вперед. — Вон там!

Бериш прищурился.

— Ничего не вижу, — сказал он, и его кольнула иголочка подозрения, что он оказался жертвой какого-то дикого, никому не нужного розыгрыша. — Покажи мне.

Ронни обвел руками круг примерно в метр высотой.

— Она чуть мерцает. В темноте трудно заметить, но это она.

Бериш уставился на мальчишку.

— Ронни?

— Да, сэр?

— Сейчас твой отец не видит. Вот конфетка.

— Но папа сказал...

— Да это неважно. Ты можешь показать мне, как проходишь через эту дыру в воздухе?

— Вы хотите, чтобы я прошел через нее? Прямо сейчас?

— Да, — сказал Бериш, всеми силами стараясь быть похожим на добродушного дядюшку. — А когда ты пройдешь туда, я бы хотел, чтобы ты попытался найти этих существ и попросить у них еще одну игрушку.

— Вы имеете в виду, еще один мраморный шарик, мистер Бериш?

— Да нет, — терпеливо сказал Бериш. — Не мраморный шарик. Какую-нибудь другую игрушку. Все понятно?

И он дал Ронни то, что, как он надеялся, выглядело игривым толчком. Мальчишка мгновение взглядывался в полумрак, затем как-то странно пригнулся — хрустнул? — и, медленно выпрямляясь, шагнул вперед. Беришу показалось, что он мельком увидел широкие простиры океана белого песка, из которого то тут, то там торчали высокие, какие-то гротескные деревья, словно вырезанные из бумаги силуэты на фоне лимонно-желтого неба. А затем Ронни исчез, и за ним словно захлопнулся шлюз.

— ГДЕ РОННИ? — спросил Кондон, выскакивая из дома.

— Так это правда, — не обращая на него внимания, пробормотал Бериш.

— Что правда? Вы хотите сказать, что снова послали его туда? Но мы же не знаем, вернется ли он. Там какие-то свирепые неземные монстры — и вы отправили мальчишку к ним?

Бериш не обращал внимания на крики Кондона. Он задумчиво рассматривал дыру в воздухе, задаваясь вопросом, какие чудеса можно добыть оттуда и представить их изумленным взорам Кэннера, Сунитаро и правления «Смешанных Технологий».

— Бериш! — закричал во всю мочь Кондон.

Этот крик напомнил Беришу о существовании Кондона и о том, что он подчиненный, поэтому не должен кричать на босса. Бериш повернулся к нему.

— Пожалуйста, Кондон, угомонитесь. Никакой там нет опасности для вашего сына, он скоро вернется. Но это открывает для нас широкие перспективы, Кондон!

— Широкие перспективы? А как насчет моего сына?

— Да вот и он, — сказал Бериш.

Ронни вышагнул из дыры и упал к ногам Бериша. Бериш поднял его.

Мальчишка принес с собой нечто, напоминающее волчок, детский волчок, зеленый с темно-синими точками. У Бериша возникла дикая мысль, уж не использовали ли инопланетяне краску в горошках, чтобы разрисовать его, он выхватил волчок из рук Ронни и с безумным любопытством осмотрел его.

Затем поставил волчок на землю и осторожно повернулся. Волчок зашатался и упал на бок.

— Нет, мистер Бериш, его надо как следует раскрутить, — сказал Ронни, наклонился в сгущающихся сумерках, схватил маленькой грязной лапкой за вершину, причем его пальчики едва-едва сумели обхватить его, и начал вращать поворотом запястья.

Волчок закрутился, поднялся метра на полтора от земли и, чуть колеблясь, стал парить в воздухе, легко и непринужденно.

КОНДОН НЕПРЕМЕННО попытается разобрать эту штуку, подумал Бериш. С чудесами всегда все не так гладко.

— Послушайте, Кондон, — сказал Бериш вслух, — перед нами открылась целая чужая Вселенная — полная совершенно новых технологий. Первые же две вещи, которые мы вынесли оттуда, дали нам телепатическую связь и антигравитацию. Мы даже представить себе не можем, какие еще сокровища сумеем получить через эту дыру.

— Верно, — сказал Кондон. — Вот почему мы должны передать все это правительству и пусть они сами исследуют эту чужую Вселенную.

— Почему вы не можете понять? — сказал Бериш, собрав все свое терпение. — Мы с вами — сотрудники «Смешанных Технологий». А у «Смешанных Технологий» есть средства для исследования этих устройств, а значит, есть деньги и для нас. Если мы отдадим все правительству, то они просто захватят антигравитационный волчок и мраморный шарик и объяят их федеральной монополией. Подумайте сами. Вы хотите всю оставшуюся жизнь зарабатывать по семьдесят баксов в неделю?

— Мистер Бериш прав, Ральф, — раздался голос жены Кондона.

Пораженный неожиданной поддержкой, Бериш повернулся и уставился на женщину так, словно видел ее впервые.

— Мы можем позволить Ронни сходить туда еще несколько раз — и все! — продолжала жена Кондона. — Мы все станем богатыми.

— А что, если там с ним что-нибудь произойдет? — спросил Кондон.

— Не волнуйся, папа, — сказал Ронни. — Они очень хорошие, хотя так странно выглядят со множеством рук и одним большим глазом. Они разговаривали со мной при помощи мраморных шариков. Тот, с которым я говорил, дал мне волчок и что-то сказал об обмене.

— Обмене?

— Ага, — кивнул Ронни. — Я не совсем понял, что именно он сказал... Что-то о том, что очень хочет меняться.

— Слышали? — торжествующе воскликнул Бериш. — Мы уже начали переговоры! — Он нервно откашлялся и задумался. — Не думаю, что есть потребность в дальнейшем обсуждении. Установлено, что Ронни единственный, кто умеет проникать через эту дыру — или хотя бы находить ее — и еще установлено, что чужаки дружественны и хотят обмениваться с нами через посредничество Ронни различными важными предметами. Было бы вопиющей, преступной халатностью, если бы мы не смогли использовать в своих интересах возможность контакта с чужой цивилизацией.

— И зачем отдавать федеральному правительству всю прибыль, когда мы сами можем получить эти деньги? — радостно улыбаясь, вторила ему миссис Кондон.

— Но что, если...

— Эти люди хорошие, папа... — заныл было Ронни.

— Это вообще не люди! — резко оборвал его Кондон.

— Я должен добавить мистер Кондон, что если вы будете наставлять на передаче этого открытия правительству, то «Смешанным Технологиям» это не понравится.

В ответ на это Кондон едва заметно кивнул, и Бериш улыбнулся. То была улыбка победы. Он уже слышал где-то на заднем плане фанфары.

— **ТЫ ГОТОВ** пойти еще раз к... э-э... к нашим соседям, Ронни?

— спросил Бериш.

Ронни крепко сжал в ручонках маленький переносной генератор. Бериш был преисполнен самодовольства, потому что именно он предположил, что чужаки, возможно, вообще могли не открыть электричество. Может, Бериш рисковал, и они использовали какие-то иные источники энергии — может, ментальную энергию, — и электричество вообще не интересовало их. Но генератор мог открыть чужакам новые просторы технического прогресса и, кто знает, что они могут дать в обмен?

Бериш терпеливо повторил Ронни инструкции.

— Вы хотите, чтобы я встретился с чужаками, объяснил им, что эта штука дается им для обмена, и что-нибудь получил от них в ответ, — пробормотал мальчик.

— Верно! — радостно воскликнул Бериш. — У вас, знаете ли, очень умный сынишка, — сказал он Кондону, который рядом нервно переминался с ноги на ногу.

— Возвращайся побыстрее, — сказал Кондон сыну. — Не нравится мне, что вы заставляете это делать, — добавил он Беришу.

— Но он уже лазил туда, — холодно ответил Бериш.

— А что, если там с ним что-то случится? Вы посыпаете ребенка исследовать неизвестную Вселенную...

— Вы замолчите, наконец? — огрызнулся Бериш. — Мне надоели ваши опасения, Кондон. Идите в дом. Я позову вас, когда вернется Ронни.

БЕРИШ ЖДАЛ пятнадцать минут и тоже был весьма взволнован. Ронни, конечно, умный и сообразительный мальчишка, но нельзя винить Кондона за то, что он волновался за сына. Бериш ходил взад-вперед по дорожке.

Наконец, Ронни вернулся. Бериш смотрел на него, думая лишь о том, что он принес на этот раз.

Ронни протянул ему маленький шарик, внутри которого в зеленой, солоноватой даже на вид жидкости степенно плавало туда-обратно черное, похожее на странную рыбку животное.

— Как мило, — сказал Бериш, скрывая свое разочарование. — Домашнее животное.

В душе он весь бушевал, потому что животное было ему бесполезно.

Из дома выскочил Кондон и начал рассматривать странное животное.

— Вряд ли мы получим прибыль на этот раз, — сказал он. — Думаю, нужно отдать его обратно и попросить в обмен что-нибудь другое.

Бериш молча стоял и интенсивно думал.

— Ронни, — сказал он, наконец, — вернись туда и попроси своего друга расширить лаз, если он сможет. Нужно, чтобы он стал достаточно большой для взрослого человека.

Ронни повернулся, *хрустнул* и исчез в дыре. Буквально секунду спустя он уже вылез обратно.

— Все в порядке, мистер Бериш, — сказал он. — Ленингд расширил дыру. И они с нетерпением ждут обмена.

Глаза Бериша засверкали.

Вот он, подумал Бериш, шанс пройти туда самому и все сделать, как надо. Не нужно большие никаких неудачных контактов через ребенка. Я сам пройду туда и выберу лучшее, что у них есть.

Он сосредоточил мысли на том, сколько сокровищ может находиться в соседнем мире. Путешествия во времени? Превращения? Телепортация? Что бы там у них ни было, он организует обмен и получит огромную пользу, взяв то, до чего не додумался бы Ронни.

А то дела идут без желаемой отдачи, мелькнуло у него в голове, пока он глядел на круглый аквариум. А раз у них есть антигравитация и телепатия, то может быть масса другого. И я получу это от них. Я стану обмениваться. Обмениваться взаимовыгодно для соседнего мира и для Земли. И очень выгодно для «Смешанных Технологий» и лично для Дирка Бериша.

— Я иду, — сказал он и исчез.

РОННИ И Кондон терпеливо ждали на дорожке, пока вернется Бериш. Прошел час, затем два. Они стояли на бессменной вахте весь остаток вечера, и, наконец, уже поздно ночью, из дыры вылезла какая-то неясная фигура.

— Вот он! — закричал Ронни.

Но это был не Бериш. Это было невообразимое чудище с фиолетово-зеленой чешуйей, дюжиной гибких, извивающихся рук, огромным глазом на вершине тулowiща и широким разрезом рта под ним. В одной из рук чудище держало мраморный шарик, протягивая его Кондону.

Приветствую вас, — услышал Кондон его мысль и в ужасе уставился на инопланетное чудище.

Я пришел вам в обмен, — продолжал мысленное общение чужак.

— Мы получили ваши экземпляр и радуемся его сложности. Очень интересный объект. Поэтому в обмен выбрали меня.

— Добро пожаловать, — промямлил Кондон, сделав шаг назад и думая о том, что же произошло с Беришем. — Значит, вы пришли в обмен? За Бериша?

Да. И я, как и он, очень любопытный. Поэтому я прошу, чтобы вы оказали мне ту же услугу, что и мой народ предоставил ему.

— Что же именно? — спросил Кондон.

Единственный громадный глаз чужака ярко запыпал.

Прежде, чем вы препарируете меня, покажите мне хотя бы часть вашего мира, возникла в голове у Кондона его мысль.

Hole in the air, (Amazing Stories, 1956 № 1), пер. Андрей Бурцев

WORLD'S LEADING SCIENCE-FICTION MAGAZINE

AMAZING

ANC

STORIES

JUNE

35¢

THE THING FROM UNDERNEATH by Milton Lesser

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ЭКЗАМЕН

ЛОН ДЖЕКСОН, тщетно борясь со скукой, бросил на стол авторучку и подошел к окну своего кабинета на девяностом этаже. Нажал кнопку, и окно скользнуло в сторону, открываясь. Показалось темное безлунное небо.

Лон смотрел на него, с горечью усмехаясь. Говорили, что эти яркие точки света на черном бархате небес были звездами, возле которых находились другие миры. Так говорили, сам же он понятия об этом не имел. Миром Лона являлся Сектор IV, на том месте, которое было когда-то Северной Америкой. Сектор IV представлял собой единственное громадное здание, этакий шестикилометровый у основания квадрат в километр высотой. Лон за все свои двадцать четыре года никогда не был вне Сектора.

Из окна он с трудом мог увидеть далекую башню Сектора III. Говорили, что соседний Сектор стоял в пятнадцати километрах отсюда, но для Лона он был столь же далек, как и звезды. Никто никогда не выходил на улицу. Вне Секторов жили лишь Работягами полудикие преступники и потомки преступников, осужденные выращивать и предоставлять Секторам свежие продукты в обмен на инструменты. Такие обмены совершали лишь роботы, которые тщательно стерилизовали продукты, прежде чем ввозить их в Сектор. Ведь в Секторах были уничтожены все болезни, и жители их не могли рисковать застичи заразу снаружи.

Загудел зуммер. Лон повернулся, включил видеотелефон и увидел, как на экране появляется знакомое лицо Старшего Престона. Лон вежливо поздоровался.

— Да, Старший Престон?

Старик откашлялся.

— Всего лишь проверка, Джексон. Я заметил, что вы еще не переслали мне медицинский ответ, вот и решил напомнить вам, что, согласно Инструкции, у вас остается на это лишь час. Так что лучше поторопитесь.

— Да, сэр, — нервно ответил Лон, неохотно вернулся к столу и взялся заполнять пробелы в отчете Секции.

«Отчет за период 1-30 февраля 2716 года, — поспешил написал он. — Сектор IV. Нормативы здоровья за отчетный период на 99,07 процентов совпадают с ожидаемыми. Произошло 4 несчастных случая, незначительных и, соответственно, обработанных, что и описано в прикрепленных расшифровках. Больше за отчетный период в Бюро Медицины не было произведено никаких иных действий. Сектор IV соответствует на 98 процентов Медицинской Проценталии».

Это все лишнее, сердито думал Лон, заполняя стандартную форму.

— Бесконечная жизнь стандартной документации. И никакого выхода.

Он потянулся и повернулся к слабо замерзшей стене. Через секунду свечение стало ярче, и Лон закончил:

«Отчет завершен. Лон

Джексон 04168, свидетельство Медика Сектора 2712».

Готово, подумал он, сложил отчет и положил его в блестящий металлический контейнер, закрыл плотную крышку, затем, повинувшись внезапному дикому импульсу, поднес контейнер к губам и дохнул на него. Металл затуманился.

— Прекрасно, — насмешливо фыркнул Лон. — Это доказывает, что я еще жив.

Он бросил контейнер в приемник пневмодоставки у себя на столе и, услышав щелчок, попытался представить, как контейнер несетя по трубе с Девяностого этажа на Нижний уровень, где трудились Старшие. Там они будут бесконечно проверять и перепроверять отчет, как будто специально пытались поймать медика на ошибке. За все время это удалось им лишь раз, три года назад, когда Лон был еще неопытным новичком только что из Медицинского Университета.

ЛОН ВСПОМНИЛ, как это было. Тогда ему тоже позвонил Старший Престон. Старик строго посмотрел на него с комфорtabельной мягкой кушетки.

— Вы Джексон 04168?

Лон не забыл натянуто кивнуть.

— Да, сэр.

— Вы новенький на этой должности, не так ли? — рявкнул Старший.

— Закончил Медицинский Университет на 162-м этаже, сертификат 2712, сэр. Назначен в начале нынешнего года.

— Вы слишком небрежны для новичка, — сказал старик, пересылая один из отчетов Лона. — Просмотрите его.

Лон задрожал, взял пришедший по пневмодоставке листок и внимательно прочитал его.

— Кажется, все в порядке, сэр, — осторожно сказал он затем.

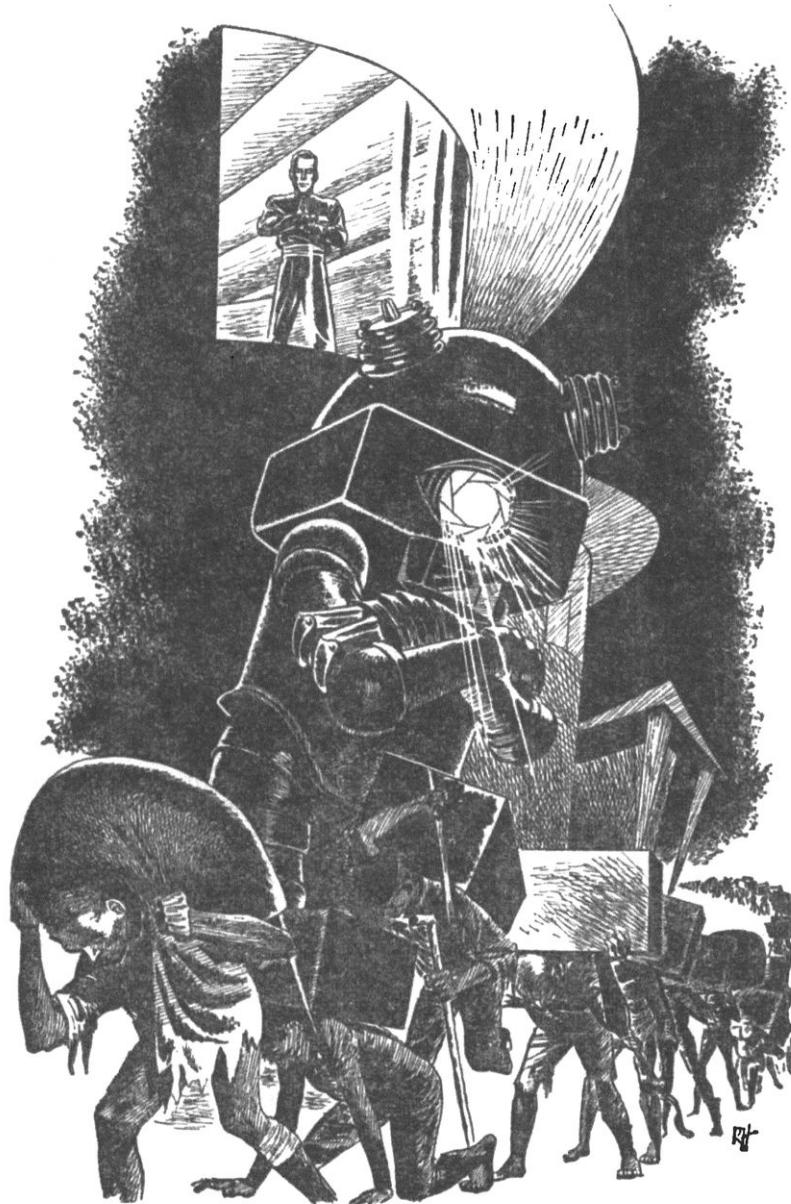
— Авторучкой какого цвета вы заполняли его, Джексон?

— Синей, сэр, — промямлил Джексон.

ENTRANCE EXAM

By ROBERT SILVERBERG

The Menials lived Outside where the chosen ones on the inside were forbidden to go. They were contacted only by robots that had to be thoroughly sterilized afterwards. The Menials were children of despair and desolation and were looked upon with contempt and loathing by the insiders. Discrimination? You ain't read nothin' yet!

The Robot's cold eye watched the suffering men.

— Вот как, синей? А вы вообще читали Инструкции? Вы знаете, что в Инструкциях написано о цвете чернил в отчетах?

— Нет, сэр.

— Я так и думал. С этого дня, Джексон, извольте сдавать мне отчеты, заполненные черными чернилами. Понимаете? И вечером почитайте Инструкции вместо того, чтобы тратить время на отдых.

— Да, сэр, — сказал Лон и выключил видеосвязь.

И только затем он сообразил, что заполнял отчет *черными* чернилами.

Позже ему пришла в голову мысль, что все это было подстроено и что Старшие химически изменили цвет его записей по каким-то своим причинам — может, лишь для того, чтобы полюбоваться переведенным новичком. Но он не посмел никого спрашивать об этом, подобные вопросы могли быть отнесены в категорию подрывных.

И Лон не стал ничего делать, хотя еще целых три года этот инцидент нет-нет, да и всплывал в его памяти.

ВЗДОХНУВ И постаравшись в который раз выкинуть эти воспоминания из головы, Лон покинул кабинет, прошел по длинному коридору и остановился у стеклянной двери, на которой было написано: Бюро Психологии. Тронул фотоглазок, и внутри послышался тихий звонок.

— Март? — позвал Лон.

— Минутку, Лон, — раздалось в ответ. — Я еще не отправил вниз свой отчет.

— Работай. Я подожду.

Лон подошел к противоположной стене и поднес руку к красновато мерцающему свету. Стена раздвинулась, открывая в скрытом алькове удобную скамейку. Лон раскинулся на ней.

Через несколько минут Март Дрю 05138 из Бюро Психологии вышел из кабинета, и дверь закрылась за ним.

— Привет, Лон.

Лон вскочил и шагнул из алькова. Скамейка тут же скользнула обратно, и стена закрылась.

— Привет, старик.

МАРТ, ВЫСОКИЙ молодой человек, очень похожий на Лона, — за прошедшие столетия имбридинга все люди стали похожими друг на друга, — кивнул ему в ответ.

— Закончил свой отчет?

— Конечно, — ответил Лон. — Обычная рутина. Я мог бы заполнять его, не просыпаясь. В Медицинском Бюро вообще нет работы, не то, что у вас, Психологов. Вамечно есть что делать, счастливчикам!

— Не обманывай себя, сынок, — сказал Март Дрю. — Это не так уж захватывающе, как ты думаешь. Да я бы за полкредита ушел бы Наружу и стал бы Работягой!

Лон захихикал.

— Я уже вижу, как ты мостишь улицы, добываешь камень и пашешь землю. — Он схватил Дрю за руку и крепко сжал ее, белые пальцы тут же стали краснеть. — Да ты за день натер бы себе кровавые мозоли, — продолжал Лон. — Ты же не делал ничего более тяжелого, чем заполнение отчетов. Лучше уж оставайся в Секторе, где родился и к которому принадлежишь.

Март покачал головой.

— Да не хочу я принадлежать ему, Лон. Я хочу выбраться Наружу, и собираюсь сделать это раньше, чем ты думаешь. Вот погоди, я тебе покажу!

Лон посмотрел на Психолога, потрясенный в глубине души. Правда, выбраться Наружу было тайной мечтой самого Лона, и он тысячи раз проклинал эти стены, удерживающие его, но никому не посмел бы признаться в этом.

— Тише, Март! А что, если Старшие установили на этом этаже прослушку?

— Ну и пусть! — воскликнул Март. — Скоро они услышат обо мне.

Некоторое время они шли по коридору молча, затем свернули за угол. Остановились, повернулись лицом к стене, и раскрылась невидимая до этого дверь лифта.

Март набрал на пульте комбинацию своей Игровой Комнаты.

— Чем бы ты хотел заняться сегодня вечером? — спросил он.

— Ну, не знаю, — ответил Лон. — В Игровой я не был уже больше недели.

— Так идем, — сказал Март. — Проведем сегодня вечерок вместе.

ОНИ ВОШЛИ в лифт, двери закрылись. Лон чувствовал пустоту в желудке, когда на стенной панели замигали, сменяясь, числа. *Восемьдесят девять. Восемьдесят. Семьдесят шесть.*

Числа, уменьшаясь, почти загипнотизировали Лона.

— Ты серьезно хочешь выйти Наружу? — спросил он, когда лифт начал тормозить.

— Смертельно серьезно, — мрачно ответил Март. — И обязательно выйду.

— Удачи тебе, — сказал Лон. — Но только тебе не позволят.

— Это мы еще поглядим, — сказал Март.

Лифт остановился на числе *Семнадцать*. Они вышли и направились по коридору в Игровую Комнату. У входа в нее толпились десятки других, вытягивающих задания на нынешнюю ночь.

— Игровая Комната, — раздался холодный, бесстрастный голос дверного робота. — Могу я увидеть ваши жетоны?

Они положили пластиковые, похожие на монеты жетоны на считыватель, где сканер проверил их и записал имена.

— Зарегистрировано, — сказал робот. — Джексон 04168, Дрю 05138, выбирайте вашу Игру.

Дверь скользнула в сторону, включенная фотоэлементом, а за ней открылось множество других дверей.

— Вот эту, — сказал Март.

— Подходит, — кивнул Лон.

Они вошли.

Игра была перед ними в отдельной комнате, дверь тихонько закрылась за ними. Стало совершенно тихо.

— Этого я еще не видел, — сказал Лон. — Что это за Игра? Или ты тоже не знаешь?

— Не волнуйся, — уверенно ответил Март. — Я уже играл в нее. Это легко, если правильно рассчитать траектории. Ты должен поставить цветные шарики на вершину холмика и так ударить по ним рычагом, чтобы они скатились вниз и угодили в лунки своих цветов.

Он вытянул поршень. Появились пять маленьких металлических шариков.

— Давай сначала ты, — сказал Март. — А я посмотрю.

— Ладно, — пожал плечами Лон.

Он подошел к игровому автомату и вытащил поршень. На вершину холма стал подниматься красный шарик.

— Давай! — завопил Март.

Лон резко повернул диск. Повинуясь сигналу отдаленного управления, рычаг, находящийся в десяти метрах от игроков, метнулся, как катапульта, и швырнул красный шар через помещение в поджидающую красную лунку. Вспыхнул зеленый огонек, означающий гол.

— Хороший удар, Джексон! — одобрительно сказал Март. — Теперь черный!

Рычаг снова щелкнул по шарику, и тот полетел через комнату, отскочил от заграждения и попал точно в черную лунку. Еще раз вспыхнул зеленый огонек.

— Два гола!

На вершину начал медленно подниматься зеленый шарик. Лон ждал, затем резким движением запястья ударил по нему рычагом. Зеленый шарик отскочил от стены и попал в нужную лунку. Вспыхнул третий огонек. Прошло больше половины Игры, и Лон почувствовал прилив ликования.

— Оставшиеся два обычно самые трудные, — предупредил его Март. — Особенно последний. Кривая его движения непредсказуема.

На вершину понесся фиолетовый шарик. Удар. Попадание! Четвертая зеленая лампочка! Осталась лишь одна неосвещенная.

Вверх медленно, со скоростью улитки, пополз золотистый шарик. Лон приготовился, дожидаясь, пока он окажется на самой вершине.

Внезапно изображение расплылось, Золотой шарик рванулся и полетел вниз. Лон с опозданием ударил рычагом, разумеется, промахнулся, и золотистый шарик скатился к начальной точке. Четыре другие шара вылетели из лунок, лампочки погасли.

— Я такой неуклюжий, — уныло сказал Лон. — Прости, Март.

— Не бери в голову, — сказал ему Март. — У нас осталось еще две попытки. Мы сделаем Игру! Я несколько недель готовился к этому.

Март знал, о чем говорил. После четверти часа напряженной игры Март, наконец, сумел нанести золотистому шарику удар на пике его подъема, и тот лег в нужную лунку.

Появившийся робот скользнул к ним, тупо глядя перед собой.

— Поздравляю с победой, — сказал он. — Вы предпочитаете завершить Игру сейчас и принять обычное вознаграждение или перейти к следующей Игре?

Лон обменялся взглядом с Мартом. «Обычное вознаграждение», было дополнительным часом, обычно сопровождаемым с дополнительными привилегиями в лаборатории. Всякий раз, когда Лон побеждал в Игре, он заканчивал на этом и наслаждался дополнительным часом, проведенным в лаборатории. Он понятия не имел, какой приз мог бы выиграть, если бы перешел к следующей Игре, но знал, что потерял бы все, если бы проиграл ее.

— Мы закончим здесь, — сказал Лон роботу.

— Только не я, — возразил Март. — Я выбираю продолжение! — Он взглянул на Лона. — А ты как?

Лон покачал головой.

— Прости, но нет, — сказал он.

Он хотел получить то, что уже заслужил, и не хотел рисковать потерять все в безумной надежде на то, что, может, ему разрешат выйти Наружу.

— Дальше иди один, Март. И... удачи тебе, приятель.

— Спасибо, Лон, — серьезно сказал Март, и робот провел его в следующую дверь, тут же закрывшуюся за ними.

НА СЛЕДУЮЩИЙ день, вначале второго часа работы, Март ворвался в кабинет Лона. Лон оторвал взгляд от отчета.

— Ну, и как все прошло?

— Я победил! — ликующее закричал Март. — Это было легко, просто до смешного легко! Я победил! Жаль, что ты не пошел со мной.

— И каков там приз?

— Это нечто! Я могу сделать вообще любой запрос. И знаешь, что я выбрал?

— Могу лишь предполагать, — осторожно сказал Лон. — Ты запрашивал разрешения выйти Наружу. И получил решительный отказ.

— Ты прав лишь наполовину, Лон! Да, я действительно сделал такой запрос. Но мне *не* отказали! Запрос был сразу же удовлетворен, и мне разрешили выйти Наружу сегодня на целых три часа! Только представь себе, Лон, наконец-то я могу своими глазами увидеть Внешний мир!

Лон окинул друга взглядом нескрываемой зависти.

— Расскажешь мне потом, как там, — сказал он, наконец. — Я, наверное, никогда не смогу попасть туда сам.

— Заметано! — Март взглянул на часы. — Ого, уже пора идти. Увидимся, когда я вернусь. Только не работай до упада!

— Не волнуйся обо мне, — сказал Лон, и Март ушел.

А мне еще час торчать в лаборатории, подумал Лон, когда дверь закрылась. Он сердился на себя за то, что не имел упорства Марта. А ему всего лишь нужно было пойти с Мартом и продолжить Игру, даже рискуя этим лабораторным часом. Он мог пойти с Мартом. И Март...

Просто невероятно! Значит, можно обойти самый строгий запрет? И Март сейчас уже выходит Наружу? Лон помотал головой.

Потом он прошел во внутреннюю лабораторию и осмотрел свое оборудование. Подумал над тем, как прошел прошлый эксперимент, и сел за лабораторный стол, не чувствуя вообще ни малейшего желания работать. Посидев, Лон решил, что не станет проводить сегодня никаких исследований. Вместо этого он просто почтает.

И Лон написал запрос на книгу, книгу по Древней Истории, которую начал читать в свое прошлое свободное время. В книге описывались странные, тяжелые, но захватывающие времена до Эпохи Уничтожения Болезней — о тех временах, когда еще не были построены Секторы, и все Человечество не спряталось в гигантские, закупоренные здания.

Лон бросил запрос в пневмотрубу, и обернутая в защитный пластик книга прибыла почти сразу же. Лон с жадностью схватил ее и начал читать о тех удивительных временах.

В главе, которая наиболее заинтересовала его, описывались болезни двадцатого века. У них были странные, запрещенные названия: туберкулез, полиомиелит, рак и даже что-то, вызываемое простудой, от которой, очевидно, то и дело страдали почти все люди.

В Медицинском Университете его учили, что эти болезни постепенно побеждались человеком. Вакцина Салк уничтожила полиомиелит, Луч Кеннели покончил с угрозой рака, антигистаминовые препараты ликвидировали простуду. Все это демонстрировалось в Музее Медицины на Восемьдесят шестом этаже, но все эти лекарства стали не нужны с тех пор, как был построен Сектор IV.

По мере того, как исчезали заболевания, у людей снижался и иммунитет к ним. Потому Сектора и строились герметичными, чтобы преградить путь любой заразе с Наружи.

Как же тогда, спросил себя Лон, Старшие выпустили Марта Наружу, нарушив герметичность и поставив под угрозу заражения, а, значит, и само существование Сектора? Это же вообще какая-то бессмыслица.

Лон читал до конца своего свободного периода, после чего, разволновавшись, отправил книгу обратно в пневмотрубу. Когда период, добытый выигрышем в Игре, закончился, он вернулся к своей текущей работе. Через два часа Март должен вернуться Снаружи, и Лону не терпелось узнать, как там вообще и что делается.

Сколько-нибудь минуты, собираясь в десятки, а те в часы, пока почти вплотную не подошло время возвращения Марта. Задумавшись, Лон ускользнул из дневной рутины и ждал, ждал...

Внезапно зазвучал зуммер видеотелефона, и на экране возникло лицо Старшего Престона, казавшееся еще более мрачным, чем обычно.

— Джексон? Снаружи возвращается больной. У тебя ведь в Бюро есть защитный костюм? Даю тебе приказ проверить состояние больного и уничтожить его, пока он не заразил весь Сектор.

Потрясенный, Лон стал действовать чисто рефлекторно. Он машинально надел Шлем Безопасности и на руки натянул стерильные перчатки. Очень быстро работы принесли человека в большом защитном скафандре и положили его на диагностический стол. Потом ушли так же молча, как появились.

Даже еще не глядя, Лон знал, кто это. На столе лежал Март Дрю, кашляя и чихая — симптомы древней простуды, бывшие когда-то мелкой неприятностью, но теперь являвшиеся смертельной угрозой антисептическому мирку Сектора IV.

Но почему? Почему Старшие сознательно позволили Марте выйти Наружу и заразиться, так что теперь не оставалось ничего иного, как уничтожить его?

Внезапно Лону явился очевидный ответ. *Они хотели убрать Марта.* Они узнали об его странных идеях и решили избавиться от него. И, поняв это, Лон пришел к внезапному решению.

— Вам это так не сойдет! — закричал он потущенному экрану. — Я не стану исполнять для вас роль палача! Предполагается, что Медик предназначен лечить, и я буду лечить Марта!

Выкрикнув это, Лон задрожал, осознавая, что нарушает прямой приказ Старшего, не ликвидировав опасность заражения, но, — странное дело! — его почему-то это не слишком волновало. Ликвидация опасности означала ликвидацию Марта. Так думали Старшие. Но Лон не станет этого делать, поскольку была возможность спасти Марта.

Экран видеофона внезапно вспыхнул, на нем снова возник Старший Престон.

— Ты уже сделал это?

— Еще нет, — ответил Лон, вызывающим жестом выключил экран и рванулся к двери.

Черт с ними, с Инструкциями, отчаянно думал он. — Что значит приказ Старшего по сравнению с жизнью человека?

Лон мчался по коридору с такой быстротой, с какой только позволяли его не привыкшие к бегу ноги. Наплевав на лифт, он понесся по лестнице на Восемьдесят шестой этаж Сектора, а потом стрелой по коридору в Музей Медицины.

Там он буквально носился среди витрин и стеллажей, то и дело останавливаясь и всматриваясь сквозь стекло. Наконец, он нашел то, что хотел — шприц Антигистамина.

Мгновение Лон колебался, потом разбил кулаком стекло, даже не заметив боли и крови на костяшках порезанных пальцев, не услышав шипения, с каким вырвался из разбитой витрины газ консерванта. Лон уже протянул руку и схватил шприц, когда появились два робота.

Он бросился обратно, прячась за стеллажами, обогнул их и понесся по лестнице. Обернувшись на бегу, он увидел, как столкнулись друг с другом сбитые с толку роботы.

Когда он вернулся в свое Бюро и достал шприц, то совсем задохнулся. Хрипя, Лон начал открывать защитный костюм лежащего.

В ушах звенел вой сирен, кто-то вдалеке кричал о карантине, но Лон не обращал на все это внимания и продолжал заниматься своим делом — лечить больного.

ДВА ЧАСА спустя он молча стоял в кабинете Старшего Престона, спокойный и донельзя довольный собой. Теперь его даже не пугал этот мрачный старик.

— Просто невероятно, Джексон, — бушевал тем временем Старший. — Показное нарушение всех Инструкций, которое влекло за собой опасность заражения всего Сектора, кража из Музея... — Лицо старика былоискажено гневом и ужасом.

— Я уже дважды объяснял вам, зачем это сделал, — сказал Лон, когда тот замолчал. — Попытаюсь еще раз. Я не собирался исполнять ваш жестокий и бессмысленный приказ, поскольку по нему я должен был убить своего друга, а в моих силах было спасти его.

— Это я уже слышал, — огрызнулся Старший. — Но разве ты не понимаешь, что ради блага всего Сектора нужно было немедленно уничтожить источник заражения?

— Тогда зачем вы отправили его мне? — сердито вскинулся Лон.
— Вы же знали, как я поступлю. Почему же вы не уничтожили его самостоятельно?

Старший улыбнулся.

— Это я скажу тебе позже.

— Почему бы вам тогда не перейти к сути дела, Престон? — рявкнул Лон.

Он больше не чувствовал ни страха, ни опасений. Он уже совершил самое тяжкое преступление, а дважды его казнить все равно не могли.

— Что вы собираетесь сделать со мной? Как именно наказать? Быстро покончить со всем, пока не поползли слухи, верно?

— Наказать? — на лице старика появилась странная улыбка. — Иди-ка сюда, Джексон. Я хочу кое-что показать тебе.

Старшие включил экран-окно, на котором появились звезды. Он указал на них рукой.

— Звезды, — сказал он.

— Ну и что? — не понял Лон.

— Здесь, на нижних этажах, мы создаем корабль, — сказал Старший Престон. — Космический корабль, который полетит к звездам. И этому кораблю нужен экипаж и, главное, колонисты для освоения нового мира. Колонисты должны быть людьми умными, способными мыслить самостоятельно, гибкими, смелыми, короче, людьми, способными действовать в чрезвычайных ситуациях и нарушающими инструкции в случае необходимости. У нас еще мало таких людей. Жизнь в Секторах слишком хорошо регламентирована, здесь не существует никаких проблем. И люди становятся вялыми и зависимыми. Вырождается их приспособляемость к суровым условиям жизни.

— И какое отношение это имеет ко мне? — нетерпеливо перебил его Лон.

— А раз нет проблем, — продолжал Старший, не обращая на него внимания, — то нам приходится самим создавать их. Мы следим, чтобы нужные нам люди имели возможность выйти Наружу и смотрим на их поведение там. Затем создаем у других людей некий внутренний конфликт и смотрим, как они поступят. У одних происходит сбой, другие же справляются.

Внезапно в кабинет вошел Март Дрю.

— На днях Март прошел испытание, когда подал запрос выйти Наружу. Этот смелый поступок подсказал нам, что он является потенциальным колонистом. Тогда мы сегодня разыграли для тебя небольшой спектакль. Три года мы наблюдали за тобой в надежде, что из тебя тоже получится колонист.

Лон внезапно почувствовал, что у него ослабли колени.

— Так, значит, все это — простуда Марта и вообще все, что было — всего лишь игра?

— Это не игра, Лон, — очень серьезно сказал Старший. — Можешь назвать это вступительным экзаменом. И ты выдержал его. Ты, и такие, как ты, должны стать основателями нашей звездной колонии. — Старший Престон указал на мерцающую черноту небес. — Мне жаль, что пришлось обмануть тебя, но теперь тебя ждут звезды. И еще больше мне жаль, что я не смогу полететь вместе с вами. Удачи там.

Он замолчал, его морщинистое лицо внезапно перестало казаться строгим, а сделалось просто бесконечно усталым.

Лон посмотрел на Марта, затем снова на Старшего.

— Откуда мне знать, что это не очередная игра и не еще один экзамен? — резко спросил он.

— С экзаменами покончено, — улыбнулся Старший. — Корабль вылетает уже завтра.

И ЛИШЬ когда громадный массив Сектора IV стал крошечной точкой на быстро уменьшающейся равнине, а небо все больше темнело, хотя только что миновал полдень, только тогда Лон поверил ему.

Entrance exam, (Amazing Stories, 1956 № 6), пер. Андрей Бурцев

WORLD'S LEADING SCIENCE-FICTION MAGAZINE

AMAZING

ANC

STORIES

JULY 35¢

THIS PLANET IS MINE

A "Johnny Mayhem" Adventure by C. H. Thames

ДЕРЖИТЕСЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ НАШИХ МОГИЛ

(Под псевд. Ральф Берк)

УТРОМ РОБОТЫ Роя вырыли две могилы, хотя в последнее время на Земле было довольно тихо. Уже два дня на планету Галактического кладбища не приземлялся ни один корабль, и они явно не появятся еще несколько дней, но Рой подумал, что все нужно готовить заранее.

— Хорошая работа, — сказал он роботам после того, как осмотрел чистенькие, пахнущие сырой землей могилы.

Затем удовлетворенно кивнул роботам, и те отключились, скользнув в небытие в ожидании следующего задания. Глубоко дыша, счастливо впитывая весенний воздух, Рой вернулся в свою хижину.

Хороший способ проводить жизнь, работая смотрителем планеты-кладбища. Землю, от которой Вселенная давно отказалась, как от места для жилья, все еще сентиментально уважали, как родину Человечества... и как его кладбище.

Большое, во всю западную стену хижины, окно было вымыто несколько минут назад, заметил Рой. На ковре все еще были видны отпечатки ног робота-уборщика. *Нужно запомнить*, подумал Рой, *роботу нужны новые ноги*.

Он посмотрел через окно на холмистую местность Земли, широкие зеленые луга, лес на вершинах холмов и красивые, ровные ряды белых могильных камней, тянущиеся во все стороны, насколько хватало глаз.

А затем: *Бэзд!*

Сигнал видеофона внезапно ворвался в мирные мысли Роя. Он включил его, и солидо-проекция Эндрэя, заместителя Роя, шагнула в комнату и уселилась в кресло.

— Рад видеть вас, Эндрэй, — сказал Рой солидо-проекции. — Что привело вас в эту часть мира?

— Проблемы, Рой. Заваривается большая каша, — заместитель выглядел встревоженным.

Рой шумно вздохнул. Он много лет боялся проблем, слишком уж гладко все шло.

— Что случилось? Кто-то из вашей последней партии тел отказывается мирно лежать в могиле?

— **ПОЧТИ ЧТО ТАК**, Рой, — усмехнувшись, сказал Эндрей. — Вот получите: команда лланишаи высадилась сегодня утром в моем секторе!

— Да? И это все? — Рой с облегчением вздохнул. — Эти лланишаи неплохие ребята. Несколько лет назад ко мне прилетала их туристическая группа. Им было любопытно взглянуть на Землю, прародину всех их пациентов. Надеюсь, вы отнесетесь к ним со всей любезностью, старина.

Лицо Эндрея стало еще более взволнованным.

— Вы не поняли, Рой. Я еще не сказал вам, что случилось. Эти лланишаи... один из них *мертв*. И они хотят похоронить его здесь. Похоронить чужака на земном кладбище!

Рой почувствовал, как у него заныло в животе. *Действительно, проблема*, подумал он. *Большая проблема*.

— И что вы им ответили? — спросил он.

— Пока что ничего. Вы же знаете, что я не уполномочен сам принимать стратегически важные решения. Я сказал им, что свяжусь с Главным Смотрителем и узнаю, что об этом думает он. Вот я и связался с вами. Так что вы думаете?

Рой нахмурился. Всего лишь минуту назад все было так хорошо.

— Даже не знаю, что и сказать, Эндрей. Нет ни единого прецедента похорон на Земле инопланетян. И это для нас, похоронивших уже столько людей. Я даже и не знаю, как мы должны поступить.

— Но вы можете дать мне хоть какой-то совет? — умоляюще воскликнул Эндрей.

— Лучше отправьте их ко мне. Я освобожу вас от этой проблемы и буду волноваться о ней сам, — сказал Рой, гордясь при этом своим благородством. — Спасибо, что позвонили мне.

Солидо-проекция Эндрея встала.

— *Спасибо вам*, шеф. Я боялся, что вы оставите этот груз на моих плечах. А вы знаете, как я ненавижу принимать такие важные решения.

Рой, улыбаясь, поглядел на своего подчиненного.

— Да. Эндрей, знаю. Только проследите, чтобы эти лланишаи по-быстрее направились ко мне. Спокойной ночи, Эндрей.

— Спокойной ночи, сэр.

И солидо-проекция медленно растаяла в воздухе.

ВСЕ ВЕРНО, заваривается большая каши, с тревогой подумал Рой, когда кресло подкралось к нему сзади и окутало своей мягкой плюшевостью. Но этим Рой не был недоволен. *Я работаю здесь больше столетия*, подумал он, *и, наверное, забыл уже о настоящих проблемах. Да их и не было, если не считать дела денебиан сорок лет назад, да и оно, по сути, не было таким уж серьезным.*

What will our relationship be with races on other planets with whom we may be thrown in contact during the space age to come? Will we—in blind narrowness—consider them our inferiors regardless of their talents and abilities? Will our arrogance be our undoing? Will the Terran say to those of other worlds: Stay out of my culture—Stay off my planet—

STAY OUT OF MY GRAVE

By RALPH BURKE

Президента сейчас нет на Сириусе IV. Умер член его семьи, и он вчера улетел на Землю, чтобы самому присутствовать на похоронах.

На Землю? Он летит сюда? Вот это будет забавно, подумал Рой. Значит, Хорк и лланишаи будут здесь одновременно, а значит, и проблема сама упадет в руки Президента... по крайней мере, стоит на это надеяться.

— Спасибо, — сказал он девушке и отключился.

Он расслабился в кресле. Лланишаи прилетели, чтобы похоронить здесь своего соотечественника? Это был бы первый негуманоид, упокоившийся в почве Земли.

Рой нахмурился, размышляя. Затем решил переложить ответственность на других, точно так же, как сделал Эндрэй. У меня нет полномочий самому решать проблему с похоронами инопланетянина.

Рой потянулся к видеоФону и стал нажимать кнопки.

— Сириус IV, пожалуйста. Управление Президента Галактики.

Через секунду в комнате Роя появилась солидо-проекция молодой сирианки, которая сидела за столом и сладко улыбалась.

— Мне нужно срочно побеседовать с президентом Хорком, — сказал Рой. — Пожалуйста. Чрезвычайная ситуация. Меня зовут Рой Андерсон. Я — Главный Смотритель Земли.

— Прошу простить меня, сэр, — решительно ответила девушка, — но

Затем Рой долго сидел, глядя в большое окно на умиротворяющий ландшафт, и думал. *Что, если Президент откажется действовать? Что, если он переложит проблему обратно на Роя? Что, если эта запутанная ситуация будет стоить Рою его должности, и он, на старости, будет вынужден улететь, – еще неизвестно, куда, – освободив место для кого-то другого?*

Рой медленно покачивался взад-вперед, печально настыгвая и думая о том, кто доберется к нему первым – Президент Хорк или группа лланишай.

ПЕРВЫМИ ОКАЗАЛИСЬ лланишай. Они перелетели из сектора Эннрэя на другом конце Земли так быстро, что могли бы поставить рекорд, если бы тут устраивали подобные соревнования. Рой все еще сидел в раздумьях у окна, когда увидел корабль лланишай, который медленно снижался и замер в воздухе в полутора метрах от земли. Открылся люк. Из него была спущена лесенка, по которой изящно спустились четверо лланишай. Затем они направились между рядами могил прямо к хижине Роя.

Рой с интересом наблюдал за ними. Впереди шел самый высокий, примерно метр двадцать в высоту, а трое остальных были гораздо ниже. Рой с пристальным интересом рассматривал их, поражаясь странной походке, в которой одновременно участвовали все три ноги инопланетян.

Затем он встал, вышел из двери хижины и помахал им рукой. Лланишай помахали в ответ.

– Входите, – сказал Рой, притворяясь радостным, хотя в данный момент ему было вовсе не весело. – Я – Рой, Главный Смотритель.

– Рад знакомству, – сказал передовой лланишай глубоким, торжественным голосом. – Меня зовут Иеремия. Это моя семья – моя жена Магдалена, мои сыновья Илайдж и Элия. Мою мать звали прежде Лилит, но она скончалась и больше не имеет имени. Она находится в корабле – ждет похорон.

– Мне очень жаль слышать о вашей утрате, – рискнул Рой. – ПРИМите мои соболезнования.

– Она была рада умереть в гравитационном поле Земли, – сказал Иеремия, медленно разведя в стороны свои щупальца.

Рой уставился на их бесчисленные ответвления и сложную сеть мышц, что и делало лланишай лучшими хирургами во Вселенной.

– Да, – сказала Магдалена, – она была великим специалистом и знатоком культуры древней Земли, и часть ее глубокого интереса передалась моему мужу и мне. И он, и я взяли себе имена из древних земных легенд, в честь планеты, на которой возникли предки наших друзей.

Это будет жестоко, с унынием подумал Рой. Они действительно любят Землю... но, вероятно, их просто выгонят.

— Садитесь, — сказал он вслух, когда провел их в свое жилище. — Устраивайтесь поудобнее. Быстро ваш вопрос не решить.

— Спасибо, — сказал Иеремия, — но мы предпочитаем стоять. Но мы должны улететь как можно скорее. Ведь нас так мало, а страшущих, которым мы должны помочь, так много в Галактике. Мы бы хотели провести похороны завтра, если возможно.

— О, да, похороны... — начал было Рой.

— Моя мать была очень рада, что умирает вблизи Земли, — продолжал Иеремия. — Поскольку она всю жизнь питала огромный интерес к вашей планете и ее истории, очень важно, чтобы ее похоронили именно здесь.

— Да-да, конечно, — сказал Рой и потер морщинистой рукой свой подбородок. — Но у нас есть одна проблема...

— Какая проблема? — с подозрением в голосе спросил Иеремия.

Рой уже мысленно сформулировал ответ и хотел было сказать инопланетянам, что люди питают к Земле особые чувства и не хотели бы, чтобы в земле их праматери лежал лланишаи, но прежде, чем он успел вымолвить хоть слово, зажужжал зуммер видеофона.

Благодаря судьбу за предоставленную отсрочку, Рой нажал кнопку приема. Это снова был Эндрэй.

— Получено сообщение с наблюдательной станции, — сказал он.

— Корабль Президента Хорка уже вышел на орбиту вокруг Земли и вскоре начнет посадку.

Поговорив по видеофону, Рой спровадил инопланетян обратно на их корабль, дав им в сопровождающие робота, чтобы он провел им тур вокруг Земли, и сказал, чтобы они вернулись завтра. Лланишаи были в недоумении от неожиданной заминки, но слишком вежливы, чтобы о чем-то настаивать.

ПРЕЗИДЕНТ ХОРК и его семья появились сразу же после ухода лланишаи. Рой наблюдал за посадкой, но, не зная точно, что должен делать по протоколу — ждать Президента в хижине или выйти встречать его на улице, решил дать высокому гостю возможность застать его врасплох.

— С вами хотят встретиться четыре человека, — сказала дверь.

— Впусти их.

Дверь открылась, впуская Президента и сопровождающих его лиц. Одеты все были в зеленое — традиционные цвета сириан, носящих траур. Рой напряг память, вспоминая обычай Галактики. У него уже был обширный опыт похорон жителей Сириуса, Лебедя и Капеллы. Ни один гуманоид, в жилах которого текла красная кровь Земли, не мог быть лишен шанса получить вечное упокоение у истоков всего Человечества.

Президент стоял посреди комнаты, излучая силу. Как и все колонисты четвертой планеты Сириуса с повышенной гравитацией, он

был больше двух метров роста и пропорционально широк в плечах. Рядом стояла его жена, амазонка подобных пропорций, а справа и слева их дети – Кэтлин Хорк, красивая девушка лет восемнадцати, которой Рой макушкой не доставал и плеча, и десятилетний Ирвин Хорк, уже очень крупный и мускулистый ребенок. Они не нуждались ни в каком представлении – президентская семья была самой известной во Вселенной.

– Приветствую тебя, Рой, – сказал Президент Хорк своим знаменитым тяжелым басом. – Я не надеялся увидеть тебя так скоро при таких скорбных обстоятельствах.

Рой накинул на лицо свое любимое выражение сочувствия.

– Приношу вам соболезнования, Президент Хорк, за тяжелую утрату, которую понесла ваша семья.

– Да, отец моей жены покинул нас на прошлой неделе, – грустным тоном сказал Президент. – Разумеется, он завещал, чтобы его похоронили на Земле.

– Разумеется, – чуть склонил голову Рой.

Далее какое-то время продолжался разговор ни о чем. Затем, направляя беседу в русло, далекое от собственных печалей Президента, Рой позволил себе перейти к делу.

– Я связался с вашим офисом, чтобы получить кое-какую информацию, Президент Хорк, но вы уже отбыли на Землю, – сказал он.

Бездонные глаза Президента, в которых таились все заботы Галактики, с интересом взглянули на него.

– О чём же ты хотел спросить меня, Рой?

Рой облизнул внезапно пересохшие губы.

– На Землю только что прилетела семья лланишай. Вчетвером.

– Я заметил их корабль, – сказал Президент. – Продолжай.

– Ну, сэр... собственно, их летело сюда пятеро... но один умер во время полета.

– Очень жаль. Лланишай – очень ценные друзья гуманоидов. Мне больно терять любого из них, – сочувствующим басом пророкотал Президент.

– Очень верно замечено, сэр, – тихонько сказал Рой. – Они хотели бы похоронить свою мать на Земле.

Глаза Президента расширились, из них разом исчезло всякое сочувствие.

– Что-о?! Надеюсь, ты не допустил этого? Это же кощунство, Рой!

– Я ничего пока что не сделал, сэр. Я и хотел связаться с вами, чтобы узнать ваше мнение по этому вопросу.

– Тут и думать нечего! Абсолютно невозможно! Этого нельзя допустить, – твердо сказал Президент. – Что подумают избиратели? Э-э... Земля... э-э... драгоценнейшая святыня Человечества, источ-

ник, из которого произошли все мы. И эта святыня должна быть осквернена чужаками не нашей крови?..

— Этого я и боялся, подумал Рой. Он еще раз облизнул губы.

— Не могу согласиться с вами, сэр.

Президент уставился на него с несказанным удивлением.

— Я думаю, мы обязаны похоронить их здесь, — продолжал Рой, сам удивляясь своей дерзости. — Земля не может быть закрыта для негуманоидов, сэр. Лланишаи оказывают огромную помощь нашей расе. Без их хирургов многих из нас — возможно, и вас самих, сэр, — не было бы сегодня в живых. Разумеется, мы должны разрешить им...

— Я никогда не болел ни единого дня, — холодно прервал его Президент Хорк. — Если чужак будет лежать в нашей земле, это станет оскорблением для всех гуманоидов в Галактике. Я не могу позволить такого.

— Вы совершенно правы, сэр, — пробормотал Рой, чувствуя нарастающую в душе тревогу.

Он узнал мнение Президента... Но через несколько часов вернутся лланишаи, и он должен будет передать его им. Не очень-то приятно сказать такое этим маленьким, дружелюбным существам.

ОБЪЯСНЕНИЯ БЫЛИ долгими, запутанными и очень болезненными для Роя.

— Вот так обстоят дела, Иеремия, — наконец, закончил он, мысленно обливаясь потом. — Президент Хорк чувствует, что это будет... э-э... осквернение, если негуманоидному телу позволят лежать в почве Земли.

— Я не понимаю, — сказал маленький лланишаи, скручивая и распрямляя щупальца. — Мать хотела, чтобы ее похоронили здесь. Почему же это плохо? Пожалуйста, разрешите мне самому поговорить с Президентом. Я помогу ему понять...

— Нет, Иеремия, — терпеливо сказал Рой. — Он представляет двадцать миллиардов избирателей-гуманоидов и лишь несколько миллионов лланишаи. Он не может позволить себе оскорбить всех этих гуманоидов ради одного лишь негуманоида, к тому же уже усопшего.

— Но в чем же тут оскорблениe? — изумился Иеремия, привлек к себе младшего сынишку и игриво переплел свои щупальца со щупальцами мальчика. — Мы такие же граждане, как любые гуманоиды. Мы имеем те же права — разве не так? О, мне так жаль, что нас в Галактике не большинство! — с внезапным отчаянием воскликнул Иеремия.

— Иеремия, похороните вашу мать на Марсе, — предложил в порыве вдохновения Рой. — Проблема будет у всех нас, если вы начнете настаивать, чтобы похороны прошли именно на Земле.

Рой плотно сжал губы и принялся расхаживать взад-вперед по комнате, страстно желая, чтобы всего этого вовсе не произошло.

— Нет, Рой, — твердо сказал Иеремия. — Много веков лланишиа работали бок о бок с гуманоидами. Мы посвятили все наши навыки в медицине спасению гуманоидов от смерти. Конечно же, мы заработали право совместно использовать галактическую планету-кладбище. Мы такие же люди, как и гуманоиды.

Рой встал, подошел к окну и уставился на две свежие могилы, которые еще вчера выкопали роботы. Назревал самый большой конфликт, который Рой видел на своем веку, но через секунду он будет разрешен. Рой понял, в чем состоит его долг.

Повернувшись, он ударил кулаком себе в ладонь.

— Вы правы, Иеремия. Во всей Вселенной не найдется ни единой причины, по которой ваш народ не может хоронить своих усопших в почве Земли. Мы должны заставить Хорка понять, что он не прав.

— Нет... Только не заставить, — тихо сказал Иеремия. — Лланишиа не верят в принуждение. Давайте просто пойдем к нему, спокойно поговорим и покажем ему, как он не прав.

— Я знаю этих людей, Иеремия, — покачал головой Рой. — Этим способом мы ничего не достигнем. Я должен придумать что-то другое.

Лланишиа ушел.

Содрогаясь от негодования, Рой отвернулся, пытаясь придумать хоть какой-то план.

— С вами хочет встретиться один человек, — сказала дверь.

— Впустите его, — велел Рой.

Это оказался президент Хорк. Человек-глыба выглядел мрачным, усталым и каким-то сникшим. Но Рой не дал ему возможности что-либо сказать.

— Окончательно ли ваше решение, сэр? — спросил он. — О тех лланишиа, о которых я вам говорил?

— Где они? — пророкотал Президент, не отвечая на его вопрос.

— Лланишиа?

— Да. Где они?

— В своем корабле. Ожидают разрешения похоронить их мать...

— Быстро приведи их сюда! — рявкнул Президент Хорк. — Ирвину плохо. Мне нужен врач.

— Что случилось, сэр?

— Не знаю. Он без сознания и еле дышит. Может, какой-то вирус, который он подхватил тут, на Земле. Пошли лланишиа прямо в мой корабль... ситуация чрезвычайная.

Рой пристально взглянул на Президента, и в голове у него появился зародыш идеи. Разумеется, это было не к месту и вообще не этично, но данная ситуация не могла быть решена в рамках этики. Рой задумался...

– Да, сэр, – сказал он, наконец. – Я немедленно поговорю с лланишай, и один из них пойдет к вашему сыну.

– Спасибо, Рой. Мы все очень волнуемся.

Президент вышел из хижины и вернулся к себе в корабль. Рой расхаживал взад-вперед по комнате, игнорируя кресло, которое преследовало его и попыталось заставить его сесть, легонько удаляя под коленки. Он мысленно старался все взвесить и оценить. Лланишай просит разрешение похоронить свою мать в почве Земли, а Президент напыщенно отказывает ему в этом от имени всех гуманоидов. Это неправильно. У лланишай столько же прав быть похороненными на Земле, сколько и у самых гуманоидных гуманоидов.

Рой уставился в окно на длинные ряды печальных надгробий и две свежие пустые могилы. *Недолго им пустовать*, подумал он.

Затем Рой поспешно пошел к президентскому кораблю. Жена Президента с тревожной миной на лице сама открыла люк.

– Входите, – сказала она Рою, спуская лестницу.

Из глубины корабля вышел с мрачным лицом Президент Хорк.

– Они не придут, – ровным голосом сказал Рой.

– Что?! Это же прямое нарушение их медицинского кодекса!

– Я указал им на это, – сказал Рой. – Они отказываются прийти, если вы не позволите им похоронить на Земле их усопшую.

– Но это же уничтожит значение Земли, как святыни! – взревел Президент. – Стоит нам только открыть Землю для одного чужака, как все захотят быть похороненными здесь!

– Совершенно верно, – сказал Рой, про себя начинаясь даже наслаждаться душевным разладом Президента. – Иеремия хочет установить прецедент для своего народа. И он воспользовался единственным доступным ему способом.

– Но что станут говорить по всей Галактике, если услышат…

Но тут Президента перебила его жена.

– Пусть они хоронят, где хотят, Эдмун, – голос у нее был почти такой же басистый, как и у мужа. – Какое это имеет значение? Лланишай все равно очень походят на людей. И если они не помогут Ирвину… Если ты не сделаешь…

– Это шантаж! – проревел Президент. – Эти маленькие твари вздумали меня шантажировать…

– Но, Эдмун…

– Со мной это не пройдет! – рявкнул Президент. – Мне нравятся лланишай. Но если это узнают избиратели… Часть из них и слышать не хочет о равенстве с лланишай. А они еще вздумали меня шантажировать… твари!

– Эти твари могут спасти жизнь вашему сыну, – тихо сказал Рой.

– Ладно, ладно, – сердито проворчал Хорк. – Скажите им, что они могут похоронить своего покойника на Земле. Но…

Что бы там Президент ни хотел сказать, Рой не стал его слушать. Он повернулся и пошел через поле к кораблю лланишаи, тихонько насвистывая себе под нос.

ЧУТЬ ПОЗЖЕ к президентскому кораблю подошел Иеремия, сгибая и разгиная щупальца. Жена Президента провела его в каюту сына и предложила свою помощь.

— Я предпочитаю работать один, миссис Хорк, — ответил Иеремия в своей мягкой манере.

Жена Президента нервно взглянула на него и ушла.

Иеремия вышел через несколько минут. Рядом с ним шел веселый мальчик.

— Простой случай, — сказал Иеремия. — Очень простой, Президент Хорк. Не о чем было и волноваться. Я лишь прочистил левое легкое, чтобы устранить в нем запор. Мы, лланишаи, отлично созданы для таких операций. — И Иеремия протянул щупальца, ответвления на концах которых походили на волоски.

— Это удача, что лланишаи оказались на планете, когда это произошло, — сказал Рой. — Страшно подумать, что могло бы случиться, ведь на всей планете у нас только шесть смотрителей.

— Мы очень благодарны вам, — сказала миссис Хорк Иеремии.

Иеремия взглянул ей в лицо, находящееся почти на метр выше его головы.

— Не нужно никаких благодарностей, миссис Хорк. Это долг лланишаи, это то, ради чего мы живем. Служить Вселенной. Я, скорее, отрезал бы себе щупальце, чем отказался от выполнения своего долга по отношению к вашему сыну.

— *Лэсец!* — не выдержав, рявкнул Президент Хорк. — Зачем тогда вы шантажировали нас?

— Простите, — кротко сказал Иеремия. — Я не уверен, что правильно понял вас.

— Я сказал, шантажировали!

Рой побледнел. Вот-вот грянет взрыв, которого он опасался.

— Вы бы не возразили объясниться, президент Хорк? — сказал маленький хирург, очень по-человечески скрестив на груди все свои щупальца.

— Рой все рассказал нам, так что нечего строить из себя святую невинность! Вы отказывались лечить Ирвина, пока мы не разрешили вам похоронить на Земле вашу мать!

Лланишаи отскочил, словно ударенный молнией.

— Не верю своим ушам! То, что вы говорите, неправда! Обвинять лланишаи в нарушении кодекса и невыполнении долга... Это просто невероятно!

Рой почувствовал, как пот струится по всему его телу.

— Минуточку, Иеремия, — нерешительно сказал он. — Позвольте, я все объясню.

— Не нужно ничего объяснять, — отрезал Иеремия. — Мы немедленно улетаем. Мы с женой решили похоронить мою мать на какой-нибудь другой планете. Мы опасаемся, что ее прах будет осквернен, если положить его в недостойную почву вашей жалкой планетенки!

Лланишаи с достоинством повернулся и пошел прочь. Он принял решение.

Хорк и Рой побежали за Иеремией по полю. Рой, практически, тащил за собой здоровенного Президента.

— Я могу все объяснить, — отчаянно заорал Рой оскорбленному донельзя Хорку. — Я только хотел заставить вас понять, что мнение избирателей еще не является высшим законом. Вы же понимаете в глубине души, что лланишаи во всем заслужили равенство. Сотни лет они были верными друзьями Человечества, и вдруг вы отказываетесь признать в них таких же существ, как мы с вами. Возможно, живя на этой заброшенной звездной свалке, я несколько оторвался от Человечества, но вы-то как Президент Галактики должны лучше понимать такие вещи.

Они достигли корабля лланишаи. Президент Хорк молчал с каменным лицом.

— Мне очень жаль, что пришлось применить силу, чтобы заставить вас дать разрешение, сэр, но иначе вы бы никогда не стали меня слушать, — в отчаянии продолжал Рой. — Все было бы в порядке, если бы вы отбросили дурацкие условности. А что, если бы лланишаи действительно отказались вылечить вашего сына? Сейчас он был бы уже мертв.

— Знаю, — проворчал Хорк. — Пусть нас пустят.

— Иеремия! — позвал Рой. — Нам нужно поговорить с вами.

— Уходите, — раздался изнутри корабля грубый голос. — Мы улетаем.

— Нет, выйдите!

Открылся люк. В его проеме появился Иеремия. Лланишаи был взванован, его щупальца отчаянно извивались.

— Давайте же, — подтолкнул Президента Рой. — Скажите ему, что вы были неправы. Проявите же благородство.

Хорку явно было трудно пойти на это, но Рой увидел как Президент понял, наконец, опасность и зыбкость нынешней ситуации, и сделал над собой воистину колоссальное усилие.

— Я хочу принести извинения, — сказал он после некоторых колебаний, — от имени всего Человечества. Впредь не должно быть никаких различий между гуманоидами и лланишаи. Я прослежу за этим, когда вернусь в Столицу.

— Уходите, — сказал Иеремия. — Мы улетаем на Марс, где я, наконец, смогу спокойно похоронить свою мать.

Рой прикусил губу. Теперь у него возникла новая проблема — он должен был вернуть уважение Иеремии.

— Ваша мать должна быть похоронена на Земле, — твердо сказал Президент, — как символ нашего всеобщего равенства.

— Но еще минуту назад вы назвали меня лгуном и шантажистом, — озадаченно сказал лланишаи.

— Это я во всем виноват, — прервал их обоих Рой. — Я солгал... И на это у меня была причина. Это я придумал, что вы не явитесь на помощь, пока ваша просьба не будет удовлетворена.

— Но это же была неправда! — заявил лланишаи.

— Это то, что вы *должны понять*, — ответил Рой. — Иногда приходится делать что-то неправильное, чтобы достичь высшей справедливости.

— И я тоже кое-что понял, — буркнул Президент.

— Вероятно, вы теперь проследите, чтобы все дело не получило огласку, иначе это может стоить вам голосов, — хмуро сказал Иеремия.

— Нет, Иеремия, — сказал Президент. — Я кое-чему научился и усвоил урок.

— Мы все кое-чему научились, — вздохнул Рой.

Он вытер вспотевший лоб. Трудные это были десять минут.

— Я научился никому не доверять, — заявил Иеремия. — А вы, вероятно, не доберете голосов на следующих выборах.

— Доверяйте нам, — твердо сказал Рой и посмотрел на Хорка, который тоже вспотел.

Взгляд Иеремии медленно перемещался с одного лица на другое.

— Ладно, — согласился он. — Я буду доверять вам. Наши народы должны оставаться друзьями. — Он подал одно мускулистое щупальце Рою, а другое — Хорку. — Просто мы все неправильно поняли друг друга.

— Но теперь с недоразумениями покончено, — сказал Хорк. — Избиратели тоже должны кое-что понять.

— Так мы можем провести похороны вашей матери на Земле? — спросил Рой.

— Это будет для меня счастьем, — ответил Иеремия и очень по-человечески улыбнулся.

Рой дал сигнал, и роботы направились к кораблю, чтобы начать подготовку к похоронам.

Stay out of my grave, (Amazing Stories, 1956 № 7), пер. Андрей Буруев

WORLD'S LEADING SCIENCE-FICTION MAGAZINE

AMAZING

ANC

STORIES

SEPTEMBER

35¢

A WORLD CALLED CRIMSON By Darius John Granger
Where Vicious Treachery Was the Law of the Land!

ОХОТА НА ГЕРОЕВ

— **НУЖНО ИДТИ** дальше, — сказал я Вэл. — Самый верный способ умереть здесь, на Марсе, заключается в том, чтобы сдаться.

Я протянул руку и чуть больше отвернул краник ее кислородной маски, чтобы ей стало немного полегче. Сквозь прозрачный глассит маски я увидел ее лицо, искаженное мукой усталости.

Вероятно, она думала, что авария с «песчаным котом» произошла по моей вине. Вэл обычно лучшая жена, о какой только можно мечтать, но когда она захочет, то может стать настоящей занозой в заднице.

Она должна была понять, что виноват какой-то механик в Куполе, тот, кто поленился как следует закрепить капот двигателя. «Песчаного кота» могло остановить только одно — песок в тонком механизме атомного движка.

Но нет, она возложила всю вину на меня. Потому что нам пришлось идти пешком по рыхлому песку марсианской пустыни. И шли мы уже добрых восемь часов.

— Почему бы нам не вернуться, Рон? — умоляюще простонала Вэл.
— Возможно, в этом секторе вообще нет никакого урана. Мне кажется, только безумцы стали бы продолжать здесь поиски!

Я начал было объяснять ей, что глава «Уран Корпорейшн» заверила меня, что мы можем что-нибудь найти на этом участке, но тут же замолчал. Когда Вэл устала и переутомлена, нет никакого смысла с ней спорить.

Я глянул вперед, на холодную марсианскую пустыню. Где-то позади нас был комфортабельный Купол, а впереди лишь лабиринты и овраги этого мертвого мира.

— Все же нужно идти, Вэл, — я протянул руку в толстой перчатке и неуклюже обнял ее. — Пойдем, детка. Не забывай, мы делаем это ради Земли. Мы — герои.

— Она впилась в меня взглядом.

— Какие, к черту, герои! — пробормотала она. — Это всего лишь способ вернуться домой, но и там нас не ждет ничего хорошего. Разве что воюющие деньги «Уран Корпорейшн».

— Мы прилетели сюда не ради денег, Вэл, — напомнил я ей.

— Знаю, знаю, но все равно...

Должно быть, ей было чертовски трудно. Весь день мы бесплодно блуждали по красным пескам, прислушиваясь к щелчкам счетчика. И весь день гейгер, щелкнув пару раз, упрямо замолкал.

Даже с учетом того, что сила тяжести на Марсе гораздо меньше, чем на Земле, я начал уставать, и при этом понимал, как трудно Вэл и ее прекрасным, но нетренированным ножкам.

— Герои, — с горечью продолжала она. — Мы не герои, а сосунки! Зачем я вообще записалась добровольцем в Гейгеры, и притащилась сюда за тобой?

Это и близко не было к истине. Но теперь я видел, что она на пределе, потому что Вэл никогда бы не стала лежать, если бы не была крайне усталой. Она так же загорелась идеей прилететь на Марс и искать здесь уран, как и я. Мы понимали, что плата за это обещана маленькая, но чувствовали нечто вроде обязанности, нечто такое, что мы могли сделать, как люди, чтобы пополнить исчерпанные на Земле запасы радиоактивных материалов. И мы оба всегда были легки на подъем.

Нет, мы вместе решили лететь на Марс — как вместе решали всегда и все. И вот теперь она повернулась против меня.

Я ПОПЫТАЛСЯ развеселить ее.

— Приободрись, детка, — сказал я.

Я не осмелился повысить давление кислорода в ее маске еще выше, но было ясно, что она не может идти дальше. Она была уже почти что в беспамятстве.

Но мне удалось поднять ее, и мы пошли дальше по бесплодной равнине. Гейгер продолжал довольно ровно щелкать, но все же так и не взорвался взрывным треском, что означало бы, что мы нашли жилу. Я сам уже чувствовал себя усталым, ужасно усталым. Мне хотелось лечь на мягкий, рыхлый марсианский песок, и чтобы он засыпал меня...

Я взглянул на Вэл. Она с полуприкрытыми глазами едва волочила ноги. Я чувствовал себя чуть ли не виноватым в том, что притащил ее на Марс, пока не вспомнил, что я-то тут и не причем. Фактически, она выдвинула эту идею еще до меня. Мне осталось лишь жалеть, что нет никакого способа превратить эту измученную, потрепанную девчонку обратно в ту Вэл, которая с таким энтузиазмом предложила вступить в Корпус Гейгерразведки, в просторечии просто Гейгеры.

Еще через двенадцать шагов я понял, что дальше мы идти не можем.

Я остановился, сбросил с плеч ремни увесистого гейгера и тяжело опустился на песок.

— Что случилось, Рон? — сонным голосом спросила Вэл. — Что-то не так?

— Нет, детка, — ответил я, взяв ее ладошку в свои руки. — Думаю, нужно немного отдохнуть, прежде чем идти дальше. Сегодня у нас был долгий, тяжелый день.

Долго уговаривать ее не потребовалось. Она легла рядом со мной, свернувшись клубком и через секунду уже крепко спала.

Бедная малышка, подумал я. Наверное, не стоило нам прилетать на Марс. Но я тут же напомнил себе, что кто-то же должен сделать эту работу.

За этой мыслью последовали другие, но я резко выкинул их из головы.
Какого черта это должен быть я?

Я опустил взгляд на спящую Валери и стал думать о нашем мальчиком, теплом, уютном домике на Земле. Домик был так себе, но двоим влюбленным и не требовалось хоромы.

Я смотрел, как она мирно спит, а прядка светлых волос скатилась на лоб, и мне трудно было поверить, что мы променяли Землю со всем, что было у нас на ней на эту диковинную, безжизненную пустыню, которую называют Марсом. Однако, я понимал, что сделал бы это снова, будь у нас возможность начать все сначала. Потому что мы хотели сохранить то, что имели. Герои? Нет же, черт! Мы просто любили наши маленькие удобства и хотели их сохранить. А для этого нужно было немного поработать.

ПОРА БЫЛО двигаться дальше. Но когда Вэл заворочалась и повернулась во сне на другой бок, у меня просто не хватило духу разбудить ее. Я просто сидел рядом, и с замешательством оглядывал окружающую пустыню, на которой ветер на скорую руку создал из песка странные формы, почти что постройки.

Корпус Гейгеров предпочитал создавать команды из супружеских пар. И это все решило для нас — мы были хорошей командой. Мы не были так уж привязаны к Земле, чтобы не найти в себе силы оторваться от нее. Хотя бы на время. Поэтому мы вызвались добровольцами.

И вот мы здесь, герои...

Ветер бросил пригоршню песка мне в лицо, и я почувствовал, как он ударился в мою кислородную маску.

Я взглянул на встроенный в костюм хронометр. Оказывается, прошло уже много времени. Я решил было сделать еще одну попытку разбудить Вэл. Но она слишком устала. Да и сам я устал, безумно устал от нашего утомительного похода по пустейшей пустыне.

Я хотел было потрясти Вэл посильнее, но не стал. Было бы *так хорошо откинуться на спину и лежать*, а ветер пусть гладит грудь и живот ласковыми пальцами, постепенно занося песком. Так хорошо. Я зевнул и откинулся на спину...

THE HUNTED HEROES

By ROBERT SILVERBERG

The planet itself was tough enough — barren, desolate, forbidding; enough to stop the most adventurous and dedicated. But they had to run head-on against a mad genius who had a motto: Death to all Terrans!

He was a cripple in a wheelchair—helpless as a rattlesnake.

ПРОСНУЛСЯ Я, весь дрожа, и сердито понял, что позволил себе задремать.

— Просыпайся, Вэл, — твердо сказал я и начал было вставать...
Но не смог.

Я опустил взгляд. Я был аккуратно связан тонким, но крепким пластиковым проводом, опутан от подбородка до подошв сапог, весь, буквально по рукам и ногам. Из такой оплетки проводов было выбраться так же легко, как мухе из липкой паутины.

И это сделали не марсиане. Уже миллион лет не было никаких марсиан. Нас связал какой-то землянин.

Я повернул голову к Вэл и увидел, что она так же связана этим липким пластиком. Провод был новенький и испускал слабый, противный запах, похожий на вонь тухлой рыбы. Значит, связали нас совсем недавно.

— Рон...

— Не пытайся выбраться, детка. Эта штука может врезаться тебе в шею, если ты начнешь извиваться. — Еще мгновение она продолжала биться, и мне пришлося прикрикнуть: — Вэл, лежи неподвижно!

— Очень мудрый совет, — раздался откуда-то надо мной хриплый и какой-то ломкий голос.

Я обернулся и увидел над нами фигуру в шлеме. На незнакомце был не обычный гибкий, облегающий кислородный костюм, как на нас. Он носил большой устаревший скафандр и круглый аквариум шлема. Кислородные баллоны не были у него на спине, как ожидалось, а оказались привязанными за спинкой инвалидного кресла, в котором незнакомец сидел.

Через круглое стекло шлема я разглядел маленькие глазки, желтую, напоминающую старинный пергамент кожу лица и мрачно сжатые челюсти. Я не знал этого человека, что поразило меня. Я думал, что уже знаю всех на почти ненаселенном Марсе. Но этого типа я каким-то образом упустил.

Впрочем, больше всего меня потрясло то, что у него не было ног. Скафандр аккуратно смыкался на бедрах.

В левой руке он держал пистолет-липучку, которым и пленил нас, а в правой был очень внушительный бластер.

— Я не хотел нарушать ваш сон, — холодно продолжал он, — поэтому сидел здесь и ждал, пока вы проснетесь.

Я с трудом в это поверил. Выходит, он сидел здесь много часов, с удовлетворением ожидая, пока мы сами проснемся. И когда я все же поверил, то понял, что он просто псих сумасшедший. Я почувствовал спазм в животе и комок в горле.

Затем меня обуял гнев, смывая страх.

— Что происходит? — спросил я, уставившись на этот обрубок человека в инвалидном кресле. — Кто вы?

— Скоро вы это узнаете, — сказал он. — А теперь вы пойдете со мной.

Он поднял пистолет-липучку, щелкнул переключателем и обдал из него наши ноги потоком растворителя, держа нас при этом под прицелом бластера. Теперь ноги у нас были свободны.

— Можете встать, — сказал он. — Только медленно, и не вздумайте дергаться.

Мы с Вэл с трудом, помогая друг другу, поднялись на ноги, а руки у нас оставались плотно приклеенными к бокам кислородных костюмов.

— Марш, — сказал незнакомец, указав направление пистолетом-липучкой. — И он убрал липучку в кобуру.

Я бросил взгляд на атомный мотор позади инвалидного кресла. Он нажал кнопку на подлокотнике, пыхнули две дюзы позади задних колес, и кресло медленно покатилось.

Мы покорно пошли в указанном направлении. Не стоит спорить с бластером, даже если его хозяин сидит в инвалидном кресле.

— **ЧТО ПРОИСХОДИТ**, Рон? — тихонько спросила Вэл во время ходьбы, пока за нами в гудении катило инвалидное кресло.

— Да я сам еще не знаю, Вэл. Я никогда прежде не видел этого типа, хотя думал, что знаю всех в Куполе.

— Заткнитесь, вы, там! — гаркнул наш пленитель, и мы замолчали.

Мы тащились вперед, и я слышал, как скрипят по песку колеса инвалидного кресла. *Куда мы идем и зачем?* — подумал я. *И зачем мы вообще покинули Землю?*

На последний вопрос ответить было легко. Земле были нужны радиоактивные ископаемые, и единственный способ добыть их состоял в том, чтобы лететь в космос на разведку. Большие атомные войны в конце двадцатого века израсходовали большую часть земных запасов, но количество их, потребовавшихся, чтобы уничтожить почти все крупные города в мире едва ли составляло половину того, что требовалось теперь на восстановление этих же городов.

За три века был полностью отстроен заново разоренный, разрушенный мир. На месте прежних Нью-Йорка, Шанхая, Лондона и всех прочих уничтоженных городов возникли сияющие башни и летающие шоссе нового мира. Мы извлекли урок из ошибки наших бабушек и дедушек. Они использовали атомную энергетику для создания бомб. Мы свою использовали лишь для получения энергии.

Созданный новый мир был миром атома. Буквально все: дрели, печатные станки, пишущие машинки, консервные ножи, океанские лайнеры приводилось в движение неистощимой энергией атомного распада.

Но неистощима была энергия, а не радиоактивные ископаемые. Залежи их иссякли через три века безудержного потребления. Могучая индустрия Земли начала замедлять свой ход, грозя совсем остановиться.

И это запустило цепочку событий, которые в итоге привели нас с Вэл к тому, что мы стали на Марсе пленниками безумного инвалида.

Исчерпав досуха источники урана на Земле, люди начали искать их в других местах. Был проект океанских драг, которые пытались получить уран со дна морей и океанов. Мы надеялись, что лет через сорок-пятьдесят они чего-нибудь добьются. Вот только у нас не было запасов на эти сорок-пятьдесят лет. Энергия наша иссякнет уже через десятилетие. И я прекрасно представлял себе, что мы неминуемо вернемся в мир, где «собаки грызут собак». Миллиарды голодных и холодных людей в бесполезной оболочке атомной цивилизации.

Тогда оставался Марс. На Марсе было мало урана или других радиоактивных элементов. Но нам помогла бы эта малость. Нам лишь нужно было время, чтобы сохранить цивилизацию, пока не заработает Проект Океанских Драг.

Тогда и был создан Корпус Гейгеров, волонтеров, заброшенных на Марс, чтобы прочесать здесь все в поисках урана.

Так вот мы и очутились здесь, подумал я.

КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ мы шли, а потом впереди показался Купол. Его вершина блеснула между двумя холмиками песка и тут же скрылась из виду.

На какой-то момент я удивленно подумал, что это наш Купол, где располагался Корпус Гейгеров, но когда он появился опять, я понял, что он, в общем-то, уже совсем близко, к тому же он очень маленький. Можно сказать, одноместный Купол!

— Добро пожаловать в мой дом, — проскрипел человек позади. — Меня зовут Грегори Ледмен.

Произнеся это, он направил нас к люку воздушного шлюза, и велел входить, когда дверь скользнула в сторону. Когда мы уже были внутри, он проехал за нами, неуклюже держа бластер, и с трудом отвинтил свободной рукой древний, круглый шлем.

Лицо его выглядело сморщенной маской. Он явно был человеком, который ненавидел всю Вселенную.

Обстановка в Куполе была спартанской. Ни стульев, ни кассетного проигрывателя, ни книг, ни картин. Переборки с рядами заклепок пропускали снаружи тусклый свет. Еще тут была автоматическая кухня, кровать, письменный стол — и все, больше никакой мебели.

Внезапно он выхватил пистолет-липучку и мигом снова склеил нам ноги. Мы повалились на пол. Я сердито вскинул голову.

— **НАВЕРНОЕ, ВЫ** хотите узнать, кто я такой, — проскрипел он. — Другие тоже хотели.

Валери с тревогой взглянула на меня. Ее симпатичное лицико под кислородной маской было бледным.

— Какие другие? — спросила она.

— Я не потрудился узнать их имена, — небрежно ответил Ледмен. — Просто другие Гейгеры, которых я, как и вас, поймал в пустыне.

Это единственное развлечение, которое осталось у меня – охота. Вон, взгляните туда.

Он махнул рукой на полупрозрачную стенку Купола, и мне стало плохо. Возле нее лежали маленькие кучки костей, выглядящие странно яркими на красном песке. Это были сожженные скелеты людей. Еще рядом лежали куски какой-то ткани и пластика. Одна кислородная маска и обрывки костюма. И все.

Внезапно я вспомнил. Были уже прецеденты. О них не любили говорить, их просто отбрасывали, как неизбежный профессиональный риск. Но были случаи исчезновения людей в пустыне. Я даже вспомнил имен восемь. Среди них не было близких мне друзей. На Марсе вообще не оставалось времени заводить близких друзей. Но мы с Вэл поклялись, что такого не случится с нами.

Однако, вот оно и случилось.

– Вы охотитесь на Гейгеров? – спросил я. – Но зачем? Что они сделали вам?

Он улыбнулся так спокойно, словно я его только что похвалил за хорошую работу.

– Потому что я ненавижу вас, – вежливо сказал он. – Я собираюсь истребить вас до последнего человека, одного за другим.

Я уставился на него. *Никогда еще я не видел такого человека*, подумал я. Мне казалось, что подобные люди были уничтожены во время атомных войн.

– Он сумасшедший! – услышал я рыдающий голос Вэл.

– Нет, – спокойно ответил Ледмен. – Поверьте, я совершенно нормален. Но я полон решимости изгнать Гейгеров и «Уран Корпорейшн» с Марса. В конце концов, я напугаю вас так, что сами уберетесь.

– Вы перестреляете нас в пустыне?

– Верно, – ответил Ледмен. – И я не боюсь вооруженных атак. Это место хорошо укреплено. Я создавал его много лет. Это мои холмы. И вам их у меня не отнять. – И он вцепился бледной рукой в заросли своих нечесаных волос. – Я посвятил этому много лет. С тех пор, как высадился на Марсе.

– Что вы собираетесь сделать с нами? – после долгого молчания спросила, наконец, Вэл.

Теперь он уже не улыбался.

– Разумеется, убить вас, – сказал он. – Вас, но не вашего мужа. Его я хочу отпустить к остальным, чтобы он велел им поскорее убираться с Марса. – И он принял качаться в инвалидном кресле, поигрывая блестящим, смертоносным бластером. – С *моего* Марса!

Мы в ужасе смотрели на него. А это порождение кошмаров спокойно покачивалось взад-вперед.

Мне отчаянно захотелось вернуться обратно в бесконечно более безопасную пустыню.

– Я поразил вас? – спросил он. – Не хотел, не хотел. Вы все поймете, когда увидите мои мотивы.

— Какие тут могут быть мотивы? — рявкнул я.

— Ну, так позвольте вам объяснить их. Вы прилетели на Марс в поисках урана, правильно? Хотите отыскать и привезти на Землю радиоактивные элементы, необходимые для работы ваших атомных механизмов. Все так?

Я кивнул на счетчики Гейгера.

— Мы прилетели на Марс добровольцами, — не к месту вставила Вэл.

— Ага, парочка молодых героев, — едко заметил Ледмен. — Как печально. Мне уже почти что жаль вас. Почти.

— Ну и что с этого? — спросил я, чтобы потянуть время.

— Из-за атомной энергетики я лишился ног, — заявил Ледмен. — Вы помните разрушение Сэдлервилля? — спросил он.

— Конечно.

Это я помнил и никогда не забыл бы. Да и никто не забыл бы. Как можно забыть самую большую катастрофу, сотни убитых, тысячи раненых, стерилизовано сорок квадратных километров земель Миссисипи... и это произошло, когда Сэдлервилль восстанавливали после войны.

— Я работал там в то время, — продолжал Ледмен. — Я возглавлял «Атомную энергетику Ледмена» и должен был подписать новый контракт для своей компании. Теперь вы поняли, кто я такой?

Я кивнул.

— Когда произошла катастрофа, я был защищен. Но вместо контракта получил изрядную дозу излучения. Недостаточную, чтобы убить меня, но мои ноги пришлось ампутировать, — он кивнул на пустое место там, где кончались бедра. — Так что я еще легко отделался, — и стукнул по подлокотникам инвалидного кресла.

Я все еще ничего не мог понять.

— Но зачем убивать нас, Гейгеров? *Мы-то* не имели никакого отношения к той аварии.

— Вы случайно попали под раздачу, — заявил Ледмен. — Видите ли, после взрыва и ампутации, мои компаньоны — члены правления «Атомной энергетики Ледмена» — решили, что полуинвалид плохо выглядит в качестве главы компании, и решили отобрать ее у меня. Все было проделано весьма законно, уверяю вас. Они оставили меня почти что нищим! — А затем рявкнул мне в лицо самое главное. — И они переименовали «Атомную энергетику Ледмена». Кажется, вы сказали, на кого работаете?

— На «Ура... — начал было я.

— Не трудитесь продолжать, — перебил меня Ледмен. — Это новое название «Атомной энергетики Ледмена», но суть-то осталась той же. — Он усмехнулся. — Долгие годы я просто пытался выжить, затем прилетел на Марс, поставил здесь Купол и поклялся, что останусь здесь навсегда. На этой планете урана немного, но его хватит, чтобы поддерживать мой образ жизни, а большее мне и не нужно.

ОН ВЗГЛЯНУЛ на свои наручные часы.

— Время делать уколы, — сказал он, достал пистолет-липучку и выпустил в нас пару струек, чтобы мы стали еще более беспомощными.
— Это еще один подарочек из Сэдлервилля. У меня нехватка красных кровяных телец. — Он подъехал к стенному шкафу и стал возиться в коробке с кучей ампул и шприцов. — Мне необходимо много уколов. Адреналин, инсулин и прочие. Авария сделала из меня настоящую подушечку для иголок. Но я расплачусь за все это, — добавил он и воткнул иглу в руку.

Я, прищурившись, глядел на него. Все это было слишком кошмарным, чтобы быть реальным. Я не особенно волновался по поводу его слов об уничтожении всего Корпуса Гейгеров. Было слишком мало вероятно, что человек в инвалидном кресле сумеет перебить нас всех. Нет, меня тревожила не эта угроза, а сама ситуация. Мне казалось почти немыслимым, что сознание человека может так деформироваться и исказиться, как у Ледмена.

Заметив ужас на лице Вэл, я понял, что она чувствует то же самое, что и я.

— Вы действительно думаете, что сможете добиться своего? — насмешливо спросил я. — Вы думаете, что можете уничтожить всех землян на Марсе? Я много слышал безумных идей, но ваша...

Вэл прервала меня, взволнованно замотав головой. Но Ледмен уже понял мою мысль.

— Да! Да, я расквитаюсь с каждым из вас за то, что лишился ног! Если бы мы не начали баловаться с атомным распадом, я был бы такой же высокий и сильный, как вы сейчас — а не беспомощный калека, прикованный к инвалидному креслу.

— Вы больны, Грегори Ледмен, — тихонько сказала Вэл. — Вы задумали невозможный план мести и теперь вымещаете ваш гнев на невиновных людях, которые не сделали вам ничего плохого. Это не нормально!

Глаза его сверкнули.

— А кто тут говорит о здравом уме?

Краешком глаза я взглянул на Вэл. Пот катился по ее гладкому лбу быстрее, чем его успевала смыть специальная губка костюма.

— Почему ты ничего не делаешь? Чего ты ждешь, Рон?

— Погоди, детка, — сказал я.

Я знал, какое у нас скрытое преимущество, но сначала должен заманить Ледмена в пределы своей досягаемости.

— Достаточно, — рявкнул он. — Я собираюсь выбросить вас наружу, прямо сейчас...

— Заболей, — прошипел я Вэл.

Она тут же принялась яростно кашлять и хрипеть.

— Я не могу дышать! — прохрипела она, корчась в путах.

И это сработало. В Ледмене осталось мало человечности, но немножко все-таки было. Он опустил бластер и повернул кресло, чтобы

посмотреть, что происходит с Вэл. Она продолжала пускать слюну и ужасно стонать. Она даже чуть не убедила меня самого. Я увидел бледное, испуганное лицо Вэл, повернувшееся ко мне.

Ледмен подъехал и наклонился к ней. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но в это время я поднял обе ноги, пытаясь разорвать путы, и ударил каблуками по колесу его кресла.

Бластер выстрелил, проделав дыру в крыше Купола. Тут же сработала установка для герметизации. Ледмен беспомощно повалился на пол, инвалидное кресло перевернулось возле него, медленно вращая в воздухе колесами. При падении, бластер вылетел у него из руки и приземлился возле меня. Одним быстрым передвижением я перевернулся и накрыл оружие своим телом.

Ледмен в огромными усилиями пополз ко мне и попытался выдернуть из-под меня бластер, но безуспешно. Я еще маленько повернулся, изо всех сил напрягся, вырвал одну ногу из пут и этой ногой пнул его. Ледмен покатился по полу, ударился о стенку Купола и остался там лежать.

Вэл повернулась ко мне.

— Если бы я только мог высвободиться их пут, — сказал я, — то спривился бы с ним, прежде чем он очнется. Но как порвать путы?

— Работаем единой командой, — сказала Вэл и стала вертеться на полу, пока ее голова не оказалась рядом с моим башмаком. — Постарайся сбросить ногой мою кислородную маску.

Носком сапога я нашарил зажим и попытался повернуть его. Безуспешно. Только не неуклюжим, тяжелым сапогом. Получилось лишь с третьей попытки. Я осторожно нажал на край маски сапогом, и она медленно сползла с лица Вэл, оставив на ее шее зазубренную красную царапину.

— Осторожно, — выдохнула она. — Он... он...

Я тревожно оглянулся на Ледмена. Он застонал и начал шевелиться.

Вэл прокатилась по полу, и ее лицо оказалось возле моей правой руки. Я понял, что она собирается делать. Она принялась перегрызать зубами липкий провод с мерзким запахом и, наверное, не менее мерзким вкусом, грызла и грызла, пока тот не начал поддаваться.

Наконец, она перегрызла один виток, затем другой. И у меня освободилась рука, которой я тут же подхватил с полу бластер. Затем я подполз к Ледмену, забрал у него пистолет-липучку и расплавил остальные провода.

Мышцы мои тут же скрутила судорога от долгого, вынужденного бездействия. Но, не обращая внимания на боль, я освободил Вэл. Затем повернулся к Ледмену.

— Лучше убейте меня, — прохрипел он, уже достаточно очнувшись.

— Нет. В этом-то и различие между нормальными людьми и безумными, — сказал я ему. — Я вообще не собираюсь убивать вас. Я позабочусь, чтобы вас увезли обратно на Землю.

— Нет! — закричал он. — Нет! Все, что угодно, только не туда! Я не хочу вернуться к ним... после того, что они сделали со мной...

— Не волите так! — оборвал я его. — На Земле вам помогут. Там вытащат из вас всю болезнь и ненависть и превратят в полезного члена общества.

— Я ненавижу землян, — прошипел он. — Ненавижу их всех.

— Знаю, — саркастическим тоном ответил я. — Вы просто переполнены ненавистью. Вы ненавидели нас так, что и года не остались на Земле после катастрофы в Сэндервилле. Вы сразу же, как смогли, улетели на Марс? Вы так нас ненавидели, что не хотели жить на Земле рядом с нами?

— Зачем вы говорите мне все это?

— Затем, что если бы вы задержались еще немного, то смогли бы на часть своей пенсии купить пару протезов, а не кататься в инвалидном кресле.

Ледмен нахмурился, затем на лице его вновь появилось воинственное выражение.

— Мне сказали, что я парализован ниже талии. Сказали, что я никогда не смогу ходить даже с протезами, потому что у меня не работают нужные мышцы.

— Вы слишком быстро покинули Землю, — сказала Вэл.

— Это был единственный путь, — вызывающе заявил Ледмен. — Я должен был улететь...

— Она права, — перебил я его. — Атом может отнимать, но может и давать. Вскоре после вашего отлета была закончена разработка протезов, приводимых в движение атомными двигателями — удивительные штуки, практически, робо-ноги. Все выжившие в катастрофе Сэндервилля получили такие протезы бесплатно. Все, кроме вас. Вы были настолько больны ненавистью, что хотели поскорее убежать от мира, который презирали, вот и прилетели сюда.

— Вы лжете! — выкрикнул Ледмен. — Это неправда!

— О, нет, это правда, — улыбнулась Вэл.

Я видел, как он обмяк, и на миг почти почувствовал жалость к этому несчастному, безногому инвалиду, сидящему у стенки Купола под дулом бластера. Но затем я вспомнил, что он убил двенадцать Гейгеров — или даже больше — и что к этому числу собирался добавить Вэл.

— Вы больны, Ледмен, — сказал я. — Больны на всю голову. Все это время вы могли бы быть счастливы, быть полезны Земле, но вместо этого вы спрятались на Марсе, чтобы нянчить свою ненависть. Но вы еще можете стать полезным Земле. Если отбросите больные мысли о мести.

— Я все еще не верю в ваши робо-ноги. Я снова смогу ходить? Нет, нет, это все ложь. Мне же сказали, что я никогда не буду ходить.

Ледмен все еще упорствовал, но я видел, что все его здание ненависти начало шататься, и решил дать последний толчок.

— А вы не думали о том, как я смог порвать паутинный провод, когда высвободил ногу и пинком опрокинул ваше кресло?

— Да... У человеческих ног недостаточно силы, чтобы разорвать такой провод... — пробормотал Ледмен.

— Разумеется, недостаточно, — сказал я, передал Вэл бластер и выскользнул из своего кислородного костюма. — Смотрите. — И я показал свои гладкие, блестящие, металлические ноги, почти беззвучное мурлыканье микродвигателей которых стало единственными звуками в наступившей в комнате тишине. — Я тоже оказался в Сэдлервилле во время катастрофы, — продолжал я. — Но я не стал сходить с ума от ненависти, когда потерял *свои* ноги.

Ледмен зарыдал.

— Хорошо, Ледмен, — сказал я, когда Вэл надела на него скафандр и принесла круглый шлем с окошечками. — Надевайте шлем и пойдем. Пройдя психологов и протезирование, вы уже через год станете совершенно другим человеком.

— Но я убийца!

— Вы правы. Поэтому вас приговорят к психо-корректировке. Когда они закончат, убийца Грегори Ледмен исчезнет точно так же, как если бы вас казнили на электрическом стуле, но вместо него появится новый — причем нормальный — Грегори Ледмен. — Я повернулся к Вэл. — Заберешь счетчик Гейгера, дорогая?

И впервые с тех пор, как Ледмен поймал нас в пустыне, я вдруг понял, насколько устала Вэл. Я понял, что беспощадно гнал ее все вперед и вперед — я-то, со своими хромированными ногами, приводимыми в движение атомными двигателями. Неудивительно, что она была готова сдаться! А я был слишком толстокожий, чтобы понять, как несправедливо поступаю с ней.

Она надела ремни Гейгера себе на плечи, а я посадил Ледмена в его кресло-каталку.

Вэл снова надела кислородную маску и повернула защелку.

— Давай побыстрее вернемся в Купол, — сказал я. — Мы передадим Ледмена властям и на ближайшем корабле сможем улететь на Землю.

— Вернуться? *Вернуться*? Если ты думаешь, что теперь я отступлю, то можешь искать себе другую жену! После того, как мы сдадим этого типа, я просплю двадцать часов подряд, а затем мы вернемся в пустыню, чтобы закончить поиски. Дорогой, Земле все еще нужен уран, и я знаю, что ты не будешь счастлив, если все бросишь на полдороге.

— Она улыбнулась. — Я жду не дожусь, когда снова пойду по песку, прислушиваясь к щелчкам Гейгера.

Я радостно воскликнул и бросился к ней. Когда я обнял ее, она крепко сжала мне руку.

— Давай-ка в путь, коллега-герой, — сказала она.

Улыбаясь, я шагнул к воздушному шлюзу.

The hunted heroes, (Amazing Stories, 1956 № 9), пер. Андрей Буров

THE SPACE CLUB—New! Exciting! See Page 88

AMAZING

ANC

NOVEMBER 35¢

STORIES

A Ziff-Davis PUBLICATION

THE MONSTER DIED AT DAWN By Clyde Mitchell

СОПЕРНИКИ

МАЙКЛ КАРРЕН осторожно положил *солидо* на бок и сделал отметки, где у него верх, а где низ, чтобы сразу было понятно, как правильно его устанавливать, а затем вставил в проектор. В гостиной тут же появились изображения его жены Хелен и двух маленьких сыновей, яркие, трехмерные, совсем как живые. Он даже почувствовал резкий запах моря, повисший в воздухе, а когда стал просматривать изображение солидо, то мысленно возвращал себе каждый приятный момент их великолепного отпуска.

Фил Дженнертон секунду смотрел на изображение, затем важно кивнул и подошел поближе, чтобы осмотреть проектор Каррена.

— Вы купили его, — тоном обвинителя сказал Дженнертон.

— За четыреста кредитов, — сказал Каррен.

— Вы очень гордитесь этим, — сказал Дженнертон. — Вы думаете, что владение этой новинкой — солидо-проектором, — уже является причиной для гордости!

Озадаченный тоном здоровенного Дженнертона, Каррен повернулся и в упор посмотрел на него. С самого начала, как Каррен переехал сюда, он не доверял Дженнертону, который жил по соседству. Было в Дженнертоне что-то слишком самоуверенное, слишком надменное, что сразу же отвратило от него Каррена, спокойного, молодого начальника рекламного отдела. Но жены их подружились, и, после многократного давления со стороны супруги, Каррен согласился пригласить Дженнертона вечером к себе. Солидо-демонстрация должна была стать его звездным часом. Но Дженнертон не выглядел впечатленным.

— Разумеется, я горжусь этим, — огрызнулся Каррен. — Не многие владеют солидо-проектором, и я горд, что могу продемонстрировать его в моем доме.

— **КАЖЕТСЯ, ВЫ** не понимаете, — произнес Дженнертон, и Каррен увидел, как задрожали крылья его великолепного орлиного носа, явно выказывая этим признаки нетерпения. — Когда вы сказали, что гордитесь солидо-проектором, то что вы на самом деле имели в виду? Учитесь думать о значении своих слов, Каррен, это единственный способ выжить в нашем мире.

— Я изучал семантику...

— Так же, как и все остальные, — холодно перебил его Дженнертон. — Но большинство людей перестают мыслить, когда покидают колледж. Вот к чему я веду. — Дженнертон помолчал. — Источником гордости солидо-проектором на самом деле является гордость вашей покупательной способности. Вы просто раздуваетесь от гордости, потому что были в состоянии купить его. Вы что, испытываете гордость

мастера наравне с теми, кто его изобрел? Нет. Вы знаете, как он работает? Нет. Вы просто взяли груду кредитов из хранилища, и вам дали этот аппарат. Вы включаете его, а потом заявляете, что гордитесь им.

— Теперь он говорил быстро, чуть ли не захлебываясь.

— Минутку, Дженнертон, — попытался перебить его Каррен. — Не все ведь могут владеть...

Но все было бесполезно.

— Вы совершенно упускаете суть моих слов, — продолжал, словно не слыша его, Дженнертон, — что, впрочем, и ожидалось. Вы просто зритель в нашем большом технологическом мире, а никак не участник. Вы не что иное, как овощ!

— Я не намерен продолжать этот разговор, Дженнертон, — сердито сказал Каррен и выключил солидо.

Изображение жены и детей словно закрутил маленький разноцветный смерч, который тут же исчез.

— Только не начинай спорить, Фил, — сказала высокая, белокурая жена Дженнертона и потянула его за руку, но Дженнертон не обратил на нее внимания.

Он просто не мог уже остановиться.

— Позвольте мне объяснить все до конца, — заявил Дженнертон. — Я не намеревался оскорблять вас, но я всегда имею в виду то, что говорю. Гордиться чем-то, чего вы сами не сделали и к чему не имеете никакого отношения, является признаком крушения сверхспециализаций. Вы уже понятия не имеете, как работает окружающая вас техника, не знаете ничего об устройстве кибер-повара, который каждое утро готовит вам завтрак. Вы просто плывете по течению и копите кредиты на своей никчемной работе, а потом расходуете их на всякие устройства, суть которых никогда не поймете. Простите, если я говорю чересчур строгого, старина, но я всегда привык выражаться прямо.

— Но что такого сделали вы, чего не делаю я? — сердито спросил Каррен. — Создали солидо?

— Да, я создал его, — вежливо ответил Дженнертон.

— Вы что?

— Я сказал, что создал солидо. Не хуже, чем ваш, даже еще лучше. Я добавил к нему сглаживание, какое еще не имеют коммерческие изделия. Еще я придумал подключение к сенсорным цепям, так что, когда я смотрю слайды, воспроизводящие звуки и запахи, то чувствую все, что вижу.

Каррен вспомнил о соленом аромате моря, о котором вспомнил, пока демонстрировал запись.

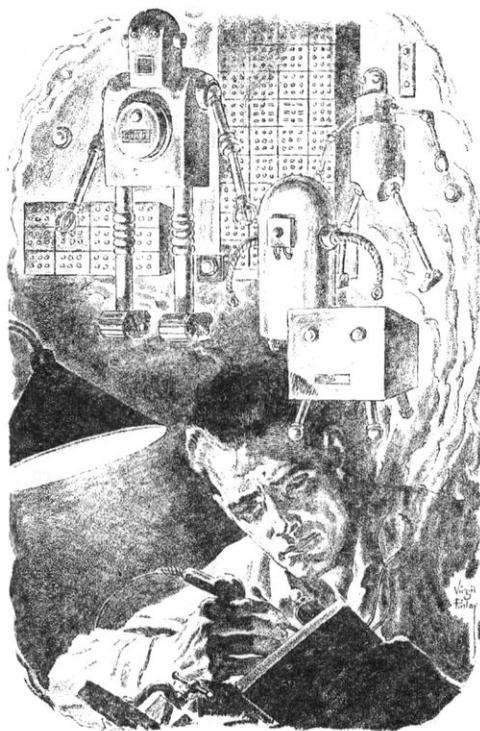
— Наверное, это не плохо, — слабым голосом заметил он. — Делает все еще более реалистичным.

— Разумеется. И я сам создал все это. Вот основа современной цивилизации, Каррен. Сделай сам. Это единственный способ, каким человек может сохранять чувство собственного достоинства. Все так поступают. Вы — единственный человек, которого я повстречал,

THE RIVALS

By ROBERT SILVERBERG

What about this do-it-yourself craze? It's caught on like crazy. You can build your own house, fix your own car, tat your own doilies, and psychoanalyze your wife. But all good things must finish, and this is Mr. Silverberg's idea of the complete and final end!

He found himself in a wonder-world of exact science.

потому, что мы не можем позволить себе купить готовые. Нет, иногда отдельные части стоят дороже, чем готовые вещи, но...

Каррену показалось, что при этом глаза миссис Дженнертон немного расширились, словно это было для нее чем-то новым, но она ничего не сказала.

— Да, порой я трачу больше, — продолжал Дженнертон. — Но, по крайней мере, я разбираюсь в технологиях двадцать первого века, в отличие от вас. Как я уже сказал, вы совершенно пассивны, как овощ.

Каррен мрачно смотрел на него и видел, что жена тоже уставилась на Дженнертона.

кто полностью полагается на готовые изделия. Если вы позволяете запугивать себя технологиями, то начинаете покупать устройство за устройством, даже не понимая, зачем весь мир делает это. И чем дольше это продолжается, тем глубже вы скользите вниз, в бессмысленную навозную яму.

Каррен посмотрел на солидо-проектор, который теперь стал казаться ему зловещим, угрожающим символом, затем на мощную, энергичную фигуру Дженнертона.

— Вы сами конструируете устройства? — решился он робко спросить.

— **ФИЛ ВСЕ** делает сам, — сказала миссис Дженнертон. — Только на прошлой неделе он модернизировал маленькое наручное транзисторное радио для Кэрри, так что теперь она не пропускает свои любимые программы, когда возвращается из школы домой.

— Все так, — кивнул Дженнертон. — Я все делаю сам. Стиральные машины, телевизоры, кондиционеры — назовите что угодно. И вовсе не

— Что значит «овощ»? — возмутился Каррен. — Если бы я хотел, то мог бы тоже создавать все это. Но мне это просто не интересно.

— Вот и я о том же, — торжествующе заявил Дженнертон. — Вы рас slabились и позволили технологиям раздавить вас, а затем говорите, что вам не интересно. Но нельзя же сидеть неподвижно, как пень. Этак, довольно скоро вы сами станете устаревшим.

— Позвольте уж мне самому волноваться об этом, — сказал Каррен и снова включил солидо-проектор.

НО ОН волновался об этом всю остальную часть вечера, даже после того, как Дженнертоны вчистую обыграли их с женой в «моно-полию», потом они допили остатки виски и, наконец, ушли домой, преисполненные высокомерным весельем.

Прибираясь в гостиной после их ухода, Каррен хмуро думал над утверждениями Дженнертона. Электронный пылесос, казалось, гудел обвиняюще, пока Каррен ходил по гостиной, поправляя подушки и заменяя салфетки. Солидо-проектор холодно взирал на него темным объективом, а в кухне насмешливо бренчала посудомойка, капая ему на мозги. *Прав был Дженнертон*, подумал Каррен. *Что касается современных технологий, я действительно в них овощ*. У него были лишь смутные представления о том, как работает автовортолет, и понятия он не имел, на каких принципах основаны электронные тряпки, сушилка посуды, солидо-проектор или любая другая вещь из всего, что он накопил за пятнадцать лет более-менее счастливой семейной жизни.

Жена покончила с кухней и вошла в гостиную.

— Знаешь, дорогой, мне кажется, что, может, Фил прав. Столько людей в наши дни сами строят разные штуки — я все время слышу о всяких захватывающих хобби. И все эти рассуждения о технологии — мне кажется, что в этом что-то есть.

— Я тоже в этом уверен, Хелен, — устало сказал Каррен.

— И я уже неделю хочу тебе сказать еще кое-что. У Браунов появилась замечательная новая сторожевая робо-собака. Она не пускает в дом никого незнакомого, и мне кажется, Хэл сам смастерили ее, и...

— Да, я ее видел, — буркнул Каррен, устало растянувшись на кушетке. — Очень удобное приспособление.

— А ты не думал, что и ты сам...

Но одновременно эта мысль пришла в голову и самому Каррену.

Он принялся за дело с фанатичной энергичностью, переделав часть подвала в мастерскую. Каррен взялся за это не просто так, а с ясным намерением. Он намеревался продемонстрировать себе самому, своей жене, а в особенности Дженнертону, что способен не хуже любого другого создавать интеллектуальные ценности в области современных технологий, что он больше не хочет расслабляться, используя лишь готовые вещи, а расти в мире, где доминирующей технологией было *Сделай сам*.

ПЕРВЫМ ШАГОМ к этому был поход в библиотеку, откуда Каррен притащил три учебника по роботехнике и краткое введение в электронику. Затем последовали поиски материалов, паяльников, соленоидов, клепальной машины и других штуковин, название которых он не знал еще неделю назад.

После нескольких неудачных начинаний, Каррен принялся работать над сторожевой робо-собакой, подобной той, что была у Браунов. *Это должно произвести впечатление на Дженнертона*, думал Каррен, *к тому же будет весьма полезной вещью в доме*. Шли дни, Каррен все лучше владел мастерством механических технологий, но прежде чем окончательно разобрался в них, робо-пес был завершен, и Каррен проверил готовое изделие.

Заклепки с левого бока протянулись слегка криво, но, в общем, внешний вид производил впечатление. Завершенный робо-пес был приземистым металлическим ящиком с двумя мерцающими соленоидными глазами и короткими лапами на шарикоподшипниках. После его включения требовалось, чтобы все приходящие в дом Каррена идентифицировали себя, и эта идентификация передавалась и запоминалась внутри дома. Она могла быть настроена так, что члены семьи Каррена и близкие друзья заходили бы без всякой процедуры опознавания.

Каррен снял рабочий комбинезон и активировал робо-пса. Робо-пес был снабжен несколькими схемами передвижения, и Каррен установил такую, при которой он будет покорно следовать за ним по пятам. Затем, торжествующий, Каррен включил видеотелефон и связался с Дженнертоном.

Робо-пес шел за ним по пятам, когда Каррен вышел из дома и направился к Дженнертонам. Позвонил в дверной звонок.

— Рад видеть вас, Каррен, — пророкотал добродушный голос.

В дверном проеме появилась внушительная фигура Дженнертона. На нем был мягко светящийся пиджак из пластилина, седеющие волосы подстрижены «ежиком». Он сделал Каррену жест входить и закрыл за ним дверь. Робо-пес тут же принялся биться в дверь снаружи и создавая шум.

Каррен приоткрыл дверь, и робо-пес стремглав заскочил внутрь и прижался к ноге хозяина.

— Что это? — спросил Дженнертон.

— Я внял вашему совету, — сказал Каррен, — и сам занялся конструированием. Так, в качестве хобби. Вот смастерили на днях робо-пса, — небрежно добавил он. — Я бы подумал, что вы бы хотели увидеть его. Это оказалось гораздо проще, чем я думал. — И он слегка самодовольно взглянул на Дженнертона.

— Конечно, — сказал Дженнертон. — могу держать пари, что вам это понравилось. Наверное, вы почувствовали настоящее удовлетворение, когда обнаружили, что вполне можете справиться с роботехни-

кой. – Он наклонился, умело поднял робо-пса на руки и принялся покачивать его, как младенца, а робо-пес тихонько гудел.

– Заклепки вот здесь немножко криво идут, – сказал Дженнертон. – Вам еще требуется практика.

– Да, разумеется, – сказал Каррен. – Но вы должны признать, что это весьма хорошая работа.

– Несомненно – для новичка, – небрежно сказал Дженнертон.

Каррен почувствовал себя смешанным с грязью. На всю его работу плюнули и ножкой растерли одной короткой фразой «хорошо – для новичка».

Он взглянул на Дженнертона и что-то принялся бормотать, как вдруг почувствовал, что холодные руки снимают с его плеч куртку. Каррен резко повернулся и увидел невысокую фигуру с холодным, металлическим лицом.

Робот.

– Надеюсь, он не напугал вас, – сказал Дженнертон, – и сам еще не привык к нему.

Каррен рассмотрел робота. Он был метра полтора в высоту, этакая гуманоидная фигурка, правда, с некоторыми негуманоидными чертами, такими, как пара длинных, проволочных щупалец и странного вида многоцелевой пятой руки.

– Хорош, да? Может посуду, другой рукой готовит коктейли, присматривает за ребенком, проветривает помещения, ходит и разговаривает, а также играет в «монопольку». Странно, что мы оба забавляемся роботехникой, не так ли?

– Весьма странно, – сказал Каррен, а затем до него дошло. – Вы хотите сказать, что *сами сконструировали* этого робота?

Он опустил взгляд и посмотрел на робо-пса, описывающего круги возле его ног. Внезапно робо-пес показался ему таким жалким и никчемным.

– Разумеется, – весело ответил Дженнертон. – В конце концов, из того, что я сказал, кода был у вас в гостях, вы ведь не могли подумать, что я стану покупать робота, верно? Нет, я сам сконструировал его. Это заняло несколько недель. Зато теперь я горжусь им.

– Есть чем, – пробормотал Каррен, глядя на своего робо-пса. – Я очень, очень завидую вам.

– Да к чему завидовать? – небрежно спросил Дженнертон. – Нужно было лишь хорошенъко потрудиться, приложить, так сказать, руки. Технологии в наше время вообще плевое дело. Но мы что-то заболтались. Хотите выпить? Робот сварганит вам та-акой коктейль...

КАРРЕН УНЫЛО смотрел на своего робо-пса, чувствуя в груди лишь опустошение. Он шел к Дженнертону, чуть не лопаясь от гордости, но после того, как Дженнертон описал, на что способен его робо-дворецкий, Каррену и его игрушке оставалось лишь убраться домой, поджав хвосты.

Неполноценный.

Каррен понял, что не может избавиться от этого слова. Оно буквально преследовало его. Он стал замечать, как часто остальные работники конторы, где он трудился, разговаривают о различных устройствах и приспособлениях, причем они рассказывали о своих проектах так просто и доходчиво, что Каррен стал остро ощущать собственную неспособность к механике. И везде маячила огромная фигура Дженнертона, напоминая ему об его неполноценности.

Весь мир стал казаться ему одним гигантским «Сделай сам», в который были вовлечены все, кроме него. В то время как он в ложенном неведении покупал готовые посудомоечные машины и солидо-проекторы, все проводили вечера над созданием чего-то из бесчисленных наборов «Сделай сам».

Каррен принялся изучать различные технические пособия, понавписывал журналов по механике и не возвращался домой без груды упаковок с различными деталями. Где-то в глубине души ему было весело и страшно от хобби, которым его вынудил заниматься Дженнертон, но теперь Каррен чувствовал, что будет вечно носить на себе клеймо изгоя, если только не...

Это было – как там сказал Дженнертон? – право первой ночи. *Сделай сам*. Это был единственный оставшийся человеку способ поддерживать чувство собственного достоинства.

Каррен начал по вечерам пропадать на различных семинарах и возвращался домой за полночь, да и тогда сразу же шел в свою мастерскую в подвале.

Электронная мышеловка.

Скворечник с паровым отоплением.

Разборное каноэ для летнего пешеходного туризма.

Чудовищный книжный шкаф со встроенным устройством, удаляющим пыль.

Двенадцатиструнная гитара.

Каждую новую штуковину Каррен с гордостью показывал своей жене, а потом заманивал в гости Дженнертона, чтобы произвести на него впечатление. Но этого ему никогда не удавалось.

У удаляющего пыль книжного шкафа была тенденция глотать порой вместе с пылью и парочку книг.

– Да разве это имеет значение? – протестовал Каррен. – Ну, что такое книга-другая?

Но Дженнертон легко исправлял это парочкой движений плоскогубцами, а Каррен мысленно рвал на себе волосы.

ЗАТЕМ ЧТО-ТО случилось с детектором электронной мышеловки, и она по ошибке схватила робо-пса, вызвав серьезные необратимые изменения в нервных системах обоих роботов. Пришел Дженнертон, весело улыбаясь, разъединил бедолаг и исправил поломку, одновременно объясняя Каррену, точнее, Неудачнику Каррену, как

он теперь себя называл, а то и просто Неудачнику, что нужно делать, чтобы избежать подобных случайностей.

Хелен теперь стало частенько жаловаться и на Неудачника Каррена, и на высокомерное, снисходительное поведение Дженнертона. Но чем больше она говорила о Дженнертоне, тем больше времени проводил Каррен в своей мастерской. Он работал, работал и работал с отчаянной безнадежностью.

Но умения Дженнертона казались невероятными. Помимо исправления неизбежных дефектов в поделках неудачника, Дженнертон сам уже казался настоящим вместилищем и генератором «Сделай сам». Немыслимо быстро он сконструировал и создал робо-няню, радио-тв, которое само включалось, когда показывали бейсбольные соревнования, и выключалось по их окончанию, самодвижущуюся младенческую люльку, автоматическую картофелечистку. И работало все это безупречно.

Неудачник Каррен все глубже и глубже погружался в работу в своей мастерской. Он сделался постоянно сердитым и раздражительным. Начала страдать его основная работа в кабинете. Дети неделями не видели его. На жену он брюзжал в те нечастые моменты, когда вылезал из своей мастерской на свет божий. Но, тем не менее, все, что он придумывал и конструировал, для Дженнертона было не серьезнее, чем утренний чих, к тому же он словно стал получать настоящее удовольствие, выискивая недостатки в устройствах Каррена, которые тут же и исправлял.

Дом Каррена был переполнен самыми странными и немыслимыми вещами: автоматический сачок для бабочек, комплект оборудования для плаванья с аквалангом, тостеры с руками, которые сами резали булочки на ломти и намазывали их маслом. Каррен делал все, что было возможно сделать самостоятельно.

ИДЕЯ КИБЕРНЕТИЧЕСКОГО мозга пришла к нему в один прекрасный день, когда старший сынишка Билли спустился к отцу в мастерскую, чтобы попросить того помочь ему с домашней работой по математике. Когда Каррену стукнула в голову эта идея, его раздражение тут же сменилось на восхищение, и он погрузился в работу.

Огромная штуковина заняла то, что прежде было комнатой для гостей. Каррен работал над ней много дней и ночей, чувствуя себя подобно Микеланджело в Сикстинской капелле, когда терпеливо подгонял одну крошечную детальку к другой и соединял их все вместе. Наконец, работа была завершена, и он пригласил в гости Дженнертона для ставшей уже привычной демонстрации.

— Я начну с чего-нибудь простенького, — сказал Каррен, испытывая прилив чистой, младенческой радости, услышав, как Дженнертон присвистнул от изумления при виде громадного компьютера.

Он напечатал простое уравнение и ввел его в машину:

$$2X + X = 18$$

И немедленно защелкал ответ:

X = 7.

Каррен радостно замахал лентой с ответом перед носом у Дженнертона.

– Неплохо, – сказал Дженнертон. – Только она у тебя врет. Ответ в этом уравнении X = 6.

– Что? – Каррен взглянул на ленту, затем стал листать учебник сына по алгебре и к своему ужасу увидел, что Дженнертон опять оказался прав. При первой же демонстрации машина совершила ошибку.

– Попробуем еще раз, – сказал Каррен со всей сердечностью, которую вовсе не чувствовал.

3X плюс Y = 24 Y = 6

Машина без задержки выдала:

X = 7.

Каррен бросился отчаянно просматривать ее схемы, выискивая, где там неладно. Но к тому времени, как он обнаружил ошибку, Дженнертон уже исправил ее, и компьютер радостно извергал дифференциальные уравнения.

ПОЧТИ НЕДЕЛЮ Каррен был во власти отчаяния, тихо сидя в гостиони и рыча на всех, кто приближался к нему. Он сидел и задавал себе один и тот же вопрос: почему так выходит, что весь мир может легко делать то, что получается у него, Каррена, криво и косо.

В доме Дженнертона появлялись все новые и новые устройства, но Каррен не мог видеть их даже из окна.

Однако, постепенно все улеглось. Каррен возобновил повседневную жизнь, старательно избегая общества Дженнертона. И у него начала медленно созревать одна мысль.

– Что-то опять конструируешь, Джо? – спрашивал он у сослуживцев. – Придумал что-нибудь новенькое, Джек?

И постепенно ему открылась истина.

Он был точно такой же, как и другие.

Дженнертон не лгал. Они живут в эпоху «Сделай сам». Но Каррен был совершенно нормальным, обычным человеком, а обычный человек – всегда мямя. Ничтожество, Неудачник. Постепенно Каррен обнаружил, что его механические неудачи вполне обычны, что большинство других фанатиков «Сделай сам» испытывает точно такое же затруднения.

Но нет. Дженнертон вел целенаправленную кампанию, чтобы убедить Майкла Каррена, что он Неудачник. Каррен не знал, почему, по каким причинам Дженнертон так поступает, да его и не интересовало это. Наверное, думал Каррен, он это просто из чистой гордости. Дженнертон, со своими гипертрофированными способностями к механике, с чванным высокомерием старался раздавить дух Майкла Каррена своей богоподобной непогрешимостью.

И не имело значения, зачем Дженнертону было это нужно. Тогда Каррен приступил к созданию своего последнего самостоятельного проекта, который символизировал бы его полную и безоговорочную капитуляцию Дженнертону.

ОН РАБОТАЛ над ним в гараже, переместив автогеликоптер на крышу и держа двери гаража постоянно запертыми. Кто бы ни начинал задавать ему вопросы, Каррен объяснял, что он работает над чем-то совершенно новеньким, таким, о чем еще рано рассказывать, а нужно подождать, когда идея окончательно сформируется.

Когда же, наконец, *это новенькое* было завершено, Каррен пригласил к себе Дженнертона показать свою работу.

— Вы ужасно выглядите, Майк, — сердечно улыбаясь, сказал Дженнертон.

— Наверное, — сказал Каррен. — Я очень много работал. Но я создал нечто совершенно новое, — мечтательно сказал он. — Нечто, что коренным образом изменит все сферы применения «Сделай сам». И это подарок — для вас.

— Для меня?

— Да, Фил, — сказал Каррен чуть ли не нежно. — Я сделал это именно для вас... и оно здесь, внутри.

Внутри оказался приземистый металлический ящик, неокрашенный, прямоугольный, примерно два на два метра.

— Что это, Майк? — спросил Дженнертон. — Шутка такая?

— Я создал его для вас, потому что вы любите делать все самостоятельно. Это окончательное устройство, завершение эпохи «Сделай сам».

Он нажал кнопку на стенке ящика, чувствуя растущий в душе триумф, и стенка ящика распахнулась, открывая ревущую, пышущую жаром печь. Две гибкие, металлические руки вырвались из боков ящика, обернулись вокруг Дженнертона и крепко связали его.

— Что, черт побери, происходит, Майк? — взревел Дженнертон.

— А вы еще не поняли? — спросил Каррен. — Вам же нравится делать все самому. Вот ваш самый великий шанс. Вам только нужно нажать вот эту кнопку, и руки осторожно перенесут вас внутрь. А там, внутри, скрыто настоящее солнце. Это «Крематорий Майкла Каррена», созданный специально для любителей «Сделай сам». Давайте, Фил, нажмите кнопку. Вот ваш шанс сделать все самому.

И Каррен счастливо улыбнулся. Последнее самостоятельное действие Дженнертона не требовало вообще никаких талантов. Причем, Каррен был даже готов помочь ему в случае необходимости.

The rivals, (Amazing Stories, 1956 № 11), пер. Андрей Бурцев

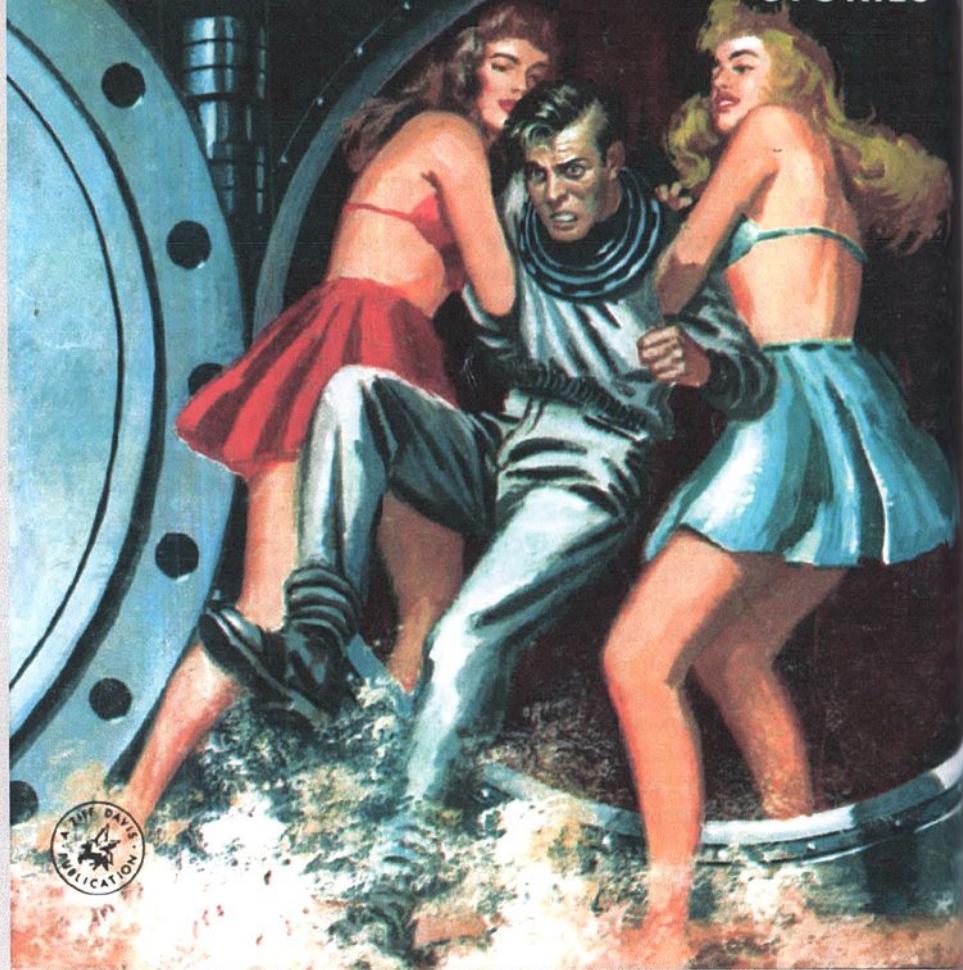
THE GALAXY MASTER—Planets & Women Were His Pawns

AMAZING

ANC

DECEMBER 35¢

STORIES

МИР – МОЯ СОБСТВЕННОСТЬ

ДИРЕКТОР ЦЕНТРАЛЬНОГО Бюро Колонизации разложил документы на столе передо мной. Я небрежно пролистал их и достал ручку.

Когда я уже хотел было поставить подпись, он остановил меня.

– Прежде чем вы подпишите документы, мистер Кольвин, я надеюсь, что вы обдумали все аспекты того, чем решили заняться. Очень опасно улететь и остаться жить на совершенно неисследованной планете. Никто не может сказать заранее, с чем вы там столкнетесь.

Я рассмеялся.

– Позвольте мне волноваться об этом самому, господин директор. Я не боюсь, так зачем же бояться вам?

– Это не шуточное дело, мистер Кольвин, – напыщенно сказал он, этот человечек с какой-то ущемленной, затурканной внешностью, которая характерна для большинства постоянно живущих на Земле с ее переизбытком населения. – Вы и ваша жена будете там рисковать своими жизнями, так что я посчитал справедливым предупредить вас...

– Будем считать, вы меня предупредили, – сказал я.

Я жаждал поскорее очутиться среди звезд, где мог бы, наконец, немного передохнуть, поскольку терпеть не мог всякий бюрократизм.

– Послушайте, – сказал я. – У вас полное небо планет, которые вы хотите отдать всем, кто захочет их колонизировать. Вы отчаянно пытаетесь сагитировать на это людей, чтобы хоть немного разгрузить Землю. Но когда появляюсь я, достаточно сумасшедший, чтобы пойти на это, то вы пытаетесь меня остановить. Почему?

– Ладно, мистер Кольвин, – сказал Директор, вставая и собирая документы в стопку. – Если вы поставите подпись, то я организую вашу транспортировку.

– Все оформлено, – сказал я, вернувшись после обеда в нашу комнатушку два на четыре метра в Верхних Аппалачах.

Я достал лицензию на владение планетой со всеми подписями и печатями и еще раз прочитал ее.

– Какую планету тебе дали, дорогой? – спросила Джойс.

– Она называется Новый Крайдон, – ответил я. – Открыта в 2 435 году английским звездолетом-разведчиком. Планета размером с Землю, там тепло, много воды и хорошее, жаркое солнце. Тебе не понадобится большая часть всего нашего оборудования.

– Доволен ли ты ей? – улыбнулась Джойс.

— Это большая планета, — сказал я. — И вся она наша! Я не могу дождаться, когда полечу туда.

— Вот и прекрасно, — сказала Джойс. — Если хочешь знать, я тоже не могу этого дождаться.

Она крепко обняла меня и поцеловала, но я все равно знал, что за этой демонстрацией радости скрывается и определенное нежелание с ее стороны покидать Землю. Не то, чтобы Джойс любила вечную теснотищу на перенаселенной Земле с ее десятью миллиардами населения, но меня все равно не оставляло чувство, что она побаивается бросить друзей, работу, привычный образ жизни и начать новую жизнь пионеров в неизведанном новом мире. Я никогда не ощущал в Джойс жилки древних первопроходцев, так что не стал рассказывать о подробностях отчета разведчика, открывшего и первоначально осмотревшего нашу планету. А там было написано, что Новый Крайдон населен туземцами, находящимися еще на первобытном уровне развития цивилизации, возможно, опасными. Это я решил не говорить ей.

Потому что это могло помешать ей полететь со мной.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ утро мы собрали свои немудреные пожитки — мое оружие, книгопленки Джойс, несколько комплектов одежды, и сели в вертолет, который увез нас на космодром. Все, что мы не стали брать с собой, мы просто оставили в нашей бывшей комнатушке. У нас просто не было времени раздать это барахло знакомым.

В договор с правительством входил бесплатный перелет на планету плюс щедрый Комплект для Выживания, в который входило заранее приготовленное на планете жилье плюс множество вещей и приспособлений, которые должны помочь нам начать новую жизнь. Мы, в свою очередь, обещали основать на новой планете базу и подготовить ее к колонизации. Вторая пара будет отправлена к нам на постоянное жительство, как только мы вышлем запрос.

Корабль, готовый принять нас на борт, назывался «Эль Риг», длинный, обтекаемый, черный звездолет, специализирующийся на малых скоростных перевозках по всей Галактике.

На борту было и несколько других пар, направляющихся каждая на свою планету, но я не стремился знакомиться с ними поближе. Я был занят, планируя, чем займусь в своем новом мире.

Это же было так здорово и так солидно — получить в собственность целую планету. Я уже планировал свою систему правления, как только начнется пополнение населения, представляющую своего рода просвещенную монархию, с собой в качестве доброжелательного монарха, во главе. Так как на этой планете мы будем первой парой, то все в наших руках. Вторую пару я хотел запросить

A WORLD OF HIS OWN

By ROBERT SILVERBERG

You've got an itch for conquest. You want to go out in space and find a new planet where you'll be the Great White God. It can be done, but here's a tip—take the little wife along.

The alien went down with a scream of rage.

примерно через год, но они все равно станут вторыми скрипками и будут знать свое место.

Джойс поначалу хотела, чтобы это мы были второй парой на чьей-то чужой планете, но я сразу наложил на это свое вето: или первые мы, или никто. Я не видел себя в качестве вала на правлением какого-то короля. Я сам хотел быть королем, и никем иным. Я хотел иметь все козыри на руках.

После двух-трех остановок на планетах более близких звезд, «Эль Риг» наконец-то прибыл в систему золотисто-желтого солнца, вокруг которого вращался Новый Крайдон. Последние часы тащились улитками, казалось, вообще топтались на месте, пока звездолет тормозил и выходил на спиральную орбиту, после чего катер понес меня, Джойс и вещи на поверхность нашей планеты.

И, наконец, мы очутились там. Ловкий молодой человек из «Космосервиса», доставивший нас вниз, сделал последние анализы атмосферы, объявил ее годной для дыхания, открыл воздушный шлюз и выгрузил все наши вещи, составив их кучкой на земле.

— Вот и все, — сказал он после этого. — Всего наилучшего, и прощайте.

— Спасибо, — сказал я, переступая через комингс шлюза. Спрятавшись, я приземлился на мягкую, упругую землю. Огляделся.

Место было великолепное, теплое, ну, просто замечательное место!

И все это было мое!

Я ПОДНЯЛ руки и поймал Джойс, которая тоже решила выпрыгнуть из люка, а не воспользоваться хрупкой на вид лесенкой. Затем мы стояли, держа друг друга за руки, пока шлюпка звездолета уменьшалась, становилась лишь точкой в небе, но вот растаяла и она. А вместе с ней исчезла наша последняя ниточка связи с Землей.

Небольшая вырубка была точно такой, какая описана в отчетах разведчика. Мы стояли на краю густых джунглей, листья деревьев были буйно-зеленых и поразительно-голубых оттенков, и их повсюду украшали красные и оранжевые, громадные цветы. Вдалеке, на другом краю вырубки, виднелись покрытые деревьями холмы, уходящие вдаль, а слева лежало небольшое озеро, питаемое блестящим ручьем, вытекающим из джунглей. Контраст с Землей, с ее тусклой, разреженной атмосферой и лесом небоскребов, которые только и оставались на поверхности нашей старушки, был просто разительным. Эта планета больше всего напоминала Эдем. Я чувствовал желание заплакать. Я – и заплакать...

Джойс повернулась ко мне, пока мы стояли возле груды наших вещей.

– Красивая планета, – сказала она, и глаза ее сияли. – И вся она наша!

– Да, – сказал я.

И тут же в моем уме появился тот раздел отчета разведчиков, где упоминалось о наличии чужой и, возможно, опасной жизни. Этот была неприятная мысль. Я был полон решимости ничего не говорить Джойс, пока эти создания сами не появятся – если они вообще когда-либо появятся.

Я притянул ее к себе, и мы еще немного постояли, обнимая друг друга. Затем я ослабил объятия.

– Пора работать, – заявил я. – Первым делом нужно поставить наш сборный домик. Нам же нужно будет место для ночлега. А утром я примусь за выбор места и постройку настоящего жилья.

Я взял ломик и потянулся было к первому ящику. Джойс положила ладонь мне на руку.

– Что, милая? – спросил я.

– Джим, давай отложим ненадолго возню с вещами. Вон там я вижу прекрасное озерцо, может, мы сначала пойдем поплаваем? Только чтобы освежиться перед началом работы?

Я проворчал что-то в ответ, думая, что лучше бы сначала собрать домик, который может стать убежищем, если вдруг возникнет какая-то угроза для жизни, Но Джойс уже расстегнула верхние пуго-

вицы тяжелого космического комбинезона и, извиваясь, вылезала из штанов.

— Ладно, уговорила, — буркнул я.

Сам я тоже чувствовал себя каким-то беззаботным и не хотел показаться излишне осторожным. Рука об руку мы спустились к озеру.

ЗДЕСЬ ВСЕ было точно так же, как на Земле, но на Земле, какой она не была последние тысячелетия. Все было новенькое, чистенькое, не испорченное. Мы некоторое время весело плескались в прохладной, блестящей на солнце воде, смывая с себя накопленную за годы жизни на Земле грязь и усталость, затем я сказал, что все же нужно и поработать.

Джойс неохотно последовала за мной, когда я полез из воды. На берегу я отряхнул с себя воду, а теплое солнце обсушило меня буквально за несколько минут. Мы не потрудились одеться снова до тех пор, пока под солнцем наша кожа не стала краснеть. Нужно было постепенно привыкать к воздействию лучей нашего нового светила.

Домик мы собрали даже быстрее, чем было написано об этом в инструкции. И у нас появилось прочное и безопасное жилище. Джойс принялась распаковывать продукты, которыми мы будем питаться, пока я не научусь охотиться или вести сельское хозяйство, а я пока что обследовал ближайшие окрестности и спилил несколько деревьев, чтобы сделать из них забор вокруг дома.

К сумеркам наш новый дом был готов. Дом был простенький, но я уже знал, что полюблю его, и видел, что Джойс он тоже начинает нравиться. Когда стало совсем темно, мы просто сидели за столом при свете маленькой лампы — большой генератор еще не был установлен, и мечтали о том, на что станет походить наш дивный новый мир. Через какое-то время я встал, подошел к окну и с замешательством установился на две луны, висящие в небе.

Затем я что-то увидел в лесу. Прищурился, присматриваясь.

В чаще было кольцо огоньков, окружающих наше жилье. А огоньки являлись ничем иным, как факелами, которые держали невидимые руки.

Я повернулся, чтобы взглянуть на Джойс. Она как раз потягивалась, закрыв глаза, и на ее лице сияла улыбка. И я внезапно почувствовал себя ужасно, ужасно виноватым перед ней.

А через мгновение я услышал тихий шорох снаружи, и во внешнюю стену дома воткнулось со стуком копье.

ДЖОЙС ТУТ ЖЕ вскочила.

— Что это? — спросила она, затаив дыхание. — Что произошло?

— Боюсь, у нас начались проблемы, — сказал я ей.

Второе копье вонзилось в стену. На сей раз оно вошло глубоко, острое, как бритва, прорезало пятисанитметровой толщины стену и появилось со внутренней стороны, блестящее и смертоносное.

Я поспешил выключил лампу и выхватил бластер. Джойс вся дрожала, но полезла в чемодан и достала маленький револьвер уэбли, который я захватил специально для нее. Вместе мы прокрались к окну и остолбенели.

Вся вырубка была заполнена ими, у каждого в одной руке был факел, а в другой копье самого зловещего вида. В мерцающем полумраке, освещаемом лишь факелами, я увидел, что они были гуманоидами, по крайней мере, внешне, если судить по количеству рук и ног, с грубой на вид кожей, зеленовато-синей, с красными бородками, как у индюков, закрывающими горло. Глаза у них были большие и вытаращенные. В общем, видок у них был не из приятных.

Пока мы смотрели, один из самых рослых туземцев, стоявших на переднем плане, увидел нас в окне. Недолго думая, он взмахнул рукой и метнул копье прямо в нас.

КОПЬЕ С СИЛОЙ ударило в окно. К счастью, стекло было из флексипласта, поэтому только прогнулось, но тут же спружинило обратно. Копье отлетело в сторону и упало на землю, но тонкая царапинка на флексипласте подсказала мне, что такое копье может пробить человека нас kvозь. Копья эти явно были предназначены для того, чтобы пробивать толстую кожу туземцев.

— Джим... Что нам делать?

Я повернулся к Джойс. Она пригнулась, когда в окно ударило копье, и теперь скорчилась на полу. Я привлек ее к себе. А туземцы снаружи начали какое-то дикое, ритмичное скандирование, сопровождаемое ударами чего-то вроде барабанов, которое, несмотря на положение, постепенно стало затягивать меня.

— Не волнуйся, — сказал я Джойс, помотав головой, чтобы сбросить наваждение. — Никакие дикари с копьями не могут тягаться своими куцыми ушишками с землянами.

— Но их так много, Джим!

— Все в порядке, детка. Мы победим их, как и весь этот мир. В любом случае, он слишком хорош для кучки грязных дикарей.

Я переключил бластер на широкий луч и вернулся к окну. Пока что я не хотел никого убивать. Я хотел лишь слегка подогреть их, чтобы они убежали и рассказали остальному племени, что нужно держаться подальше от нашего дома.

Ритмичное скандирование снаружи становилось все громче, и время от времени очередное копье со стуком ударяло в стену дома. Дикари уже прыгали вверх-вниз и со всей мочи орали, очевидно, пытаясь прогнать злого духа, опустившегося на их территорию.

Я осторожно чуть приоткрыл окно. Их песнопение стало еще слышнее.

— Эй-ха, эй-ха! Йя-яя! Эй-ха!

Джойс задрожала.

— Они похожи на дьяволов!

— Это просто первобытные дикари, — сказал я. — Дай мне несколько дней, и они станут у меня совсем ручными.

Я ПРИОТКРЫЛ окно чуть больше, но не успел прицелиться, как один из туземцев швырнул копье прямо в окно. Я отпрынул. Блестящее лезвие копья длиной сантиметров в десять, попало точно в щелку, но мощная рукоятка не смогла пролезть, и копье застряло. Я протянул руку и потрогал острие.

Оно было острым. Очень острым. Позади я услышал тихий, испуганный плач Джойс и, как ни странно, именно он стал раздражать меня больше всего. А я считал ее более храброй.

Я снова глянул в окно, стараясь, чтобы меня не заметили, и высунул дуло бластера в щель. Туземцы все еще прыгали на вырубки, но ни один из них не перебрался через мою хилую оградку из лежащих бревен, они просто кричали, пели и махали факелами. Я убедился, что бластер действительно установлен на широкой луч, и нажал курок.

Нежный желтый луч пронзил ночь. Как только он коснулся первого туземца, я услышал, как его пение завершилось взвизгом боли, но он остался стоять на месте. Все они орали и прыгали, вскрикивая от легких ожогов, пока самый большой туземец с лентой вокруг талии — очевидно, вождь, не выкрикнул какой-то приказ. Тогда они немного отступили.

Я не сводил луча с вождя, пока жар бластера не победил его упорства. Он тоже покинул свою позицию и отошел подальше, но перед этим все же швырнул копье в окно. Хороший был бросок, хотя и бесполезный. Затем он повернулся и вместе с остальными побежал в джунгли.

Некоторые туземцы, когда я принялся их поджаривать, попрыгали в озеро, и теперь я направил луч туда и подогревал воду, пока она не начала пузыриться. Визги обданных кипятком туземцев, несущихся от озера в джунгли, звучали музыкой в моих ушах.

Я продолжал водить лучом, пока от туземцев не осталось и следа. Двойные луны освещали немного обуглившуюся траву вырубки. Все стало тихо, словно ничего и не было. Тогда я убрал бластер и закрыл окно, после чего повернулся к Джойс.

Джойс сидела на одном из чемоданов и тихонько плакала. Я подошел и заключил ее в объятия.

— И что нам теперь делать? — спросила она. — Что мы будем делать?

Лицо ее было мокро от слез.

— Не волнуйся, — как можно увереннее сказал я. — Я одолею их. Мы уже одержали первую победу. Возможно, они так перепугались, что больше не вернутся.

— Они вернутся, — возразила Джойс. — И они будут повсюду, по всей планете. Как мы можем чувствовать себя в безопасности, зная, что джунгли кишат ими. А наши дети...

— Но откуда мы знаем, может, они вполне мирная раса.

— Мирная? После такого приветствия? — Глаза Джойс сверкнули, и я рад был увидеть, что к ней возвращается прежний задор. — Они будут постоянной угрозой! Мы ни на секунду не сможем расслабиться на этой планете!

— Я не думал, что они... — начал было я, но тут же замолчал.

— Джим! — Джойс не нужно было выслушивать мою фразу до конца, чтобы все понять. — Так ты знал еще до прилета сюда, что здесь есть разумная жизнь?

Я опустил голову.

— Знал, — сказал я, чувствуя себя виноватым, как никогда.

— И все-таки полетел! Да еще привез сюда меня, хотя знал, насколько опасно будет жить на Новом Крайдоне!

Я НИЧЕГО не сказал. Что уж тут говорить. Я просто стоял в темной комнате нашего сборного домика, а в окна лился серебристый свет двух лун. Какое-то время спустя Джойс встала и подошла ко мне.

— Ну, ладно, — сказала она. — Значит, ты так хотел улететь с Земли, что согласился на планету, которая могла быть опасной, лишь потому, что это было первое, что тебе предложили. Ну что ж, эксцентричный мой муж, я просто вынуждена это принять. Что ты планируешь делать дальше?

Я схватил ее за талию, привлек к себе и поцеловал.

— Вот это, — сказал я долгое время спустя.

Она чуть отстранилась от меня.

— Но так же не может продолжаться вечно. А что будет утром, когда туземцы вернутся?

— Об этом мы утром и подумаем, — ответил я, многозначительно тронув рукоятку бластера. — А сейчас давай немного отдохнем? Завтра нас ждет напряженный день.

НОЧЬ БЫЛА беспокойная. Пару раз я просыпался, и мне казалось, что я слышу ужасное «Эй-ха!» толпящихся снаружи туземцев, но все было тихо. Тем не менее, всякий раз, просыпаясь, я видел, что Джойс не спит, а широко открытыми глазами глядит в потолок.

Утром мы оба чувствовали себя измученными. Даже чистенькая, первобытная заря на Новом Крайдоне была потрачена на нас вп

стую. Мы думали только о том, что наступает новый день тяжелой работы и бессменной вахты.

Мы поспешили приняться за работу, распаковали остальную часть Комплекта для Выживания, подаренного нам Правительством, и разложили все по местам. В последней коробке я с радостью обнаружил Автоматический Переводчик. В том случае, если мы когда-либо вступим в дружеские отношения с местным населением, он сконсервирует нам массу времени, поскольку не придется учить туземный язык.

А в полдень вернулись туземцы. При свете дня они казались не такими жестокими, как в полутораке ночи. Они по-прежнему были большими и уродливыми, но выглядели уже не такими угрожающими, как прежде. Они окружили наш двор с хилым заборчиком, держась при этом на расстоянии, — я, кстати, заметил на многих из них признаки их знакомства с бластером прошлой ночью, — и присягались что-то бормотать.

Мы оказались в осаде.

Я достал бластер.

— Преподам им еще один урок, — заявил я. — В конце концов, они научатся держаться от нас подальше.

И я повернул рычажок, увеличивая интенсивность луча.

Но Джойс схватила меня за руку и заставила опустить оружие.

— Успокойся, правитель, — сказала она. — Давай-ка сначала хорошенько подумаем.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что ты ничего не достигнешь, если станешь палить в них каждый раз, как они появятся. Ты лишь разозлишь их, и они соберутся такой толпой, какую ты не сможешь перестрелять. И что затем?

Я покусал губу. Я сам уже думал об этом, просто не хотел пугать Джойс, показывая ей истинную серьезность нашего положения. Но получается, что нет нужды щадить ее чувства. Она и так все уже знает.

— Это грубый подход, — продолжала она. — Нас тут всего двое чужаков против всей планеты. Мы не знаем, сколько живет здесь туземцев, но ты не можешь воевать со всеми.

— А что мы еще можем делать, если не уничтожать их? — спросил я.

Впервые я начал прочувствовать полнейшую безнадежность нашей ситуации, глядя на слоняющихся снаружи туземцев. Казалось, они готовили нам что-то новенькое. Я был сердит. Это была моя планета, мой мир, и казалось несправедливым, что местные дикиари вот-вот все испортят.

— У нас есть Переводчик, — сказала Джойс. — Мы можем поговорить с ними. Вот в чем наш выход.

– Поговорить? О чем?

– Мы можем выдать себя за богов. Они выглядят достаточно примитивными, чтобы оказаться легковерными. Ты можешь сделать на скорую руку несколько поддельных чудес, а потом мы скажем речь. Если мы произведем на них сильное впечатление, то они надолго запомнят его и станут относиться к нам с уважением.

– Звучит-то прекрасно, – ответил я, – но есть одна загвоздка. Мы должны быть не дальше, чем в десяти шагах от них, чтобы использовать Переводчик. А они наверняка станут держать дистанцию, как следует, в общем-то, и нам. Опасно приближаться к ним. Ты видела, какие у них копья?

– **ВСЕ РАВНО**, нам придется рискнуть, – уперлась Джойс. – Мы оба выйдем к ним с Переводчиком и станем говорить с ними.

– Нет, – решительно покачал головой я. – Это слишком опасно.

Я выглянул из окна на толпу туземцев. Их стало еще больше, они окружили нас со всех сторон и, хотя и не угрожали никакими прямыми действиями, но стояли уродливой толпой.

Все они собрались вне моего барьера из бревен. Но пока я смотрел, один из них, здоровенный, с лентой вокруг пояса, тот, что вызывающее терпел ночью действие моего теплового луча, взобрался на бревна, перелез на нашу сторону и гордо направился к нашему домику.

– Дверь замкнута? – спросил я.

– Да, – ответила Джойс. – Он не сможет войти.

– Я думаю, это вождь, – сказал я. – По-моему, он хочет поболтать с нами.

Здоровенный туземец, тяжело ступая, подошел к окну и постучал в него чешуйчатой, зеленою, четырехпалой лапой. *Флексипласт* прогнулся, но тут же вновь расправился. Я постучал в ответ, и туземец ответил единственным ударом.

– Стукни два раза, – подсказала Джойс.

Я так и сделал, и туземец ответил. Тогда я постучал три раза, и туземец тоже.

– Он разумны, – сказала Джойс. – Он пытается вступить с нами в контакт. Это наш шанс. Где Переводчик?

– *Nem!* – рявкнул я. – Я не хочу идти туда, это ничто иное, как просто самоубийство. Я застрелию его, если он не уйдет.

Джойс недоверчиво поглядела на меня.

– Ты не сделаешь этого, Джим! – воскликнула она. – Он подошел к окну добровольно. Если ты застрелишь его, они будут постоянно нападать на нас всей толпой.

– Вот в этом-то ты неправа, – ответил я. – Если они увидят, как легко и просто я убил их вождя, это внушит им страх. Они будут бояться приближаться к нам.

— И оставшуюся жизнь мы просидим в бесконечной осаде толпы туземцев, раскинувших лагерь по другую сторону нашей ограды, и будем ждать неминуемого конца. Выглядит это почти так же привлекательно, как жизнь на перенаселенной Земле! — В голосе ее звучал чистейший яд.

— Позволь уж мне самому справиться с этим, Джойс, — сказал я, отвернулся от нее и поднял бластер.

Туземец за окном спокойно стоял, время от времени испуская глубокие, хриплые звуки. Я подошел к окну, собираясь открыть его, выстрелить из бластера, поставленного на полную мощность, и тут же захлопнуть окно обратно, прежде чем кто-либо из толпы успеет шевельнуться. Да, это был трусливый поступок, но когда вытаскиваешь шею из петли, то не стоит беспокоиться о таких устаревших понятиях, как честь и достоинство.

Внезапно я услышал щелчок за спиной. Я резко обернулся и увидел, как дверь закрывается.

— *Джойс!* — выкрикнул я, вертя головой, но в комнате ее не было.

А затем я увидел ее.

Эта сумасшедшая девчонка стояла снаружи на крыльце, держа в руках небольшой, коричневый, металлический Переводчик, и что-то говорила здоровенному туземцу!

ПОРАЖЕННЫЙ УЖАСОМ, я открыл окно и позвал ее.

— Джойс! Немедленно вернись, пока он не убил тебя.

Она не слушала, а продолжала говорить. Зеленый монстр направился к ней, слушая терпеливо и даже с видимым интересом. Кровь у меня застыла в жилах, пока я смотрел, как она спокойно стоит там, и перед глазами мелькнула картина ее окровавленного тела, которое туземцы рвут на куски.

Я не знал, что делать!

Если я убью туземца, то другие могут попасть в нее копьями, прежде чем она успеет вернуться в дом. Если пойду туда сам, то поставлю обоих, ничем не защищенных, кроме моего бластера, а я все-таки не сверхметкий герой боевика. В краткий миг в голове у меня пронесся десяток альтернативных планов действий, и столь же быстро я отверг их все. Потом я яростно изругал туземцев, упрямую Джойс и пуще себя самого.

— Мы — боги с небес, — услышал я, как Джойс говорит туземцу. — Мы спустились к вам, чтобы стать вашими королями.

Туземец проворчал что-то непонятное, очевидно, Переводчик еще не научился переводить его.

— Ты и твой народ должны поклоняться нам! — продолжала Джойс и повернула ко мне голову, словно ожидая, что я тут же сотворю какое-нибудь чудо, чтобы вселить в них страх.

Я оглядел комнату, одновременно бдительно следя за Джойс и туземцем. Единственное, что бросилось мне в глаза, это осветительная ракета, и я решил использовать ее. Я мог бы запустить ее над вырубкой, и она сделала бы день немного ярче. Я молился, чтобы безумный трюк Джойс сработал. Ничего иного я не мог пока сделать.

Но прежде, чем я успел запустить ракету, Туземец начал отступать, пока не оказался в центре нашего двора. Он явно поманил к себе Джойс, и она невольно пошла вперед, чтобы держать вождя в радиусе действия Переводчика. Они остановились шагах в восьми друг от друга, и тут моя кровь окончательно превратилась в лед, когда я увидел, что остальные туземцы полезли через положенный мной барьер, образуя вокруг Джойс и вождя круг.

Долгую секунду они смотрели друг на друга. Затем здоровенный вождь взмахнул своей лапищей и одним ударом сбил Джойс наземь.

Я РЕШИЛ, что с меня хватит!

Отбросив ракету, я выскочил из дома и прорвался сквозь плотный круг туземцев. Когда я добрался до площадки в центре, то увидел, как вождь поднял одной рукой Джойс с земли, точно пакет с одеждой, и поставил ее на ноги. Я увидел, как взметнулся его кулак. Джойс коротко закричала.

Я бросился между ними и принял удар на себя. Затем отпихнул Джойс в сторону. Кольцо туземцев расширилось, я и оказался один на один с местным царьком. Мы стали кружить друг возле друга. Красная пелена гнева и ненависти застилала мне глаза. Смутно на заднем плане я слышал крики Джойс.

Должно быть, она подняла оброненный мною бластер, потому что на мгновение, уже обмениваясь ударами с противником, я почувствовал теплое излучение. Затем я услышал ее крики:

— Отступай, Джим! Я расчистила дорогу к дому!

НО Я ИГНОРИРОВАЛ ее. Я был вне себя от гнева и больше всего в жизни хотел избить этого монстра, посмевшего ударить мою жену.

— Я закончу этот бой, — процедил я сквозь зубы и выдал сокрушительный удар в челюсть туземца, причем его грубая, чешуйчатая кожа оцарапала мне костяшки пальцев. Впрочем, надеюсь, что ему было больнее.

— Не сходи с ума, Джим!

Я не слушал ее. Мы сцепились друг с другом, в нос мне ударили странный, чужой запах животного, туземец пах совсем чужой формой жизни, а затем мы отскочили друг от друга. Я быстро глянул вокруг. Остальные туземцы окружили нас, словно зрители, глядя-

щие на боксерский поединок. Джойс стояла у двери, держа наготове бластер, но не зная, что делать.

Я медленно двинулся к туземцу. Он был ростом с меня, но гораздо шире в плечах и, должно быть, весьма тяжелее, явно не меньше ста двадцати килограммов. Он не обладал боксерскими навыками, но быть умел, причем весьма сильно.

Он вытянул руку, пытаясь схватить меня. Я пригнулся, но он сжал кулак и больно ударил меня в ребра. Я поставил блок и ударили его в плоские отверстия, явно служившие туземцу носом. Это не произвело никакого эффекта, но когда я выдал левый крюк по красным мясистым отросткам на горле, он отшатнулся и сделал пару шагов назад.

Я услышал, как окружающие нас принялись скандировать: ««Яя-яя! Эй-ха!». Кольцо вновь сомкнулось, теперь я уже не смог бы отступить в дом, а Джойс не посмела бы воспользоваться бластером, боясь попасть в меня. Получалось, что я должен будут победить здоровяка-вождя, потом выступит кто-нибудь еще, и еще, пока я окончательно не лишусь сил. И тогда мне наступит конец.

Я повернулся в поисках укрытия, и тут же получил жесткий удар по животу. Я рухнул на землю, а мой противник тут же прыгнул на меня. Скандирование достигло оглушающей силы.

Я пытался сбросить с себя здоровяка-вождя, но никак не мог. Он прижал меня к земле, явно пытаясь сломать мне спину. И в этот момент я понял свою ошибку. До сих пор я отвечал силой на силу, опускаясь на уровень этих дикарей, но они-то были куда приспособленнее к своему образу жизни. Ошибка была в том, что я не использовал главное свое преимущество – свой разум.

Я КРИКНУЛ и застонал, пытаясь не думать о том, какое впечатление это произведет на Джойс, а затем вдруг обмяк. Туземец тут же попался в мою ловушку и поднялся с меня, чтобы поглядеть на результаты своей деятельности, и в этот момент я вскочил, поймал его на стандартный захват дзюдо и бросил спиной на землю. Зрители тут же затихли.

Вождь попытался было пнуть меня ногой, но я поймал эту ногу и, поворачивая ее, как рычаг, покатил его к куче заготовленных мною бревен, в которые он и врезался головой. Я даже услышал треск, с которым кости черепа врезались в дерево.

Вот так-то, злорадно подумал я, – бревна всегда крепче!

Вождь неподвижно лежал на земле, а я впервые за последние пять минут смог, наконец, отдышаться. Потом поздравил себя с правильной демонстрацией захватов, и только затем повернулся к притихшей толпе.

– Ну, что? – гаркнул я. – Кто следующий?

Их было тут около сотни, и я считал, что сумею справиться еще с двумя-тремя, прежде чем окончательно выдохнусь. Но отступать было нельзя, и я указал на ближайшего ко мне здоровенного увальня.

— Выходи! — рявкнул я. — Начнем веселье!

Но он не сдвинулся с места. Вся толпа внезапно отступила шага на три и уставилась на меня, затем на моего поверженного противника, потом снова на меня. И тут они снова затянули свои песнопения, но уже совершенно в ином ритме.

— Вы что, не хотите драться? — заорал я.

Драться они явно не хотели. Вместо этого они всей толпой рухнули на свои чешуйчатые колени и продолжали распевать. Тут Джойс покинула свой безопасный порог и подбежала ко мне.

Под глазом у нее сиял великолепный синяк, и вся она выглядела избитой, как, наверняка, и я. Но ее глаза с навернувшимися слезами светились от облегчения, и еще она, казалось, вся сияла от счастья, какого я в ней никогда еще не видел.

— Слава Богу, все кончилось, — сказала она.

— Я только не понимаю, что происходит, — буркнул я, указывая на коленопреклоненных туземцев.

Они по-прежнему тянули свои песнопения. Джойс показала на труп их бывшего вождя и протянула мне Переводчик.

— Вот послушай, о чём они поют, Джим! Это был их великий вождь, а по их обычаям, тот, кто победит вождя, сам становится вождем!

Джойс протянула мне Переводчик. Я взял его и начал слушать, что они поют.

И тут мне все стало ясно, как Божий день!

— *O, король, живи вечно! Живи вечно и правь, о, великий король!*

Когда прежний король швырнул Джойс наземь, он просто бросал вызов на поединок, согласно обычаям его народа. Я, так сказать, поднял перчатку и выиграл корону.

— *O, король, живи вечно с нами!* — продолжали они приветствовать нового героя-завоевателя.

Я триумфальным жестом воздел руку к небу, поставил ногу на труп моего покойного противника и усмехнулся. Это был мой мир. Да, теперь это был мой мир, мой и Джойс. И мы начнем строить его на следующий день. А начну я с того, что научу своих новых подданных рубить деревья.

A world of his own, (Amazing Stories, 1956 № 12), пер. Андрей Бурцев

3 Complete New Action Novels

SCIENCE FICTION ADVENTURES

December 35¢

PDC

THE STARCOMBER

by
Edmond Hamilton

Author of "Universe Wreckers"

•
Secret of the

GREEN INVADERS

by Robert Randall

•
**Battle for the
Thousand Suns**

by Calvin Knox

БИТВА ЗА ТЫСЯЧУ СОЛНЦ

(В соавт. с Р. Гарретом, под псевд. Келвин Нокс и Дэвид Гордон)

ГЛАВА I

ДЭЙН РИГАН стоял в наблюдательном помещении на борту корабля «Предсказатель» и пристально смотрел на огромное звездное скопление впереди. Внешне он был спокоен, но внутренне кипел от волнения.

Пятнадцать лет!

Пятнадцать лет назад маленький мальчик вместе с пожилым наставником убежал от псов Джиллана и оказался в изгнании. Прошло пятнадцать лет с тех пор, как Дэйн Риган видел это скопление в последний раз.

Теперь он, упиваясь зрелищем, не сводил взгляда с огненного дождя звезд, заполняющих небеса. Это шаровидное скопление располагалось в зените галактической линзы, вдалеке от торговых путей. Скопление вмещало десять тысяч могучих звезд и более тысячи обитаемых планет, где правила Империя Сотни Королей. Пятнадцать лет назад, будучи десятилетним мальчишкой, Дэйн Риган сбежал из скопления, чтобы не погибнуть от рук Гвилла, короля Джиллана, самого страшного из Сотни Королей.

А теперь Риган возвращался домой. Практически не моргая, он продолжал смотреть на многочисленные, разноцветные, светящиеся точки. Одна из них являлась звездой, вокруг которой вращался Джиллан. Дэйн Риган больше не боялся Гвилла с Джиллана. *На этот раз, подумал он, настала очередь Гвилла познать страх.*

— Вблизи скопление очень красивое, — раздался чей-то тихий голос. — Я понимаю, почему вы так на него смотрите.

Риган повернулся и с удивлением увидел узкого Колумана, капитана «Предсказателя». Дэйн Риган улыбнулся.

— Да, оно и вправду... красивое. Сколько до него?

— Около двухсот световых лет, — ответил капитан. — Мы прибудем часов через шесть.

— Хорошо, — сказал Риган.

Имперское Скопление находилось примерно в двадцати тысячах световых лет от Главной Линзы самой галактики, и сюда мало кто летал. Ригану повезло, что он смог найти место на борту торгового корабля. Он был единственным пассажиром. Корабль летел уже почти месяц, рассекая огромное пространство, отделяющее шаро-

видные скопления друг от друга и от Главной Линзы галактики.

— Население Империи странный народ, — задумчиво потерев впалые щеки, сказал капитан. — Вам уже доводилось там бывать?

— Нет, — соврал Риган.

Чтобы подкрепить заявление, он смело посмотрел в холодные глаза капитана. Риган не хотел, чтобы кто-нибудь знал, кто он такой, даже экипаж «Предсказателя».

— Странные? — спросил он. — Что вы имеете в виду?

— О... ну, они другие. Как и все народы шаровидных скоплений. Они живут в изоляции. Тамошние системы правления развивались по другому пути, не похожему на тот, что считается в галактике нормой.

— Насколько я знаю, у них клановое управление, — сказал Риган. — Им нет дела до незнакомцев, так ведь?

— В основном. Я слышал, что в скоплении Вентар, на другом конце галактики, на одной из планет чужеземцу лучше не появляться одному. Население Имперского скопления тоже осторегается незнакомцев, но там все не так плохо. Если вы хороший боец, то завоюете их уважение.

— Я могу о себе позаботиться, — сказал Риган.

— Надеюсь, что так. — Капитан отвернулся от экрана, чтобы посмотреть на пассажира. — Вы с Солнца, не так ли? Вы походите на землянина.

— Я с Веги, — поправил Риган. — С Веги VI.

— Кажется, это часть Солнечной Федерации. Ну, у вас есть деньги — они вам помогут. Без них вы бы стали крестьянином или рабочим. Если распорядитесь ими правильно, то, возможно, попадете в армию какого-нибудь дворянина.

— Может быть, — ответил Риган. — Но сначала я хочу осмотреться.

Alone and unaided, Dane Regan flung his wild challenge against the stars, and began his one-man vendetta against the massive might of the most dangerous empire in history!

Illustrated by Giunta

Battle for the Thousand Suns

by Calvin Knox and David Gordon

— В Империи любят свободных солдат, — сказал капитан. — Крестьяне не могут сражаться, это профессия знати. Хотя множеству дворян нет дела до битв.

— Разберусь на месте, — сказал Риган.

ЧЕРЕЗ ДЕНЬ Дэйн Риган уже был на Джиллане, одной из тысячи планет Империи, в столице королевства Джиллан, одного из самых крупных среди Сотни Королевств.

Турбовертолет высадил его в самом центре города Пеллин с населением более восьми миллионов человек, являющегося сердцем Джиллана. Секунду постояв в тени возвышающегося здания, Риган глубоко вдохнул перенасыщенный кислородом воздух Джиллана. Он почти забыл, каков этот воздух на вкус.

Но впустив атмосферу Джиллана в легкие, Риган вспомнил, что с ним сделали, и что ему пришлось бросить и потерять. Он поднял глаза. На стене небоскреба был гигантский подсвеченный портрет Гвилла — коварного, горбатого Гвилла, уродство которого на изображении было исправлено.

Риган улыбнулся. В его памяти не сохранилось никаких четких образов, кроме образа Гвилла. За пятнадцать лет он не забыл, как выглядит лицо монарха.

Риган насмешливо отсалютовал огромному портрету и пошел дальше. По улицам скользили бесшумные электромобили, над головами периодически пролетали частные турбовертолеты знати. Простой народ носил скучную серую одежду, как и Дэйн, но торговцы и дворяне одевались в яркие разноцветные туники и жилеты. Знать также носила шпаги.

Первым делом, подумал Риган, нужно раздобыть подходящую одежду.

— Прошу прощения, друг, — остановив коренастого рыжебородого простолюдина, быстро шагающего по тротуару, сказал он. — Ты можешь мне помочь?

— Говори, незнакомец. Что тебя беспокоит?

— Где мне найти магазин одежды? Мне нужен новый наряд и...

Простолюдин осмотрел серую одежду Дэйна, затем взглянул на свою.

— По правде говоря, друг, ты одет лучше меня! Чем тебе не нравится старая?

Дэйн нахмурился. Глупец, очевидно, решил, что он хочет купить новую крестьянскую одежду.

— Мне нужно что-нибудь подороже, — ответил Дэйн и махнул рукой на зеленовато-фиолетовые шелка, сверкающие на теле молодого дворянина, только что прошедшего мимо.

— Ну, удачи тебе, парень! — хрюкло засмеялся простолюдин. — Может, заодно купишь себе пару звезд?

— Но...

— У меня нет времени на разговоры с безумцем, — покачал головой простолюдин. — В каком магазине тебе продадут дворянскую одежду?

Он отвернулся от Ригана и пошел дальше по тротуару. На секунду Ригана охватил обжигающий гнев, затем он остыл и понял, что прохожий прав. Никто не продаст ему одежду дворянина.

Но существовали и другие способы получить желаемое. Риган свернул на боковую улицу и оказался в темном проходе, образованном двумя гигантскими офисными зданиями. Он прошел вдоль стены одного из зданий, скользнул в едва видимый в тени подъезд и спрятался там.

Долго ждать не пришлось. Вскоре показался торговец примерно одного с Риганом телосложения, но со спокойным, праздным выражением лица, говорящем о слаборазвитой мускулатуре. Риган посмотрел по сторонам, — пока никого.

Когда торговец прошел мимо, Риган вышел из тени.

— Не подскажете, сколько сейчас времени, сэр?

— Что? Ну...

Торговец повернулся, и Риган рубанул ладонью ему по горлу. Тот задохнулся и начал шататься. Риган два раза ударил торговца под дых и тут же подхватил под мышки. Затем потащил потерявшего сознание торговца в нишу в стене дома.

Спустя минут пять, Риган вышел на улицу в дорогой куртке из зеленого и красного тефлона, покрытого платиновой сеткой. Он выглядел точь-в-точь, как знатный джилланин.

ДАЛЬШЕ НУЖНО было посетить оружейный магазин. В голове Риган держал четкое расписание действий. Он столько раз планировал возвращение на Джиллан, что продумал каждое действие.

Оружейный магазин оказался небольшим, но роскошно обставленным, словно ювелирная лавка. Риган вошел и принял рассмотривать шпаги на выставке, ожидая, пока не появится хозяин.

Обычному жителю галактики, привычка носить такое древнее и устаревшее оружие показалась бы просто смешной. Пистолет с разрывными пулями был гораздо эффективнее и, чтобы научиться метко стрелять, не требовалось столько тренировок и практики, как для того, чтобы стать умелым фехтовальщиком.

Но для имперской знати пистолет был слишком эффективным. Если бы на дуэлях использовались пистолеты, то дуэлянты погибали бы слишком часто — а дуэль, равнозначная самоубийству, никому не нужна.

Империя Сотни Королей во многом походила на древнее феодальное государство. Но деление населения на дворян и чернь осуществлялось не только по крови, хотя в основе лежал именно этот прин-

цип. Развился же он из-за мутации, произошедшей почти тысячу лет назад.

Никто не знал, что именно тогда случилось, правда лежала под десятью веками переписывания истории в пользу то одних, то других властителей. Но Риган представлял, в чем заключался смысл мутации.

Космические лучи – потоки тяжелых атомных ядер, ускоренные десятками тысяч лет прохождения через электростатические, магнитные и гравитационные поля сотен миллионов звезд – прошли через репродуктивные органы мужчин и женщин на скорости, близкой к скорости света.

Хромосомы разлетелись на части и перестроились, гены разорвались и собрались заново под действием огромной энергии крошечных частиц материи. В основном, это привело к мгновенной гибели плода или смертоносным мутациям эмбриона. Но в одном случае все было по-другому. Каким-то образом, благодаря вселенским законам вероятности, один набор хромосом изменился в лучшую сторону и, по счастливой случайности, удачно соединился с другим набором, создав нового человека. И этот человек – первый в своем роде – получил Силу.

В доисторические времена это назвали бы сглазом – и, вероятно, такая мутация произошла не единожды за всю историю человеческой расы. Но это был первый случай, когда кто-то получил способность убивать другого человека взглядом и сумел продолжить свой род.

И, разумеется, в суровой среде пограничных миров такие люди стали королями.

Этой способностью обладали только мужчины. Ни у одной женщины никогда не было Силы. Кроме того, это давало иммунитет против себе подобных. Ни один человек, обладающий Силой, не мог убить взглядом другого такого же. Ген был рецессивным, лишь немногие имели эту способность. Они стали знатью, а остальные – простолюдинами, которым приходилось следить за своими словами и поступками, чтобы не пасть жертвой какого-нибудь дворянинаНа, пребывающего в плохом настроении.

Как цвет волос или глаз, необычная способность тоже проявлялась по-разному. Одни дворяне были сильнее других. Вообще-то, большинство могло лишь оглушать – только Короли умели убивать взглядом.

И тот, кто был способен на это, мог стать Королем.

Шпаги имели право носить не все. Ими разрешалось владеть только знати или офицерам. Шпага служила орудием для разрешения споров. Силу использовали только против простого народа, против знати она не работала. А пистолет убил бы слишком много

дворян, истощив род избранных, владеющих Силой. Поэтому они носили шпаги.

— Могу я помочь вам, сэр? — спросил из-за стойки низенький, седоволосый человек.

Риган повернулся и поднял бровь.

— Я хочу купить шпагу — хорошую, крепкую, гибкую.

— Да, сэр. У нас есть несколько отличных клинков, сэр.

Хозяин исчез и вскоре вернулся со специальным ящиком для холодного оружия, в котором лежали блестящие шпаги. Риган внимательно осмотрел их, подержал в руке, проверил остроту и гибкость, затем вернул все на место.

— Ни одна не подходит вашему вкусу, сэр?

— Боюсь, что так, — ответил Риган. — Я ищу нечто немного иное. Вы изготавливаете шпаги на заказ?

Коротышка кивнул. Риган описал и нарисовал, что ему нужно, от остряя до рукоятки, украшенной драгоценными камнями.

Низенький хозяин потер руки, предвкушая большой гонорар.

— Вы начертите отличную шпагу, сэр. Мы сделаем все в точности, как вы описали. Но, на электрическую закалку уйдет какое-то время. Так что, в лучшем случае, клинок будет готов к завтрашнему вечеру.

— Завтрашний вечер меня устраивает, — ответил Риган. — А цена?

— Мммм... Дайте подумать... — Хозяин записал в блокнот какие-то числа, затем принялся их складывать. — С учетом ножен, выйдет восемьсот стеллоров, — наконец, сказал он.

Риган холодно посмотрел на него, и коротышка заметно струхнул. Риган понял, о чем тот подумал: если незнакомец из дворянского рода, что казалось весьма вероятным, значит, его взгляд может быть болезненным, если не смертельным.

— Больше семисот не дам, — решительно сказал Риган.

Хозяин оружейного магазина секунду поколебался.

— Да, сэр, — сказал он. — Семь сотен.

Не так уж и плохо, подумал Риган. *Хозяин все равно получит хорошую прибыль.*

Риган улыбнулся и положил деньги на стойку, семь чистых, прозрачных хрустальных дисков.

— А если шпага будет готова к восемнадцати часам завтрашнего дня, получите сотню сверху.

— Очень хорошо, сэр. А теперь, позвольте взглянуть на разрешение на ношение оружия...

— С собой у меня его нет.

Коротышка заметно расстроился, но с важным видом протянул деньги обратно.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. — Без разрешения я не могу продать вам оружие. А вдруг вы простолюдин, как и я... гм... я не хотел вас обидеть, сэр.

Риган не обратил внимания на семь монет в руке коротышки.

— Я принесу разрешение завтра, — холодно сказал он. — А если не появлюсь, у вас останутся и деньги, и меч.

Хозяин магазина снова заколебался.

— Да, сэр, я понял, сэр, — ответил он. — Я прекрасно вас понимаю, сэр.

Жест Ригана убедил его, что высокий незнакомец является именно тем, за кого себя выдает. Ни один простолюдин ни за что не станет так рисковать семьюстами стеллоров.

— Надеюсь, я не оскорбил вас, сэр, — робко сказал коротышка.

— Вовсе нет. Если бы вы не попросили показать разрешение, было бы куда хуже.

— Я всегда придерживаюсь закона, сэр. Значит, завтра в шесть часов вечера.

СЛЕДУЮЩИМ ПУНКТОМ в плане Ригана было посещение Здания Верховного Военного Командования. Это было блестящее сооружение со снежно-белым пластиковым фасадом и уродливыми изваяниями в виде орлов, сидящих над распахнутой дверью.

Риган с важным видом вошел в здание и через несколько секунд нашел кабинет Военного Снабженца. Он повернул ручку заурядной черной двери и с тихим скрипом открыл ее.

За столом сидел скучающий крупный майор с суровым лицом.

— Да? Что вы хотите?

— Я хочу вступить в армию, — ответил Риган.

— Что? Зачем вам это нужно? — Увидев, что у гостя нет меча, майор, очевидно, принял его за торговца.

— Я нездешний, — сказал Риган.

Майор тут же изменился в лице.

— Дайте взглянуть на ваши документы, — резко сказал он, взял протянутую карточку, и в следующую секунду его лицо расплылось в ухмылке. — Вега, да? Солнечная Федерация? Никогда не слышал о такой. Это в Главной галактике или в каком-то другом скоплении?

— В Главной Галактике, — ответил Риган.

— Вы из Галактики все одинаковые. Вечно строите из себя крутых. Но через пару дней понимаете, что жестоко ошибались. — Майор небрежно бросил карточку на стол.

— Ну и?

Офицер смерил Ригана взглядом.

— На вид вы здоровый и сильный, веганин. Нам нужны такие люди. После недолгой подготовки, вы сможете стать командиром отряда.

Он взял зеленый бланк для заявлений из большой пачки таких же и начал что-то царапать на нем.

— Звание ниже лейтенанта меня не устроит, — прервал Риган.

Майор поднял глаза и раскрыл от удивления рот.

— Что?.. Какое нахальство!

Взглянув на дерзкого рекрута, он дважды моргнул, затем ткнул пальцем кнопку на столе.

Вошли два широкоплечих унтер-офицера.

— Сержант! Капрал! Вышивырните это болвана... и не церемоньтесь с ним.

Шагнув к Ригану, двое военных заухмылялись. Они были высокими, крепкими парнями в красно-золотой опрятной форме армии Джиллана, выглядящими весьма серьезно. Риган подождал, пока они подошли поближе.

— Уйдешь сам или тебе помочь? — спросил сержант.

Риган усмехнулся и рванулся вперед. Кулак изгнаниника врезался в челюсть изумленного сержанта, и, когда рука военного рефлекторно поднялась, он использовал ее, как рычаг, чтобы подбросить того и сильно толкнуть в сторону капрала.

Капрал увернулся от тела сержанта и ринулся на Ригана, но тот проворно ушел от нападения и звучно ударил ему по затылку. Капрал тут же упал, а Риган, снова обратив внимание на шатающегося сержанта, двинул ему в живот и уложил на пол рядом с товарищем.

Риган сначала взглянул на двух распростертых на полу военных, затем на майора, продолжавшего спокойно сидеть за столом.

— Отличная работа, мистер Риган. Вас, как минимум, ждут сержантские погоны. Думаю, это я могу вам предложить.

Риган вытер пот со лба и мрачно посмотрел на майора.

— Я сказал, лейтенантские.

Майор покачал головой.

— Офицер должен быть джентльменом, кроме того, он обязан уметь обращаться со шпагой, а я еще не видел уроженца Главной галактики, способного пользоваться чем-то, кроме обычного пистолета.

— Испытайте меня, — предложил Риган.

— Дерзкий щенок!

Офицер подошел к стойке у стены и взял две шпаги. Затем внезапно бросил одну Ригану. Тот ловко поймал шпагу за рукоятку.

— Начинайте, — сказал он.

Пока майор приближался, Риган успел пару раз взмахнуть шпагой, чтобы примериться к незнакомому оружию.

Шпаги метнулись друг к другу. Майор улыбнулся и сделал выпад, целясь Ригану в сердце... но тот отразил удар. Когда Риган быстро отошел в сторону и, обойдя защиту, провел кончиком клинка в считанных миллиметрах от груди майора, срезав блестящую многоугранную медаль, глаза майора выпучились от удивления. Награда со звоном упала на пол.

Джилланин с покрасневшим лицом ринулся вперед, собираясь уже не просто проверить мастерство дерзкого рекрута. Его шпага мелькала перед Риганом и все-таки оставила на лице Ригана тонкую

красную линию. Риган парировал очередной удар, быстро отступил и в следующее мгновение сделал финт снизу вверх, по запястью майора. Раздался металлический звон, и шпага офицера улетела в другой конец кабинета.

Риган вежливо улыбнулся обезоруженному майору и, не сказав ни слова, положил шпагу на стойку, затем принялся ждать.

Майор взглянул на шпагу, выбитую у него из руки.

— Ну, черт меня подери, — тихо сказал он.

Когда офицер посмотрел на Ригана в этот раз, в его глазах было уважение.

— Риган, если сможешь пройти тесты, то получишь лейтенанта.

— Он замолчал и нахмурился. — Разумеется, надо будет заплатить небольшую... э-э... таксу.

— Конечно. Сколько?

— Цена стандартная, — ухмыльнулся майор. — Все дело во влиянии.

Если бы я был, скажем, полковником, то мне бы стоило это меньших усилий, но я бы назвал большую сумму. В итоге все приводится к одному знаменателю. — Он назвал цену.

— Справедливо, — кивнул Риган.

— Разумеется, заплатить придется до сдачи экзамена. Если ты провалишься... — Майор едва заметно пожал плечами.

ГЛАВА II

ДВЕ НЕДЕЛИ спустя, лейтенант Дэйн Риган в шикарной форме и с висящей на поясе шпагой, украшенной драгоценными камнями, поднялся на борт крейсера «Дормис», чтобы отправиться на первое задание.

«Дормис» являлся стандартным крейсером с экипажем, насчитывающим около тысячи человек, находящимся под командованием благородного командующего Дрела Лартина, худощавого, аскетичного вида сторонника строгой дисциплины. Лартин холодно пожал руку новому лейтенанту и отправил его к младшему офицеру, чтобы тот показал ему каюту.

— Вы будете ночевать здесь, — проведя лейтенанта в простенько обставленную, но просторную каюту, сказал офицер.

— Хорошо, — ответил Риган и вошел внутрь.

— Можно вас на пару слов, сэр?

— В чем дело?

— Хочу дать вам небольшой совет... Когда будете в следующий раз пожимать руку благородного командующего Лартина, не делайте это так энергично.

— Какого черта вы хотите сказать? — прищурившись, спросил Риган.

— Ничего особенного, — ответил офицер. — Просто крепким рукожатием вы показываете, что настроены серьезно, а это не всегда хорошая мысль. Вы нездешний и плохо понимаете, что творится в Скоплении. Наши офицеры не любят новичков с амбициями. Вы можете быстро стать непопулярным.

— Спасибо, — улыбнувшись, ответил Риган. — Спасибо... но, думаю, я справлюсь.

Он закрыл дверь и вошел в каюту. Ему предстояло многое сделать, а именно, — как можно больше узнать про конфликты в Скоплении, произошедшие за последние пятнадцать лет.

У Гвилла, горбатого короля Джиллана, был конфликт с королем Арвином с планеты Ринет. Предположительно, спор шел из-за торговых путей и коммерческих кораблей, курсирующих через огромное скопление, но явно тут было замешано кое-что еще.

Император Тысячи Звезд избирался Советом Сотни Королей из их же числа. Правил он до конца жизни, и остальные должны были поддерживать его.

Но нынешний император Доуэн с планеты Корейл дожил до преклонных лет, и его смерть была уже не за горами. А двумя общепризнанными претендентами на трон Империи являлись Гвилл с Джиллана и Арвин с Ринета. Если один уничтожит флот другого, то баланс сил изменится... и Империя перейдет к победителю.

Нападать на сами планеты было практически бессмысленно. Ни один космический флот, каким бы мощным он ни был, не мог надеяться пробить защиту, обеспечиваемую множеством планетарных орудий, без помощи шпионов или диверсантов.

Ригана это не интересовало. Он лишь хотел подобраться к Гвиллу с планеты Джиллан. Короля слишком хорошо охраняли, чтобы простой лейтенант мог беспрепятственно подойти к нему — для этого Ригану придется подняться по служебной лестнице.

А еще ему надо будет позаботиться о том, чтобы императором стал Гвилл. Потому что в тот день, когда Гвилл с Джиллана получит власть над Империей Тысячи Звезд и Сотни Королей, он окажется именно там, где Риган будет ждать его.

ПЕРВЫЙ ГОД службы Дэйна Ригана был не богат событиями. Флоты Джиллана и Ринета практически не встречались, не считая нескольких незначительных стычек, и не нанесли друг другу заметного урона. Но в одном случае новый офицер отличился, лично воспользовавшись космической винтовкой после того, как система автоматического управления вышла из строя во время вражеской атаки, и получил звание капитана за выдающуюся отвагу.

Но лишь в конце первого года службы, во время того, что позже стало называться Битвой за звезду Боллина, капитан Дэйн Риган привлек внимание Гвилла с планеты Джиллан.

Все начиналось, как обычно, — хозяин «Дормиса», благородный командующий Лартин, собрал офицеров в каюте для совещаний.

Лартин обвел взглядом всех присутствующих. Риган пристально посмотрел на бледного командира, напряженное лицо и горящие глаза которого обеспечивали репутацию того, от кого надо было держаться подальше.

— Джентльмены, я только что получил очень важный приказ, — сухо сказал Лартин. — Наша разведка сообщила флоту, что какой-то корабль вылетел из сектора Ринета и направляется в столицу Империи. — Глядя в этот момент прямо на Ригана, он помолчал, затем продолжал, поочередно взглянув на всех офицеров. — Мы знаем, каким путем летит этот корабль, — сказал Лартин. — Наша задача — устроить засаду.

Заместитель командующего Мондерре, грузный, румяный человек, внешне резко контрастирующий со своим начальником, лениво поднял руку.

— А нам известно, что это за корабль?

— Я понятия не имею, почему этот корабль так важен командованию, да и, честно говоря, мне все равно, — всхлипнул Лартин. — Кроме того, я не хочу, чтобы вы размышляли об этом. Могу лишь сказать, что это приказ Его Благородного Превосходительства Гвилла с планеты Джиллан. — Глаза командующего на секунду сонно прикрылись.

Офицеры кивнули. Риган внутренне посмеялся. Размышлять не было нужды, Гвилл отдал бы такой приказ только в одном случае: если бы на борту этого корабля был сам король Арвин. Все сходилось. Арвин собрался просить помощи у Императора Доузайна для борьбы с Гвиллом... и вполне мог получить ее.

Благородный командующий указал на звездную карту.

— Вот их маршрут. Нам нужно перехватить быстроходный шаттл, сопровождаемый четырьмя легкими крейсерами. Скорость — их основное средство защиты. Крейсера будут отвлекать атакующих, чтобы шаттл мог ускользнуть. И, если мы позволим ему уйти, догнать его уже не получится.

Заместитель командующего Мондерре неспешно поднялся на ноги и указал на мигающую красную лампочку над дверью.

— Вас вызывают, сэр.

— Не сейчас, — выпалил Лартин. — Сначала закончим с этим. — Он глянул по сторонам. — Как я и сказал, у нас есть только одно преимущество. Мы знаем их маршрут, и они не ждут нашего появления. «Дормис» будет флагманским кораблем эскадры из пятидесяти кораблей. Мы встретимся с остальными вот здесь... — Он ткнул в звездную карту. — Это звезда Боллина.

РИГАН, БУДУЧИ офицером управления огнем, убедился, что все тяжелые орудия готовы к бою, сел и стал ждать. Он весь горел от нетерпения.

Дело было не в предстоящем бое. В данную секунду это мало что значило. Пятьдесят кораблей против пяти – от таких сражений кровь в жилах не стынет, если находишься на борту одного из пятидесяти.

Нет, Риган стал нетерпеливым, так как чувствовал, что теряет время.

Прошел целый год, а к цели он, казалось, не приблизился ни на шаг. Что ему показалось довольно странным, поскольку он пробыл на Веге VI пятнадцать лет, обучаясь всему необходимому. Он мельком подумал о старом Йорге, с помощью которого ему удалось сбежать от Гвилла. Его семью – мать, отца и старшую сестру – убили, но Йорг сумел выбраться с Джиллана и долететь до Главной Галактики с десятилетним мальчишкой.

– Я любил твоего отца, – однажды сказал Йорг. – Из всей знати Империи, только у него хватило ума и сострадания понять, что вечные войны Сотни Королей, эти глупые демонстрации силы не имеют никакого смысла. Дворяне видели лишь то, что происходило рядом с ними. Они могли убивать или оглушать взглядом, но использовать Силу как-то иначе им в голову не приходило. Но ты, Дэйн, будешь отличаться от них. Я изучил этот вопрос. Сила способна не только убивать простолюдинов. В этом я уверен. И нам с тобой предстоит узнать, что еще она может.

В некоторой степени, им это удалось. Пока старый Йорг вел опасную жизнь на Веге VI, работая атомным техником, стараясь тратить как можно меньше и копить как можно больше, они с Риганом постоянно занимались.

Йорг познакомил мальчишку с традициями и обычаями Джиллана и всей Империи, а также обучил фехтованию. Кроме того, пожилой слуга позаботился о том, чтобы Риган впитал лучшее из основного направления галактической культуры.

Йорг внушил Ригану идею мести – терпеливой, неизбежной мести узурпатору Гвиллу. Придет время, уверял его Йорг, когда ты сможешь вернуть себе трон, по праву принадлежащий тебе... трон Джиллана.

– Я сделал все, что мог, мальчик, – сказал старик перед смертью.
– Не забывай, чему я тебя учил, и не забывай, что тебе еще многое предстоит узнать.

Риган скучал по Йоргу. Прошло уже больше года, и он все время сдерживал свои порывы, ожидая подходящего момента, чтобы выпустить Силу на свободу. Время еще не пришло.

ЭСКАДРА ИЗ пятидесяти кораблей выстроилась в космосе так, чтобы радар приближающегося шаттла их не заметил. Сделать это

было легко, потому что в сердце шаровидного скопления звезды отстояли друг от друга в среднем на световой год. Излучение десяти тысяч звезд сбивало детекторы с толку так, что засечь неприятеля они могли только на очень близком расстоянии.

Лишь один корабль расположился по соседству с предполагаемым путем шаттла, спрятавшись в свирепом блеске звезды Боллина. И, как только шаттл с сопровождением показался на экранах, этот корабль дал сигнал остальным.

Пятьдесят джилланских кораблей окружили шаттл со всех сторон, не давая ему ни малейшей возможности скрыться целым и невредимым. Четыре ринетянских крейсера открыли огонь, но они безнадежно проигрывали соперникам по всем параметрам. Дэйн Риган зевнул у себя в куполе, даже не пытаясь скрыть скуку.

Именно залп «Дормиса» превратил шаттл в огненное облако светящегося газа. Шаттл был предназначен для быстрого передвижения, а не для сражения, поэтому его слабые энергетические щиты не выдержали огня тяжелых орудий флагмана Гвилла. Вражеские крейсеры прожали еще какое-то время. Их щиты не сдавались, хотя было очевидно, что итог предрешен.

И тут случилось неожиданное. Словно из ниоткуда появился флот ринетянских линкоров, заполонивших собой весь космос!

Что-то прорычав, Риган принялся быстро нажимать кнопки на пульте управления пушками. Эскадра Джиллана попала в ловушку!

Очень ловко, *Арвин с планеты Ринет*, подумал Риган. Он с горечью понял, что случилось. Разведку Джиллана обманули, путешествие Короля в столицу Империи было приманкой для эскадры, которую Гвилл едва ли мог позволить себе потерять.

Корабли Арвина быстро приближались, их мощные орудия наполнили пространство сверкающими гало смертоносной энергии. Пятьдесят легких крейсеров – против двух сотен тяжелых линкоров! К тому же крейсеры оказались в окружении.

В коридорах «Дормиса» завыли сирены. По внутренней связи начали расходиться сообщения. Корабль внезапно ожила, рутинное задание превратилось в отчаянную борьбу за выживание.

Риган услышал в динамике голос благородного командующего Лартина, обращающегося к Мондерре на общей частоте.

– Щиты пока держатся, – сказал Лартин.

– Но приборы показывают, что они опасно близки к перегрузке, – заметил Мондерре. – Может, нам отступить?

– Нет, – отрезал Лартин. – Усильте оборонительный огонь и молитесь, чтобы щиты выдержали.

Затем, внезапно, произошел мощный взрыв, сотрясший весь корабль. Ригана вдавило в паутину ремней безопасности и секунду качало в кресле. Внутренняя связь начала заикаться, из динамиков послышался равномерный шум.

— Капитан Риган! — раздался через секунду чей-то голос. — Капитан Риган! Вы живы?

— Я жив, — полуబессознательно ответил Риган.

— Это сержант Гилмер, сэр. На мостице только что взорвался генератор щита!

Риган тут же пришел в себя.

— Сколько человек пострадало?

— Вы единственный офицер на борту, кто еще в сознании, сэр, — ответил Гилмер.

— Понятно. Доложите всем космонавтам, что я беру командование на себя! — рявкнул Риган.

ЗАТЕМ ОН ПЕРЕКЛЮЧИЛСЯ на частоту эскадры.

— Говорят «Дормис»! Надо выбираться отсюда, поэтому в точности выполняйте мои приказы.

Ринетянские линкоры образовали сферу, стреляя в пятьдесят крейсеров, находящихся внутри. Но вместо того, чтобы стрелять в ответ, джилланские крейсеры сделали очень хитрый ход. Они подлетели друг к другу и выстроились плотным конусом. Корабли в основании конуса расположились так тесно, что их защитные экраны, на которые были переданы все доступные мегаватты энергии, перекрыли друг друга.

Они не стреляли, это было бы пустой тратой мощности.

— Держите всю мощность на щитах и следите за перегрузкой! — приказал Риган.

Корабли, образующие острие конуса нацелились на приближающуюся стену ринетянских линкоров и начали стрелять, обрушивая миллиарды киловатт энергии одним потоком. Блеск этого луча пронзил темноту космоса, словно гигантский межзвездный маяк, освещавший какую-нибудь отдаленную область галактики.

Затем конус кораблей полетел вперед плотным строем.

Под защитой перекрывающихся щитов кораблей в основании конуса и стреляя в одну точку, флот пробился через сужающуюся сферу вражеских линкоров. Ни один корабль не мог выдержать синхронного огня тридцати легких крейсеров. Прежде чем ринетяне поняли, что случилось, конус уничтожил четыре линкора. Вырвавшись из окружения, строй помчался со всей возможной скоростью.

Крейсера без проблем отрывались от тяжелых линкоров — но ринетяне были так изумлены легкостью, с которой якобы попавшая в ловушку эскадра вырвалась на свободу, что вражеский командир отдал приказ преследовать неприятеля. Он сделал это в гневе, что стало большой ошибкой.

Риган построил пятьдесят кораблей кольцом, похожим на гигантский пончик, и приказал снизить ход. Линкоры, набрав скорость, не смогли остановиться достаточно быстро.

Шесть из них прошли через это кольцо – прямо через его середину. Пятьдесят крейсеров дали шесть залпов. Вместе с тем, как исчезал очередной линкор, шесть раз образовалось облако раскаленного раза, и разлетались расплавленные обломки металла. Растерянные ринетяне летали кругами, пытаясь взять верх над флотом Джиллана.

– Внимание! – приказал Риган. – Они наступают! Покинуть строй и рассеяться! Рассеяться!

Приказ мгновенно дошел до джилланского флота. Через пару минут медленные линкоры остались далеко позади. Битва у звезды Боллина закончилась.

Потери стоили Ринету десять линкоров, два крейсера и один шаттл, а также гордости.

У Джиллана потерять не было.

ГЛАВА III

НЕДЕЛЮ СПУСТЯ, Дэйн Риган – уже лейтенант-полковник – был на балу, устроенном в честь героя битвы у звезды Боллина.

Огромный зал в Верховном Дворце Пеллина представлял собой куполообразное помещение с толстыми сводчатыми стенами, сходящимися высоко над головой, и усеянными созвездием люстр. Где-то в дальнем углу оркестр играл тихую мелодию, а в воздухе витал приятный гул голосов. Бал стал однозначным успехом.

Риган был очень доволен. Поздравительные речи закончились, ему дали новое звание. Герой Джиллана красовался в парадной форме. Ригана восхваляли, в честь него аплодировали и поднимали тосты. А теперь он плавными, изящными движениями кружил в танце вместе с леди Рэйлин с планеты Джиллан.

Она была самой красивой девушкой из всех, кого ему довелось увидеть. На ее блестящих золотисто-лиловых волосах сверкала металлическая пыль, ее обнаженные плечи были загорелыми и соблазнительными. Внимательно следя за движениями своих специальных ботинок так, чтобы попадать в ритм колебаний многослойного парагравитационного поля, Риган приятно улыбнулся леди Рэйлин и попытался забыть о том, что она приемная дочь Гвилла с планеты Джиллан.

– Вы исключительно умны, полковник. Как вам вообще пришло в голову провернуть такой трюк?

– Я где-то читал про что-то похожее, – неясно ответил он. – На самом деле, тут нет ничего особенного. Я не сомневаюсь, что, если бы меня не оказалось на корабле, кто-нибудь другой сделал бы то же самое. Мне просто повезло.

Риган, разумеется, знал, что это не так. Беда тактики ведения боя в космосе заключалась в том, что флот Скопления действовал слишком индивидуально. Отдельные группы хорошо координировались

друг с другом, но работали, как команда любителей в каком-либо виде спорта, а не как единое целое. Корабли в эскадре имели привычку стрелять во врага по собственному усмотрению, казалось, не понимая, что два снаряда, попадающие в щит с секундным интервалом, не способны принести того же урона, что два снаряда, ударившие в цель одновременно. Щит совершенно не похож на кирпичную стену, атака прекращается, и он снова такой же крепкий, как и до нее. Если, конечно, может выдержать отдельные залпы. Сфокусированный огонь легко пробивает щит... и уничтожает сам корабль.

Тактика Ригана сработала, потому что он приказал кораблям действовать совместно, пока не пришло время рассеяться.

— Вы наговариваете на себя, полковник, — улыбнулась девушка. — Ложная скромность вам не к лицу. Будете дальше вести себя так, и я больше не дам вам медаль.

— Это не ложная скромность, леди, — мрачно сказал Риган. — Скорее уж, это трусость.

— Трусость?

— Именно так. Я был жутко напуган и сделал то единственное, что, как мне показалось, могло вытащить нас оттуда в целости и сохранности.

Девушка звонко засмеялась

— Значит, у нас в армии не хватает трусов.

Музыка перешла на крещендо, что говорило о приближении заключительных нот, и Риган начал опускаться на пол. Находиться в воздухе после окончания танца считалось плохим тоном.

Когда Риган с леди Рэйлин ступили на пол, к ним подошел благородный командующий Лартин с приятной улыбкой, неподходящей к его суровому лицу.

— Леди Рэйлин, — с необычной нежностью сказал он. — И полковник Риган. Вы составите мне компанию?

Леди Рэйлин кивнула.

— С радостью, лорд командующий, — ответил Риган.

Они подошли к барной стойке и заказали напитки.

— Полковник говорит, что его героизм, — это чистая удача и трусость, — сказала Рэйлин. — А вы как считаете, лорд командующий?

Офицер улыбнулся и покачал головой. Риган заметил, что в космосе Лартин выглядел вдесятеро более угрожающим, — холодность, по-видимому, была напускной.

— Удача и трусость? — переспросил Лартин. — Нет, ничего подобного. Я бы никогда до такого не додумался, хотя прослужил на флоте двадцать три года.

— Неужели вам нисколечко не завидно? — спросила Рэйлин.

Лицо командующего помрачнело.

— Вы заблуждаетесь, моя леди. Сообразительность полковника Ригана спасла жизнь мне и всем людям на борту наших кораблей. Завидно? Нет, я испытываю гордость.

Ну и хорошо, подумал Риган. Вот ответ настоящего дворянина.

— Я просто пошутила, лорд командующий.

— Я догадался, моя леди, — нежно ответил Лартин. — Простите, что я воспринял это слишком близко к сердцу.

Девушка улыбнулась, и неприятный эпизод закончился.

Вообще-то, подумал Риган, Лартина необязательно было вести себя так подобострастно, потому что в некотором смысле он пре-восходил Рэйлин по положению в обществе. Женщина, кем бы она ни была, получала титул «леди» только благодаря терпимости своего окружения. Ни одна женщина не обладала Силой. Прием-ный отец Рэйлин являлся Королем, но, когда Гвилл с Джиллана умрет, она станет простолюдинкой, — возможно, богатой, но все же простолюдинкой.

Разумеется, еще до того, как это случится, она, скорее всего, выйдет замуж за какого-нибудь дворянина. Она родилась в знатной семье, а дворянскую кровь было нежелательно разбавлять кровью простолюдина.

— Как поживает Его Превосходительство, ваш отец? — спросил командующий.

— Как обычно, весьма хорошо, — ответила леди Рэйлин, — и, как обычно, он чем-то недоволен.

— Не хочу показаться грубым, — вежливо начал Риган, — но, как вы знаете, я родился в Главной Галактике и...

— Это вряд ли заметно, — улыбнувшись, перебила его Рэйлин.

Риган дотронулся до своего лба.

— Спасибо, леди. Я собирался сказать, что, хотя такой прием мне очень льстит, я так и не получил удовольствия встретиться с Его Превосходительством.

Он заметил, как Рэйлин слегка вздрогнула — именно этого он и ожидал. Риган с трудом подавил улыбку.

— Его Верховное Превосходительство очень редко выходит в свет, — ответила леди Рэйлин.

Она собиралась сказать что-то еще, как вдруг раздался громкий голос.

— Это нелепо! Молодой высокочка, да еще из Главной Галактики, удостоился звания полковника. Повышение? Да за что? Любой дурак сделал бы тоже самое!

Риган притворился, что ничего не услышал, у него не было желания впутываться в дуэль на этом этапе плана. Затем он заметил, что леди Рэйлин и благородный командующий Лартин смотрят на него. Они слышали оскорблениe и знали, что Риган тоже все слы-

шал. Иного выхода не оставалось, если он сейчас отступит, то все, чего ему удалось добиться, будет потеряно.

РИГАН СПОКОЙНО повернулся в направлении голоса. Там было три офицера. Один стоял к Ригану спиной, двое пытались заставить его замолчать.

– В чем дело? Я же не кричу. Да и Ригана тут нет!..

Офицер внезапно замолчал, развернулся и уставился на Ригана. Он ничего не сказал, но мышцы его челюсти напряглись.

– Вы случайно не про меня, полковник? – спокойно спросил Риган.

Это был полный полковник без всяких добавлений вроде лейтенанта... но в данной ситуации это не имело значения.

Ригана обрадовало мгновенное замешательство полковника. Офицер, очевидно, попал в ту же ловушку. Он не хотел, чтобы Риган услышал его личное мнение, но было уже поздно что-либо отрицать.

– Я сказал, – ровным голосом ответил полковник, – что не считаю ваше повышение оправданным. Я не питаю к вам личной неприязни, а забочусь только о благе флота...

Хорошая уловка, с одобрением подумал Риган. Полковник не отступил, а просто попытался перевести дуэль в другую плоскость. Он будет защищать не свою честь, а честь армии.

Риган решил ответить похожим образом.

– Я не хочу ничего утверждать, полковник, но мне кажется, вы подразумеваете, что Его Верховное Превосходительство допустил ошибку, повысив меня.

Полковник побелел. Он попал в ловушку и понял это, но идти на попятную на этом этапе уже не мог.

– Если я не ошибаюсь, это переросло в личные разногласия, сэр.

– Совершенно верно, сэр, – ответил Риган.

Полковник взглянул на стоящего рядом офицера.

– Вы сделаете мне одолжение, майор?

Риган улыбнулся и повернулся к командующему.

– Лорд командующий, вы станете моим секундантом?

Он знал, что командующий обязан согласиться на такую просьбу дворянина. Ни один дуэлянт не мог взять в секунданты дворянина, если только его противник не сделал тоже самое, в противном случае, дворянин мог в удачный момент сразить противника своего дуэлянта, и смертоносный взгляд заменил бы быстрый удар меча.

Командующий Лартин подошел к майору.

– Он хороший человек, – прошептал Лартин. – Вы можете ему доверять.

Дуэлянты и секунданты прошли через внезапно погрузившийся в тишину бальный зал и оказались на прилегающем балконе. Ночной воздух был прохладным и осозаемым, а яркий блеск Скопления над головой создавал хорошее освещение.

Дуэлянты осмотрели балкон и ввели кое-какие импровизированные правила, затем обнажили шпаги. Увидев сверкание клинка противника, Риган понял, что тот любил и умел фехтовать.

Полковник тут же принял наступательную позицию, но Риган спокойно отразил выпад и сам ударил снизу, звучно разрезав воздух шпагой. Потом продолжил атаку, но цель осталась невредимой. Полковник, несомненно, отлично умел сражаться на шпагах.

Но насколько он был хорош? Ригана охватил азарт боя. Он топнул ногой и одновременно сделал выпад.

Шпага пробила защиту полковника и оставила на его шее длинную неровную полосу.

— Первая кровь, — крикнул Риган.

Царапина, казалось, придала полковнику сил. Он начал давить и сумел ткнуть Ригана в плечо. На яркой форме выступила кровь.

— Получи, выскочка!

Риган улыбнулся.

— Вы сравняли счет, — заметил он.

Лейтенант-полковник делал ложные выпады, уворачивался, и шпага его мелькала с быстротой молнии так, что противник едва успевал отражать удары. *Он силен*, подумал Риган и встряхнул головой, чтобы пот не заливал глаза.

Затем стиснул рукоятку шпаги и снова ринулся в атаку. Когда Риган нацелился полковнику в сердце, тот парировал удар и ловко отошел в сторону. Затем полковник контратаковал, но Риган успел отскочить назад.

Потом, парировав еще один удар, Риган внезапно понял кое-что. Это было подобно удару молний, попавшему в толстый щит, боли он не почувствовал, но осознал, что сейчас случилось. Кто-то — какой-то дворянин — пытался его убить!

Риган на мгновение отвлекся от боя, затем сделал очередной выпад.

Он не рассчитывал, что этот ход будет успешным, — полковник казался слишком опытным противником, чтобы попасться на такой простой трюк. Но Риган ошибся!

Острие вошло в тело так легко, что Риган почти не ощутил сопротивления. Перед смертью полковник успел лишь изумленно взглянуть на шпагу противника.

Риган секунду смотрел на мертвеца. Затем развернулся и зашагал прочь, оставив секундантов разбираться с остальным. Он вернулся в бальный зал, но танцевать больше не хотелось. Полковник стал первым человеком, которого Риган убил лично. Одно дело взорвать вражеский корабль, а другое — пронзить человека шпагой.

СИДЯ НОЧЬЮ в офицерских казармах, Риган бешено размышлял. Всеказалось каким-то неправильным. Он надеялся, что церемо-

ния награждения позволит ему лицом к лицу встретиться с Гвиллом с планеты Джиллан. Этого не случилось, горбун остался у себя в покоях, послав приемную дочь заниматься проведением мероприятия. И тут...

В дверь кто-то постучал.

— Входите, — сказал Риган.

Риган встал с кресла, когда перед ним появился командующий Лартин.

— Садитесь, полковник, — сказал дворянин.

На нем все еще была парадная форма, а вытянутое лицо выглядело бледным и уставшим.

Лартин махнул рукой, и Риган сел. Командующий опустился в пневмо-кресло напротив.

— Ты прекрасно владеешь шпагой, мой мальчик.

— Спасибо, лорд командующий.

Ригану стало интересно, не командующий ли швырнул в него задом психической энергии во время дуэли. После битвы у звезды Боллина он вел себя очень дружелюбно, но все-таки...

Дворянин развел руки и сложил кончики пальцев вместе, словно, чтобы выразиться, как можно точнее.

— Ты прибыл с Веги, — наконец, сказал он. — Насколько я знаю, эта звезда находится где-то в Главной Галактике.

Риган кивнул.

— Так вот, хочу сразу сказать, что я ничего не имею против тебя... даже наоборот, я тебе очень симпатизирую. Но кое-какие офицеры на флоте тебе завидуют... ну, ты сам убедился сегодня вечером.

— Неужели, это зависть, сэр?

— Лейтенанты очень редко так быстро поднимаются по служебной лестнице... Впрочем, ты не первый, — сказал Лартин, затем на секунду замолчал, снова подбирая слова. — Буду с тобой откровенен, полковник, тебе осталось жить совсем недолго. Сегодняшняя дуэль была подстроена, полковник Мартин считался одним из лучших фехтовальщиков в королевстве. Он нарочно оскорбил тебя, хотя проделал все очень тонко. Никто не ожидал, что ты победишь. Но тебе все-таки удалось его одолеть. Скоро кто-нибудь снова попробует убить тебя.

— Понятно, — сказал Риган.

— Но в следующий раз все будет по-другому. Некоторые дворяне тоже завидуют тебе и... ну...

— Продолжайте, сэр.

— С этого момента ты будешь ходить, словно по лезвию ножа. Если у какого-нибудь дворянина появится хоть малейший повод, он применит Силу. Большинство из нас не способно убивать, но постоянное давление на разум, в конце, концов, тоже приводит к смерти.

Риган медленно поднялся, ощупывая только что полученную «Звезду Джиллана», висящую на шее.

— Большое спасибо, сэр.

Лартин грустно улыбнулся.

— Я еще не сказал о самом плохом. Возможно, тебя вызовет на дуэль какой-нибудь простолюдин, а дворянин применит Силу за мгновение до удара. Такое уже случалось, как ни печально об этом говорить.

Внезапно Риган понял, что у него нет выхода. Если он останется, то со временем выяснится, что он тоже дворянин. Кто-то уже пытался убить его Силой и не сумел. Злоумышленник мог списать это на случайность — в первый раз. Но если Дэйн Риган выдержит многочисленные атаки, то быстро станет очевидно, что он не простолюдин, за которого себя выдает.

И когда это случится, о шлаге и Силе все забудут. Кто-нибудь подстережет Ригана с пистолетом.

Нахмутившись, он стоял и смотрел на терпеливое, серьезное лицо лорда командующего Лартина. Риган понял, что следуя плану Йорга, он уже где-то сбился с пути.

«Будь осторожен, — учил его старик. — Не делай глупостей. Скрывай свои возможности и притворяйся обычным человеком. Продвигайся вперед медленно, не теряй цель из вида. И затем, когда настанет нужный момент, нанеси точный удар!»

Но это не сработало. Все вышло совсем по-другому. Выжидая цепкий год, Риган лишь отдалился от цели. Быть героем, хотя бы и честным, оказалось плохим вариантом. Он создал себе слишком много врагов.

В размышлениях Йорга крылась еще одна ошибка. Старик научил его ненавидеть горбатого Гвилла с планеты Джиллан, потому что Гвилл убил его отца и лишил права на трон. Но насколько был виноват Джилл на самом деле? Разве он просто делал не то же, что и остальные... только лучше других?

Риган встал. Он принял решение.

— Спасибо, лорд командующий. Я обдумаю ваши слова.

Командующий встал с кресла.

— Очень надеюсь на это, полковник. Мне бы не хотелось увидеть гибель хорошего человека.

Он вежливо кивнул и молча вышел.

ОСТАВШИСЬ НАЕДИНЕ со своими размышлениями, Риган надел чистую парадную форму, накинул на шею «Звезду Джиллана» и пошел в офицерский клуб.

Когда он появился там, ярко одетые джилланиане начали перешептываться. Они уже знали, чем закончилась дуэль, омрачившая

вечерний бал, и многие, несомненно, испытывали сильную неприязнь к убийце полковника Мартина.

Риган подошел к столу, за которым сидели три смуглых офицера и о чём-то тихо беседовали.

— Вы не против, если я к вам присоединюсь? — спросил он.

Сидящий слева широкоплечий капитан холодно взглянул на Ригана.

— Если хотите.

Риган отодвинул стул и сел. Троица переглянулась, но не сказала ничего, что могло бы привести к вызову на дуэль. Риган окликнул проходящего мимо официанта и заказал себе выпить.

Через несколько секунд принесли выпивку. Он поглядел на покрытый влагой цилиндр цвета янтаря, затем поднес его к губам. Набрав в рот виски, Риган проглотил лишь несколько капель, — *пока рано притуплять рефлексы*, подумал он — и с шумом выплюнул жидкость.

— Фуууу! Что это за моча!

Жидкость попала на дорогую форму капитана, сидящего напротив. Он секунду просидел в ступоре, глядя на испорченный наряд, а Риган тем временем встал и схватил официанта за руку.

— Эй, ты что мне подмешал?

— Ничего, я принес вам лучшее виски, что у нас есть, сэр. Виски с водой-долгъч, разве вы не это заказывали?

Риган продолжал спорить еще несколько секунд, затем оттолкнул официанта и повернулся к столику.

— Вот какую гадость нам подают в последнее время, — небрежно заметил он.

И затем, словно только что, он заметил, что лицо офицера, сидевшего напротив, побагровело.

— О, какое несчастье, — сказал Риган. — Кажется, вы пролили свой напиток.

— Не совсем так, — ледяным голосом сказал капитан и встал. — Я вынужден считать ваши действия преднамеренным оскорблением, поскольку вы даже не попытались извиниться.

— Вы вызываете меня на дуэль? — насторожившись спросил Риган.

— А на что это похоже? — спросил капитан.

Риган уже второй раз за вечер оказался на дуэли, — в этот раз намеренно спровоцировав конфликт. Он позволил дуэли продлиться на десять обменов выпадами, и к этому времени выяснил, что капитан просто опытный фехтовальщик, которого он мог прикончить в любое удобное время. Впрочем, Риган не спешил с этим.

Он быстро взял под контроль разум капитана и двух секундантов.
Видишь, приятель? Твоя шпага торчит у меня из глотки.

Троица вернулась в клуб, совершенно уверенная в том, что капитан убил лейтенанта-полковника Дэйна Ригана. Новость о том, что подающий большие надежды молодой офицер трагически погиб на дуэли, разошлась очень быстро — но на Джиллане мало, кто его оплакивал. Дэйн Риган, за свою недолгую службу в армии Джилланы, не успел стать особо популярным, а его внезапная кончина позволила многим, — как дворянам, так и простолюдинам — облегченно вздохнуть.

Позже тем же вечером незапланированным рейсом планету покинул корабль, на борту которого был тот, кто когда-то считался Дэйном Риганом.

ГЛАВА IV

В ТОТ ЖЕ день, когда умер престарелый император, в космопорте города Преллин на планете Джиллан сел какой-то корабль.

Из него вышел человек в блестательном одеянии. Его наряд сверкал драгоценными камнями и лучшими тканями. Лицо было надменным и совсем не походило на лицо Дэйна Ригана, погибшего на дуэли пару лет назад. Но личность осталась той же самой.

Этого джентльмена звали принцем Данирром из Локсанна. Офицер, сидящий за стойкой в космопорте, засомневался в правдивости этого титула.

— Принц? Это имя или титул?

— Титул, — холодно ответил Риган

— И что это значит?

— Значит, что я следующий после короля, — презрительно взглянув на офицера, терпеливо объяснил Риган.

— Понятно, сэр, — поморгал тот. — У вас в карточке написано, что вы из Локсанна. Э-э... а что такое Локсанн?

Риган высокомерно поднял бровь.

— Боже правый! Вы что, до сих пор живете в каменном веке? Локсанн, мой дорогой, это шаровидное скопление в противоположном конце галактики.

Разумеется, это была полнейшая ложь — но ложь, хорошо продуманная.

— Понятно, — ответил офицер. — Значит... значит, вы следующий после Короля Локсанна?

— Нет, — надменно поправил Риган. — Я правлю Локсанном и являюсь следующим после Короля Двенадцати Скоплений.

Чиновнику это показалось пространством поистине чудовищных размеров, но он ничего не сказал. Документы принца были в порядке. Иначе и быть не могло. Риган кропотливо трудился много часов, чтобы подделать их.

Выходя из космопорта, он направился во дворец Гвилла. В этот раз никаких обходных путей, никаких посторонних глупостей. Он решил идти прямо к цели.

Как Риган и надеялся, репутация опередила его. Электронные ворота дворца открылись, и к нему навстречу вышел какой-то дворянин.

— Принц Данирр? Мы очень рады приветствовать вас на Джиллане. Пойдемте со мной.

Дворянин провел Ригана в большой номер, затем предложил расположиться в комнате без окон, но, тем не менее, хорошо освещенной. Тут стояло несколько кресел и мягкий, удобный диван. Риган вошел внутрь, отлично зная, что произойдет дальше.

Он не ошибся.

Дверь за ним закрылась, раздался тихий щелчок электрического замка. Не подав виду, Риган подошел к дивану и сел. На кофейном столике лежал какой-то журнал, он взял его и начал лениво листать, не особо обращая внимание на содержимое страниц.

Одновременно с этим, он внимательно «прислушивался» мысленно.

Уже довольно скоро Риган узнал, что прежде такого не случалось за всю долгую историю Имперского Скопления. За почти что тысячу

лет ни один заграничный сановник не посещал Скопление – так почему же это произошло именно сейчас? Знать Джиллана была, по меньшей мере, встревожена. Десять веков они жили спокойно – а теперь к ним прилетел представитель даже не Главной Линзы, а противоположного конца галактики! Он прибыл с планеты, находящейся, как минимум, в пятидесяти тысячах световых лет! Чувствительный разум Ригана уловил сильную тревогу.

Гвилл с планеты Джиллана смотрел на него через систему видеонаблюдения. Риган сразу засек это.

– Он кажется безобидным, но... – Старый король сложил руки замком.

Горбун жутко напуган, подумал Риган.

Старый Гвилл не заслуживал короны и знал это. Именно потому он ко всему относился с подозрением. Новый правитель все еще не мог забыть юного гостя с Веги, погибшего два с чем-то года назад. Подающий надежды лейтенант-полковник остался жив после попадания заряда психической энергии, однако умер той же ночью на рядовой дуэли, сражаясь с посредственным фехтовальщиком.

Это загадку Гвилл не разгадал до сих пор... а тут появилась еще одна.

Пока Гвилл обдумывал ситуацию, Риган терпеливо ждал. Наконец, Гвилл принял решение и повернулся к дворянину, стоящему рядом.

– Скажите ему, что я болен, – повелел он. – Голосование пройдет через пару дней, я поговорю с ним, когда стану Императором.

Риган в открытую улыбнулся, но те, кто следили за ним, подумали, что он увидел что-то смешное в журнале.

ПРИНЦ ДАНИРР из Локсанна с развеивающейся накидкой из алого шелка широким шагом вошел в Имперскую Гостиницу Пеллина. Его чрезмерно яркая одежда всюду делала его заметным, а поведение удваивало эффект. У принца не было телохранителей, он везде ходил один, словно владел всем городом.

Риган подошел к служащему за стойкой.

– Принц Данирр из Локсанна. Мне нужен самый большой номер в гостинице.

Служащий поморгал, гость явно впечатлил его.

– Прошу прощения, сэр, – поколебавшись, ответил он. – Королевский люкс уже забронирован, но у нас есть...

– Отмените бронь, – ответил Риган и положил перед служащим блестящую стопку монет достоинством в сто стеллоров. – Я зайду этот номер.

Служащий не посмел отказать принцу.

На время недолгого, но яркого второго визита на Джиллан, королевский люкс послужил Ригану штаб-квартирой.

Номер представлял собой странный набор комнат с высокими потолками, тонкими шторами и коврами тридцатисантиметровой толщины. Цена аренды была астрономической, но это не имело значения. Если Риган добьется желаемого, пара тысяч стеллоров погоды не сделают, а если нет... то ему будет уже все равно.

Он разложил вещи, заказал роскошный обед, затем включил визископ, чтобы узнать новости. Экран засветился.

— Какие будут вопросы, достопочтенный сэр? — раздался механический голос.

Риган подался вперед и сердито посмотрел в безликий глаз экрана.

— Выборы Императора — когда они начинаются?

— Сотня Королей собирается через пять дней, сэр, — бесстрастно ответил робот.

— У кого наибольшие шансы на победу?

— Наш Король Гвилл считается главным претендентом на титул, сэр.

— Понятно, — сказал Риган и на пару секунд задумался. — Через сколько дней после выборов проводится коронация? — наконец, спросил он.

— Через три дня, достопочтенный сэр.

Значит, у меня восемь дней, подумал Риган. *Восемь дней.*

— И еще кое-что, — сказал он. — Где сейчас леди Рэйлин с Джиллана?

Робот секунду помолчал, сканируя файлы.

— В данный момент леди Рэйлин находится в городе Норисел. Она собирается пробыть там до следующей недели.

— Спасибо, — сказал Риган и выключил аппарат.

Получается, Рэйлин в Нориселе. Норисел также назывался «Городом удовольствий», потому что являлся игровой площадкой для самых богатых и могущественных дворян. Через пять дней Гвилл с Джиллана станет Императором Тысячи Звезд. А еще через три дня его коронуют... коронуют на публичной церемонии.

Принцу Данирру из Локсанна нужно было как-то занять себя больше, чем на неделю. Он пообещал себе повеселиться на славу. Наконец, онступил на правильный путь. Йорг призывал его к максимальной осторожности и постепенному продвижению к цели. Выяснилось, что этот метод не подходит. Смелость и дерзость станут его лучшими наставницами.

«ГОРОД УДОВОЛЬСТВИЙ» растянулся на многие километры от гигантского бассейна в центре, где купались богачи. Принц Данирр пробирался через толпу знати к краю бассейна. На нем было светящееся трико и яркий пояс, наверняка делающие его заметной фигурой.

— С дороги, — небрежно бросал принц, продираясь к вышке для прыжков в воду.

Она была антигравитационной и отлично сбалансированной, поэтому, спрыгнув с нее, Риган пролетел метров пятнадцать.

Он сложился вдвое, грациозно вошел в прохладную воду и погрузился метров на пять, затем поплыл наверх и вынырнул в паре метров от прекрасной девушки в открытом купальнике.

— Очень красивый прыжок, — улыбнувшись, сказала она.

— Спасибо, — ответил Риган.

Долгую секунду он смотрел девушке в глаза и понял, что она не узнала его.

Леди Рэйлин с Джиллана не имела понятия, что симпатичный молодой лорд, которого она похвалила за прыжок, это Дэйн Риган, два года назад получивший медаль из ее рук.

Он плавал вместе с ней в забитом людьми бассейне, пока она не устала и изящно выбралась из бассейна. Риган последовал за девушкой.

— Могу я сопроводить вас домой? — спросил он.

— Если хотите, — приятно улыбнувшись, ответила она. — Но позвольте узнать, с кем я имею честь беседовать?

— Принц Данирр из Локсанна, — ответил он. — А вас как зовут?

— Леди Рэйлин с Джиллана.

— Ого, — притворно удивился Риган. — Значит, вы дочь будущего императора скопления?

Девушка покраснела.

— Еще нет, принц Данирр. Выборы еще не состоялись, как вам, наверное, отлично известно!

— Но решение предопределено... Я уверен в этом так же, как в том, что вы самая прекрасная молодая леди, которую мне только доводилось встречать.

Леди Рэйлин снова покраснела — но на этот раз в ее глазах сверкнуло нечто, подсказавшее принцу, что она не осталась так уж недовольна смелым комплиментом.

ПЯТЬ ДНЕЙ пребывания принца в «городе удовольствий» запомнились многим. Рэйлин взяла с собой в Норисел несколько дворян и дворянок в качестве эскорта, но прибывший с другого края мира принц быстро стал ее фаворитом. Ярко одевающийся, красивый, безрассудный, сопровождаемый дочерью Короля, привлекающей дополнительное внимание, Риган успел побывать повсюду, попробовать все виды развлечений и деликатесов, а также поиграть со всеми гостями.

За игровыми столами он, не моргнув глазом, за двадцать минут проигрывал тысячу стеллоров, а затем, час спустя, не только компенсировал потери, но и оставался в приличном плюсе. На американских горках принц катался, не пристегиваясь ремнем безопасности, бросая вызов антигравитаторам, а также безжалостным спускам и

подъемам. О том, как он плавал, говорили по всему городу, а мастерство, с которым он побеждал вочных дуэлях на шпагах, считалось чем-то невероятным. Данирру из Локсанна удалось оставить свой след на Джиллане за пять дней, тогда как у лейтенант-полковника Ригана ушел целый год на то, чтобы стать таким же известным, уж не упоминая о том, к чему это привело.

На пятый день Рэйлин пришла попрощаться.

— Мне надо ехать в Корейл, — сказала она. — Во время выборов я должна быть с отцом.

Риган кивнул.

— Значит, увидимся после выборов, — сказал он.

— На коронации.

— Буду ждать с нетерпением.

Рэйлин развернулась и ушла. Риган посмотрел, как ее стройная фигура быстро подошла к ждущему турбовертолету, и вернулся к себе в гостиницу. Оставаться в «городе удовольствий» было больше незачем.

— Я выписываюсь, — сказал он служащему за столом. — Пойду сберу вещи и скоро вернусь.

— Хорошо, — ответил служащий.

Ригану показалось, что тот посмотрел на него несколько подозрительно, и попытался понять, в чем дело. Скоро он все выяснил.

Принц открыл дверь в номер и увидел трех человек. Он тут же понял, кто они такие.

Наемные убийцы. Люди Гвилла.

Принц Данирр из Локсанна стал слишком крупной фигурой — и, в канун избрания на трон Тысячи Звезд, Гвилл решил вышвырнуть слишком заметного чужеземца с Джилланы самым прямым способом.

— Вы так и будете стоять в проходе? — спросил один из убийц.

— Прошу прощения... кажется, я ошибся номером, — сказал Риган и захлопнул дверь.

Затем пробежал по коридору, свернул направо, домчался до небольшой ниши в стене и схватил блестящий цилиндр огнетушителя.

Убийцы ворвались в коридор.

— Сюда, — закричал Риган.

Они бросились за ним. Принц увидел блеск пистолета и двух шпаг.

— Я здесь, — выкрикнул он и перевернулся огнетушителем.

Из огнетушителя вырвался тяжелый, густой поток пластиковой пены, образовавший шар вокруг всех трех убийц. Риган скрылся в нише и стал смотреть, как они пытаются высвободиться.

Подождав, пока убийцы надежно застрянут, он обошел их, сунул руку в пену и схватил запястье, держащее энергетический пистолет. Запястье дернулось, и пистолет один раз кашлянул. Вылетевший заряд выломал кусок стены за ними. Потом Риган вывернул руку убийцы и отобрал пистолет.

Он взглянул на смертоносное и очень эффективное оружие, затем выбросил его в ближайшее окно. Человеку с его титулом не пришло пользоваться таким отсталым орудием убийства, как пистолет.

Убийцы все еще смешно трепыхались в пене огнетушителя. Риган снова сунул в пену руку, вытащил оттуда одну из шпаг и прорезал дыру в шаре. Затем быстро прошел через нее, с усмешкой взглянув на застрявших головорезов и, трижды взмахнув шпагой, ткнул каждого в ухо.

— Подарок от Данирра из Локсанна, — сказал принц.

Потом он снова воспользовался огнетушителем, чтобы убийцам было чем заняться весь следующий час, и вернулся к себе в номер собирать вещи. Надо было добраться до королевского люкса в Пеллине, пока не возникли другие неприятности.

НОЧЬЮ ИЗ Корейла пришла сводка новостей. Риган, не выходя из гостиницы, просмотрел ее и обрадовался.

ГВИЛЛ С ПЛАНЕТЫ ДЖИЛЛАНА ИЗБРАН ИМПЕРАТОРОМ СОТНИ КОРОЛЕЙ

КОРОНАЦИЯ ПРОЙДЕТ В ПЕЛЛИНЕ

ПРАВИТЕЛЬ ДЖИЛЛАНА ВЗОЙДЕТ НА ТРОН ТЫСЯЧ ЗВЕЗД

Риган читал заголовок снова и снова, не переставая улыбаться.

Церемония начнется, как только Гвилл и его свита вернется из Корейла — планета являлась домом предыдущего императора, поэтому, чтобы избрать преемника, Сотня Королей собралась именно там.

К этому времени принца Данирра из Локсана знали по всему Джиллану, как смелого и отважного чужеземца, способного практически на все. История приближалась к развязке, все силы были приведены в действие. Остался последний шаг.

Все случится в день коронации.

Он с нетерпением ждал, пока пройдут часы. Семьдесят два — шестьдесят — пятьдесят три — сорок. Часы превратились в дни. Город Пеллин преобразился, стал торжествующим, чрезмерно украшенным, ярким местом, где вот-то произойдет одно из главных событий в Скоплении. Новый Император избирался нечасто, и коронация являлась редким мероприятием.

Риган дождался нужного часа. Наконец-то, настал день коронации.

Принц пробирался через толпу, забившую все подходы к Верховному Дворцу. Народ Пеллина быстро привык к высокомерному чужеземцу.

Принц никому не уступал дорогу, и простолюдины не удивились, когда он оказался у переднего края переполненной площади.

Тут были тысячи — сотни тысяч — людей, занявших все улицы в радиусе нескольких километров. Усилители транслировали объявление о коронации по всему городу, а мощные передатчики рассылали соответствующие сообщения всем звездам скопления.

Риган взглянул на балкон Верховного Дворца. Там находилось много важных фигур: короли, главный судья Джиллана, а также другие знатные особы. Но сам Гвилл еще не появился.

Внезапно толпа радостно закричала. На балкон поднялась горбатая фигура Гвилла — Гвилла с планеты Джиллан, только что избранного Императора Сотни Королей и Тысячи Звезд. Риган свирепо улыбнулся.

Церемония вот-вот начнется.

— Долгой жизни Императору Гвиллу! — заголосила толпа. — Долгой жизни Императору Гвиллу!

Конечно, подумал Риган. *Долгой тебе жизни, Гвилл.*

Он ссутулил плечи и начал прятываться к входу во Дворец.

На балконе впечатляющего вида фигуры в накидках готовились к Церемонии Введения в Должность.

Гвилл стоял, казалось, согнувшись под тяжестью собственного горба и ждал. Рядом с ним был Онри с планеты Дармит, высокий человек с черной густой бородой. Онри — король одной из небольших звезд в Скоплении — должен был засвидетельствовать клятву Гвилла. Публичная церемония коронации являлась одной из самых древних традиций Скопления, и уже не одну тысячу лет ее проводили на Джиллане.

Гвилл вышел вперед. Онри не отставал.

— Сегодня, — звучно начал Онри, — нам предстоит короновать нового Императора.

— Долгой жизни Императору Гвиллу!

— Сегодня, — продолжал Онри, — Гвилл с планеты Джиллан займет место в долгой череде императоров Сотни Королей и Тысячи Звезд. Он получит славу, которая принадлежит ему по праву.

— Долгой жизни Императору Гвиллу!

— Силой возложенной сегодня на меня Советом Королей, я, Онри с планеты Дармит, предлагаю Гвиллу с планеты Джиллан произнести клятву. Но сначала нам предстоит провести обычай, сопутствующий коронации нового императора уже много тысячелетий, — Испытание Силы.

Толпа внезапно затихла. Испытание Силы являлось самой впечатляющей частью церемонии коронации. Эта традиция появилась еще на заре становления Скопления, она подтверждала, что Король обладает Силой.

Когда Онри подаст знак, из толпы выйдет простолюдин, выбранный из народа Джиллана, простолюдин, знающий, что его ждет смерть. Он оспорит право нового императора на трон — а Император должен будет убить претендента взглядом.

Но уже больше тысячи лет истинных добровольцев на роль жертвы не находилось. С тех пор ритуал перестал иметь смысл, потому что

теперь претендентом был просто несчастный простолюдин, заранее выбранный властями.

Онри шагнул вперед.

— Сегодня мы передаем Трон Тысячи Звезд Гвиллу с планеты Джиллан. Кто-нибудь осмелиться возразить?

Выбранный претендент, невысокий человек в серой одежде простолюдина, нехотя сделал шаг вперед, когда его грубо толкнули в спину. Он открыл было рот, чтобы оспорить право Гвилла на трон в соответствии с предписанным ритуалом.

Но в этот момент на балконе появился Дэйн Риган.

— Я возражаю! — звонко закричал он. — Я вызываю узурпатора Гвилла с планеты Джиллан на дуэль!

МНОГОТЫСЯЧНАЯ толпа тут же замолчала. Риган вышел вперед, чтобы встать лицом к лицу с Гвиллом, и выбранный претендент поспешил скрыться из виду, обрадовавшись неожиданной удаче.

Онри с Дармита сердито посмотрел на незваного гостя и, кажется, хотел приказать вышвырнуть его из Дворца, но промолчал. Очевидно, он посчитал, что вторжение Ригана, каким бы неожиданным оно ни было, прекрасно вписывается в рамки ритуала.

— Назови свое имя, претендент, — успокоившись, сказал Онри, — и предъяви обвинения.

Риган указал на съежившегося Гвилла.

— Имя? Некоторые знают меня, как Дэйна Ригана с Веги VI. Другие, как принца Данирра из Локсанна. — Он замолчал. — Но меня зовут, — сказал он, — Довенат. Довенат с планеты Джиллан — сын Довената, бывшего короля Джиллана.

Довенат сделал два шага и встал вплотную к Гвиллу. Где-то на заднем фоне он увидел, что на него смотрит побледневшая, перепуганная Рэйлин.

— Я обвиняю Гвилла в убийстве моего отца и неправомерном захвате трона, — сказал Риган.

— Серьезное обвинение, — ответил Онри. — У тебя есть доказательства?

— Доказательства? — указав на Гвилла, переспросил Довенат. — Пусть он сам докажет. Пусть сразит меня взглядом.

— Да, — кивнул Онри. — Так будет правильно. Претендент, встань вот сюда. Гвилл, продемонстрируй свою силу. Долгой жизни Императору Гвиллу.

— Долгой жизни Императору Гвиллу! — снова повторила толпа — но на этот раз значительнотише и неуверенное.

Гвилл побелел от страха. Риган, напротив, улыбался и выглядел уверенно. Горбун наморщился от усилий и послал в Ригана заряд психической энергии, но тот легко отразил атаку, хотя остальные ожидали его смерти.

— У него нет Силы, — заявил Риган. — Он не может быть императором. Довенат схватил избранного императора и пренебрежительно со рвал с его спины дорогую мантию. Под ней оказался сложный лабиринт транзисторов и электронных ламп.

— Вот ваш горбатый Король, — закричал Риган. — С усилителем за спиной, потому что его собственные силы уже давно не соответствуют императорскому титулу.

— Это ложь, — задушенным голосом возразил Гвилл.

— Так ты отрицаешь убийство Довената и то, что изгнал меня из Скопления? — проревел Риган. — Отрицаешь?

Снизу донесся сердитый ропот. Гвилл пошарил рукой под мантии и внезапно вытащил энергетический пистолет.

Пора, решил Риган. И он ударил Гвилла всей мощью своей психической энергии, легко пробив слабую защиту. Старик рухнул ниц. Довенат повернулся к Онри.

— Испытание не пройдено, — сказал он. — Стража, унести эту падаль!

Риган сделал властный жест, двое охранников, поколебавшись, вышли вперед и подняли тело Гвилла. Риган подошел к краю балкона.

В момент триумфа он подумал о Йорге и том, как обрадовался бы старик.

— Король мертв, — объявил Риган.

— Долгой жизни Довенату с Джиллана, — раздался крик изумленной толпы — сначала неуверенный, но потом громогласные вопли заставили содрогнуться и затрепетать воздух над площадью.

Риган повернулся к Онри.

— Созовите Королей, — повелел он. — Надо провести новые выборы — прямо здесь и сейчас, перед всем народом!

Леди Рэйлин встала рядом с ним. Риган улыбнулся ей и обвел взглядом бешено ликующую толпу.

— Долгой жизни Довенату с Джиллана! — снова завопил народ.

Он властно вытянул руку, словно желая вернуть себе вновь завоеванную империю.

*Battle for the thousand suns, (Science Fiction Adventures, 1956 № 12),
пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим*

3 Complete New Action Novels

SCIENCE FICTION ADVENTURES

December 35¢

PDC

THE STARCOMBERS

by
Edmond Hamilton

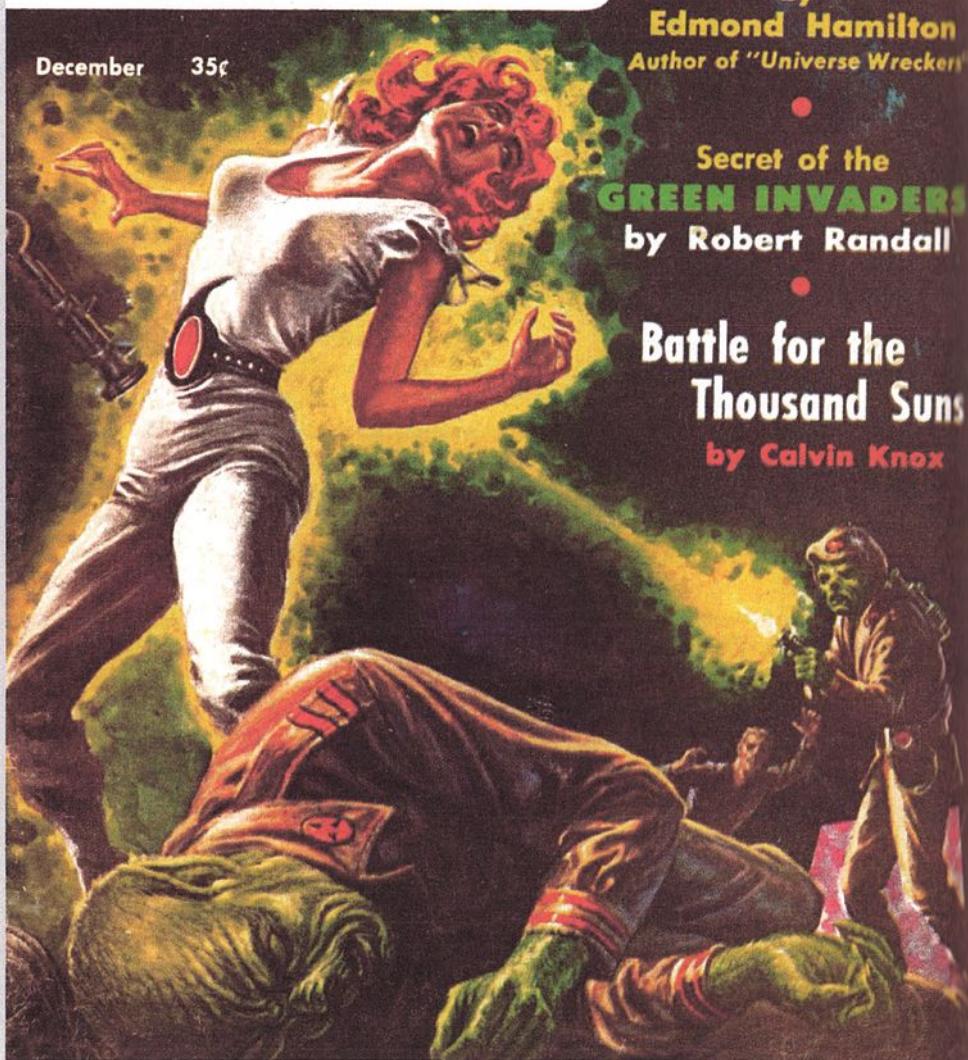
Author of "Universe Wrecker"

Secret of the
GREEN INVADERS

by Robert Randall

Battle for the
Thousand Suns

by Calvin Knox

ТАЙНА ЗЕЛЕНЫХ ЗАХВАТЧИКОВ

(В соавт. с Р. Гарретом под псевд. Роберт Рэндалл)

Глава первая

11 мая 3035

— ЭТА СИТУАЦИЯ кажется мне весьма забавной, — сказал Терраг Броз.

Управляющий Земли, не выражая никакой радости, несмотря на уверения, пристально посмотрел на главного помощника, сидящего напротив.

— Орвид Кемрон зашел слишком далеко. Приведи его сюда, — выпалил он.

— Сию минуту, — ответил помощник и встал, чтобы уйти.

— Им потребовалось слишком много времени, Горник, — заметил Управляющий и позволил себе криво ухмыльнуться.

— Только не говори мне, что ты, наконец, стал сентиментальным, — сказал Накомон Горник.

— Вряд ли. Тебе пора.

Терраг Броз указал на дверь, и помощник ушел. Броз смотрел, как Горник — словно зеленое меховое создание — идет по коридору, затем услышал низкий бас его голоса, отдающий приказ паре терранских солдат, ждущих в коридоре.

Мерный топот четырех ног в тяжелых ботинках подсказал Брозу, что солдаты отправились за Орвидеом Кемроном. Он знал, что лидера сопротивления скоро приведут в штаб-квартиру кумишей.

— Что случилось с теми, кого мы поймали? — спросил Терраг Броз, когда Горник вернулся в кабинет.

— Они все еще под арестом, — ответил Горник.

— А что насчет бомб?

— Все найдены и деактивированы.

— Надеюсь, что так, — мрачно ответил Броз. — Будет очень жаль, если это прекрасное здание взлетит на воздух после того, как земляне по доброте душевной построили его для нас.

Управляющий опустил глаза, переведя внимание на аккуратные стопки бумаги на столе. Он взял верхний лист из ближайшей стопки и бегло прочитал, что там написано.

— Жалоба из Ливерпуля, — сказал он и его фиолетовые губы раздвинулись в широкой улыбке. — Слишком много осадков, — посмеиваясь, сказал он. — Посмотрим, как они заговорят, когда придет

время наслать на них ураганы вместо проливных дождей. Может, тогда земляне наконец-то поймут, что зря позволяют нам править ими.

Наконом Горник взглянул на начальника.

— Сколько это продлиться, Терраг? Сколько нам еще ждать?

— Не знаю, — ответил Управляющий. — Боюсь, все зависит от Орвига Кемрона.

— ОРВИД КЕМРОН.

Кто-то выкрикнул его имя. Он открыл глаза и тут же захмурился. Ему в лицо светили фонариками.

— Просыпайся, Кемрон, — сказал кто-то. — Очнись. Мы не можем ждать тебя всю ночь.

Кемрон приоткрыл глаза. Он увидел только яркий свет и оглушающий пистолет в руках, затянутых перчатками. Затем с трудом смог различить две фигуры.

С трудом он сел на кровати. Потом кое-как пришел в себя и встал.

— Кто вы такие? Чего вам нужно?

Кемрон прекрасно знал ответ на оба вопроса.

Этого дня он ждал семь лет, и вот напряженный момент, наконец, настал. Он подумал о том, что им известно. Семь лет тяжелой работы: все это время Кемрон притворялся другим человеком и постоянно что-то планировал и замышлял, — но все пошло прахом. Инопланетные хозяева Земли все-таки нашли его, и движение Сопротивления вот-вот останется без лидера.

— Что вам нужно? — одевшись, спросил он. — Зачем будить человека посреди ночи?

— Не задавай вопросов, — сказал один из незваных гостей.

А люди ли это? На них толстые комбинезоны, перчатки и капюшоны, это вполне могут быть кумиши. Да, подумал Кемрон. Я достаточно важная фигура, чтобы повелители пришли за мной лично. Ему хотелось узнать, есть ли под плотной тканью зеленый мех.

Secret of the Green Invaders

by Robert Randall

Centuries of alien conquest had made Earth a slave planet, and only a pitiful handful of men dared dream of rebellion. But they had a weapon they didn't even know about!

Illustrated by Emsh

Он медленно защелкнул у себя на шее магнитное кольцо.

— Поторопливайся, — сказал тот, что был повыше, и ткнул Кемрону пистолетом в ребра.

— Может, подождете немного? Хотя бы дайте мне умыться.

Не дожидаясь ответа, он подошел к раковине и сунул голову под холодную воду. Подержал ее секунду под струей, затем выключил кран, вытерся полотенцем, и глянул через плечо, чтобы узнать, где стоят незванные гости. Они были метрах в трех от него.

Надо сообщить остальным, что меня поймали, подумал Кемрон. Но кумиши, понял он, скорее всего, нашли его бомбы так же, как вычислили его. Вряд ли они кого-нибудь забыли. Черт подери!

— Кончай тянуть время. Собирайся или мы потащим тебя силой, — сказал один из солдат.

— Минутку. Я хочу пить.

Кемрон налил в стакан воды, но вместе того, чтобы поднести его к губам, бросил его в голову высокого солдата и услышал приятный стук! Тем же движением он кинулся на второго неприятеля.

Тот неожиданно легко рухнул на пол под Кемроном, и не успел прийти в себя до того, как Кемрон окончательно его вырубил. Но, повернувшись, чтобы разобраться со вторым солдатом, Кемрон понял, что стакан плохо справился с задачей.

Кемрон увидел в руке врага оглушающий пистолет. Внезапно у него в голове промелькнуло воспоминание об ошеломляющей боли, вызываемой попаданием луча пистолета. Он до сих пор мысленно слышал вопль Неллы — два месяца назад в нее выстрелил солдат кумишей, после того, как она убила одно из существ с зеленым мехом. Нелла потом три дня не могла прийти в себя.

Инопланетянин нажал на курок, и темнота озарилась ослепляющим зеленым светом.

ОТЛИЧИТЬ ОДНОГО кумиша от другого было сложно, но Кемрон не сомневался, что существо с зеленым мехом и суровым взглядом, сидевшее перед ним, было Управляющим Земли Террапром Брозом. Кемрон внезапно почувствовал, как его омыло волной страха, волной жуткого холода и страха.

Управляющий мрачно улыбнулся из-за огромного стола, и за фиолетовыми губами показались удивительно человеческие зубы. Но выражение его глаз оставалось холодным и угрожающим.

— Вы не представляете, как я рад вас видеть, мистер Кемрон, — неожиданно тихо сказал Броз. — Садитесь. — Управляющий махнул рукой, сделав знак солдатам.

Один подтолкнул Кемрона стул, другой усадил его. Теперь Кемрон увидел, что его поймали земляне, состоящие в армии, верной кумишам.

Солдаты, несомненно, подумали, что он худший предатель из всех, которые только могут быть, поскольку знали, что он собирается уничтожить кумишей – любимых кумишей, инопланетян с зеленым мехом, спасших Землю от хаоса анархии. В глазах обоих Кемрон увидел нескрываемую ненависть.

Ему хотелось сказать, что это они истинные предатели, а не он. Но он понимал, что солдаты лишь засмеются и напомнят ему о временному правительстве. Оно было единственной попыткой Земли за последнюю тысячу лет создать собственное единое правительство, что закончилось полнейшим провалом.

Нелегко победить завоевателя, если завоеванные встречают его с распластертыми объятиями, подумал Орвид Кемрон.

Солдаты отошли, не опуская оглушающих пистолетов. Терраг Броз протянул толстую руку и щелкнул одним из выключателей на столе. На стене загорелось множество ярких огоньков. Кемрон знал, что это такое: тысяча маленьких электронных глаз, внимательно следящих за каждым его движением. Один неверный шаг, и автоматика оглушит его.

Одного оглушения за день было вполне достаточно. Кемрон не желал получить добавку. У него еще не прошла голова после первого раза.

Терраг Броз взглянул на солдат.

– Вы можете идти. Не думаю, что он сделает какую-нибудь глупость.

Кемрон услышал, как дверь открылась и через секунду закрылась, – солдаты ушли. Прежде чем заговорить, Управляющий Земли помолчал пару минут.

– Могу вам сказать, – уверенно начал Броз, – что нам давно известно про ваше подпольное движение, мистер Кемрон. Оно служило нам источником постоянной забавы. Только когда вы перешли к... э-э... враждебным действиям и попытались взорвать нашу штаб-квартиру, – продолжал он, – мы были вынуждены взять вас под стражу.

Кемрон ничего не ответил. Он понял, что не способен поднять голову и посмотреть в горящие глаза кумиша, кроме того, его раздражала собственная слабость.

— Сколько народу в вашей организации? — внезапно спросил Броз.

— Я ничего вам не скажу, — упрямо ответил Кемрон.

— А, ну и не надо, — сказал Управляющий и улыбнулся еще шире.

— В вашем движении состоит ровно четыреста шестьдесят восемь человек, включая вас.

Кемрон заморгал. Страх внутри него превратился в тупое отчаяние. Кумиши никого не пропустили.

Терраг Броз растянулся в кресле так, что Кемрон увидел почти все его внушающее благоговение огромное тело, а затем уперся в стол костяшками пальцев.

— Вам не кажется, что для восстания этого слишком мало?

— спросил кумиш.

— Из четырехмиллиардного населения только около одной тысячной процента решили к вам присоединиться. Я бы не

назвал это широкомасштабным сопротивлением.

— Однако, у нас могло получиться, — ответил Кемрон. — Могло.

— Определенно, — согласился Броз. — Если бы вы взорвали это здание, то мы бы потеряли контроль над Землей. Затем человечеству пришлось бы управлять собой самостоятельно, вероятно с вами во главе — и вскоре произошла бы та же катастрофа, что и семь лет назад, незадолго до того, как мы прилетели.

У Кемрона засверкали глаза.

— Именно так! — воскликнул он. — По крайней мере, люди были бы свободны! Даже если бы у нас ничего не вышло, это было бы нашей ошибкой — ответственностью, лежащей на наших плечах. Предположим, цивилизация действительно рухнула. Ну и что с того? Один раз мы уже вышли из каменного века, значит, выйдем и еще раз!

— Вы правы, — спокойно сказал кумиш. — Но это кажется мне ужасной тратой времени.

— Тратой времени!? — Землянин захрипел от гнева. — Мы уже потеряли тысячу лет! Сначала сслесоры, затем велки, а теперь вы. Один инопланетный правитель за другим! Мы устали быть пешками в галактических шахматах, нам надоело, что инопланетяне передают нас друг другу, как эстафетную палочку.

— Понятно, — сказал Терраг Броз и сложил руки на груди, а Кемрон увидел, как пальцы инопланетянина продавили покрытую мехом кожу на бицепсах. — Вам надоело, что Землей правит кто-то со стороны. Вы хотите получить еще один шанс. Но остальное население, кажется, не разделяет вашего желания, не так ли, мистер Кемрон? — Кумиш снова улыбнулся. — Нечего ответить? — Он замолчал и прищурил блестящие глаза. — Ваше восстание, мистер Кемрон, можно описать одним словом — преждевременное. Если революция произойдет, пока Земля надежно оберегается кумищами, вы окажетесь в той же ловушке, что и предыдущее движение Сопротивления.

— Предыдущее движение?

— Разумеется. Человеческие действия постоянно повторяются. Многие пытались свергнуть правителей. За последние десять веков такое случалось неоднократно. А за время правления наших предшественников сслесоров самое успешное из них возглавлял человек, которого вы, вероятно, знаете. Его звали Джослином Картером.

Кемрон очень удивился. *Джослин Картер? Глава Временного Правительства являлся лидером Сопротивления?*

— Да, он самый, — словно прочитав мысли землянина, ответил кумиш. — Я думал, вы хорошо знаете своих, так сказать, коллег. Так вот, Джослин Картер...

Глава вторая

3 July 3027

ДЖОСЛИН КАРТЕР наклонился над столом, нажал кнопку на видеофоне и звонок стих.

— Картер слушает, — глядя прямо в маленькую камеру, сказал он.

— Приоритетный звонок из Статен-Айленда, сэр, — сказала телефонистка. — На проводе вице-король Джонсон.

— Соедините меня с Его Щедростью, — сказал Картер.

Вице-король Джонсон, мрачно подумал он. *Сслесоры брали земные имена, потому что мы не способны произнести половину шипящих их языка. Интересно, что об этом думали Джонсоны.*

Картер отлично знал ответ на этот вопрос. Джонсонам это нравилось. Сслесоры правили почти тысячу лет и большую часть времени вызывали практически у всех земных подданных только привязанность — не считая некоторых «избранных», например, Джослина Картера.

На экране медленно проявилось лицо инопланетного правителя. Картер тут же склонил голову вежливым жестом, затем с ожиданием посмотрел на изображение ящероподобного существа. Неморгающие глаза, расположенные на серо-зеленой голове с фантастическим костяным гребнем, уставились на него в ответ.

— Мисстер Джосслин Картер? — спокойно спросил правитель.

— Да, сэр, — подтвердил Картер.

Когда он общался со слесорами, ему постоянно приходилось сдерживать улыбку. Даже за тысячу лет они так и не научились правильно выговаривать слова. И никогда им этого не удастся, потому что их речевой аппарат не был приспособлен для этого.

— Пожалуйста, зарезервируйте время на межконтинентальной связи на десять тридцать часов утра для специального объявления. Пожалуйста, ссообщите людям, что будет выступать правительство.

— Да, сэр, — сказал Картер с серьезным лицом. — Людям нужно знать что-нибудь еще?

Слесор секунду обдумывал вопрос Картера.

— Кажется, нет, — ответил он. — Это все.

— Спасибо, Ваша Щедрость, — сказал Картер.

— Вы преувеличиваете, — сказал инопланетянин.

Жесткая сухая кожа едва заметно смялась в уголках его рта, словно он попытался улыбнуться, но у него ничего не вышло. Затем изображение пропало, и Картер остался смотреть на пустой экран.

— До свидания, мисстер Джонсон, — рявкнул он в выключенный аппарат.

Картер нажал пару кнопок. На экране видеофона появилось другое лицо. На этот раз человеческое, женское и весьма красивое — ярко контрастирующее с тем, которое было до этого.

— Отдел выпуска новостей, — сказала девушка. — Слушаю вас, сэр.

— Это Джосслин Картер. Я хочу, чтобы вы немедленно подготовили сообщение. Пометьте его, как «срочное». Правительство слесоров объявило, что завтра в десять тридцать к населению Земли обратится их представитель. На этом все.

— Поняла, сэр, — улыбнувшись, сказала девушка.

— Спасибо, моя дорогая. А теперь за дело. Разошли сообщение, как можно быстрее. — Картер оборвал соединение.

Он взглянул на настенные часы. Пятнадцать ноль-ноль. Пора уходить, подумал он. Хватит тут торчать. Если «Земная межконтинентальная корпорация связи» не сможет протянуть без своего президента оставшуюся часть дня, значит, Джосслин Картер плохо наставил своих подчиненных. А это было последним, что волновало Картера.

Он закрыл стол и включил радиопломбу. Затем подошел к стене, открыл потайной шкафчик, вытащил незаконный бластер и сунул его в кобуру на бедре. Слесоры в любой момент могли узнать, чем на самом деле занимается Картер, а он не собирался сдаваться без боя.

Мысль о том, чтобы умереть в тридцать два года, была не особенно приятной, но он не боялся поражения. Вообще, он не верил, что до этого дойдет. Если человек достаточно силен, то может позаботиться обо всем, что тревожит слабого.

Картер был силен не только финансово и политически, но еще и физически. Его рост составлял без малого сто девяносто сантиметров, а вес – девяносто пять килограммов закаленных мышц и костей. Голова с гладко причесанными каштановыми волосами сидела на толстой шее. А лицо выглядело так, словно было вытесано из цельного куска базальта.

Единственное, что было сильнее Джослина Картера – это тысячелетнее правление сслесоров на Земле. А их Картер, мягко говоря, не любил.

Он толкнул дверь и вышел во внешний кабинет.

– Я закончил на сегодня, Синди, – сообщил он секретарше.

– Хорошего вечера, мистер Картер, – улыбнувшись, ответила она.

Картер послал ей воздушный поцелуй и направился к лифту. Спустившись на уровень улицы, он сел на скоростной поезд и через десять минут уже был в Пассаике, в Нью-Джерси.

Этот многоквартирный дом выглядел так же, как и любой другой многоквартирный дом. Отличался он только по двум пунктам: жильцами и подвалом – или, скорее, под-подвалом.

Под-подвал был гораздо больше обычного, а все жильцы здания являлись членами странного, архаичного и закрытого общества под названием «Морская пехота Соединенных Штатов».

Джослин Картер прошел через фойе в лифт и спустился в подвал. Там он вытащил из кармана специальный ключ и вставил его в дырку в стене рядом с дверями лифта. Лифт уехал вверх, двери шахты открылись. Картер спустился в шахту и нажал кнопку на стене. Затем позволил камере хорошенъяко его рассмотреть. Очередная дверь открылась, и он вошел внутрь.

– Генерал Ономодзе уже здесь? – спросил он страшно тощего юношу, стоящего на страже у входа.

– Еще нет, сэр, – отсалютовав, ответил юноша.

– Пришлите его ко мне, как только он появится, лейтенант. Я буду у себя в кабинете.

– Да, сэр.

Картер прошел по коридору и остановился у двери с табличкой: Ген. Дж. Л. Картер, Комендант, Морская пехота. Он открыл дверь ключом и вошел внутрь.

Завтра тот самый день, подумал он и осмотрел пустой кабинет.
Завтра мы им покажем.

Кarter почувствовал дрожь от нетерпеливого ожидания. Этого дня он ждал четверть века, с тех пор, как стал достаточно взрослым и понял, что Земля не свободна, что сслесоры держат планету в бархатных оковах.

Сслесоры не позволяли людям покинуть Землю. А хуже всего то, что они не позволяли Джослину Кarterу сделать этого. Он хотел отправиться на Луну, попасть на другие планеты и звезды, и поскольку он был Джослином Кarterом, то считал, что у него есть на это право. Но ему мешали сслесоры.

Завтра тот самый день, подумал он.

ПЕРВОЕ, ЧТО он сделал – надел форму. Кarterа не особо заботил внешний вид, но это было частью работы, как и звание, – а звание имело большое значение.

Переодевшись, не забыв про ленты, аксельбанты и другие украшения, он повернулся, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Кarter без всякого стыда понял, что выглядит очень хорошо. Форма прекрасно шла ему. Некоторым она придавала такой вид, будто они только вышли из комедийной оперы или исторической новеллы, в зависимости от человека. Кarter, напротив, выглядел так, словно родился в красно-бело-голубой форме с золотыми украшениями.

Вообще-то, он не имел ни малейшего понятия, зачем нужны мечи, они просто шли в комплекте с формой. Но, черт возьми – они так красиво блестели.

Кarter переложил бластер в кобуру на пояс и пододвинул кресло к столу. Затем снял радиопечать и открыл стол.

Он снова принялся изучать планы по вышиванию сслесоров с лица Земли. Это повторялось уже, как минимум, сороковой раз, но теперь Ономодзе, наконец, записал их в виде формул Кеслиана так, что стало возможным прогнать их через компьютер для последней проверки. Не то, чтобы Кarter сомневался в планах, – он доверял себе гораздо больше, чем какой-то машине.

Компьютер поглотил ленту с данными, и крошечные реле в электронном мозгу зашуршили, как сухие листья под ногами. Кarter мог представить, как все будет выглядеть на практике. Впервые за десять веков морская пехота Соединенных Штатов была готова к бою.

После страшной атомной катастрофы в середине двадцать первого века, Земля была не в состоянии прогнать инопланетных захватчиков. Земляне не могли драться даже сами с собой. Поэтому, высадившись одним ярким июльским днем в 2076-ом году по всей планете, сслесоры с легкостью захватили власть.

Но морская пехота, или, по крайней мере, небольшая ее часть, возглавляемая генерал-майором Джонатаном Редмондом, не стала сдаваться. Почти десять тысяч солдат и офицеров посвятили свою жизнь борьбе за поддержание огня независимости. Но за тысячу лет оккупации, первоначальные идеи движения генерала Редмонда были совершенно забыты. В конце концов, сслесоры, за долгие века великодушного правления, покончили с войнами и другими конфликтами. Они принесли на Землю мир и безопасность.

Членство в морской пехоте постепенно превратилось в приятное хобби, люди привыкли к пышности, ритуалам и форме, не задумываясь о сути организации. Был забыт даже громкий слоган «Если и умирать, то вместе со сслесорами».

Для большинства членов, пехота стала древним и почетным братством – тайным обществом, в которое, в основном, вступали ради ощущения, сходного с тем, что возникает у мальчишек, крадущих яблоки в чужом саду.

Так было, пока в морскую пехоту не вступил Джослин Картер.

В ДВЕРЬ постучали.

– Войдите! – крикнул Картер.

В проходе появился высокий, стройный человек с темным лицом и встал по стойке «смирно».

– Генерал-лейтенант Ономодзе прибыл, сэр.

– Закрой дверь и расслабься, Келвин, – сказал Картер, который был рад видеть своего заместителя. – Тут никого нет.

Ономодзе ухмыльнулся и закрыл дверь.

– Скоро тут будет целая толпа, – заметил он. – Я не хочу, чтобы кто-то подумал, будто я не уважаю древние традиции.

Картер указал на кресло.

– Я тут прогоняю твои уравнения через компьютер.

Ономодзе поморгал.

– Хочешь сказать, ты только сейчас этим занялся? Боже правый, Джослин, завтра мы уже должны воплотить план в жизнь!

Завтра, подумал Картер и начал прокручивать это слово в голове. Завтра завтра завтра завтра. На долю секунды он позволил себе помечтать о завершении долгой компании, но грубо оборвал себя.

– Я чуть голову себе не сломал, пока переводил планы в уравнения Кеслиана, – сказал Ономодзе, – чтобы мы были уверены в том, что все пройдет гладко, и...

– Одна ошибка, и нас ждет полный провал, – перебил его Картер.

– Машина может лишь посчитать вероятность. А сработает план или нет, будет зависеть от солдат и от слаженности их действий. Слабым звеном, как обычно, является координация и слаженность действий отдельных людей.

— Они будут следовать твоим приказам, — заметил Ономодзе.

— Знаю. Но дело не в этом. Человечество говорит сслесорам «да, сэр» и «нет, сэр» уже столько времени, что я не уверен, как оно отреагирует на исчезновение сслесоров. Возможно, когда с них снимут оковы...

— Если уж ты не сможешь справиться с народом, то никто не сможет, — развел руками Ономодзе.

Картер не обратил внимания на это замечание. Он взглянул на настенные часы.

— Кажется, ты сказал, что не хочешь произвести на подчиненных плохое впечатление. Значит, тебе надо надеть форму, нельзя, чтобы сегодня вечером генерал-лейтенант ходил по штаб-квартире без соответствующих атрибутов.

Пока Келвин Ономодзе одевался, Картер смотрел, как из компьютера выходит лента с ответом. Принтер бодро щелкал, печатая символы.

Пройдясь взглядом по ленте, Джослин Картер мрачно улыбнулся. Наконец, принтер напечатал последний символ и замолчал.

Картер выдернул ленту.

— Вот и все, — ликующее сказал он. — Максимальная вероятность успеха. Учитывая все факторы, через два дня на Земле не останется ни одного сслесора.

Ономодзе взял ленту и посмотрел на нее.

— Кажется, все будет хорошо, Джослин. Наконец-то страдающие под гнетом захватчика земляне выгонят плохих парней из своих домов.

— Очень смешно, — сухо сказал Картер. — Это всего лишь значит, что после тысячи лет стагнации, человеческая раса сможет продолжать развиваться.

— Да, — сказал Ономодзе. — Мы уже так давно стоим на месте, что завоняли.

В дверь снова постучали. Картер едва заметно улыбнулся. Древний ритуал предварительного стука в дверь являлся одним из многих обычаем тысячелетнего братства морской пехоты Соединенных Штатов.

— Когда со сслесорами будет покончено, — тихо сказал Картер, — я приставлю к этой двери швейцара. Входите! — крикнул он через секунду.

Темное лицо Ономодзе искривилось в ухмылке, исчезнувшей, когда дверь открылась, и в кабинет вошел высокий, тонкий, словно шест, майор Холлистер.

Майор встал по стойке «смирно».

— Майор Холлистер прибыл, сэр.

— Вольно, — скомандовал Картер. — Как прошла установка передатчика на Статен-Айленде, майор?

— Все готово, сэр. Передатчик работает. Можете наблюдать за всем, что там происходит, как отсюда, так и из вашего кабинета на Манхэттене.

— Хорошо. Все в сборе?

— Нет, сэр, но через минут все будут на месте.

— Спасибо, майор, — ответил Картер. — Мне надо выступить перед людьми, причем как можно быстрее.

— Да, сэр. — Холлистер повернулся кругом и исчез в коридоре.

— Хороший парень, — сказал Ономодзе, как только дверь закрылась. — Но он все время такой напряженный. При каждом его шаге я боюсь, что он сломается.

Картер снова взглянул на ленту.

— Завтра днем все решится.

В ОГРОМНОМ помещении для собраний пятьсот человек выстроилось по стойке смирно. Их форма сверкала древним великолепием двадцать первого века: золотыми галунами, медалями, разноцветными знаками отличия, а также нашивками, орденскими планками и орлами на плечах, соперничающими друг с другом в яркости. Форма была консервативной по всем меркам, но тем, кто ее носил, она придавала суровую решительность, убирающую печать излишней броскости.

— Джентльмены, — стоя на возвышении в конце зала, сказал Картер. — Поскольку вы являетесь Нью-Йоркским подразделением морской пехоты, завтра вам предстоит самое важное задание, которое когда-либо кому-то давали. — Он улыбнулся, в его голос закралась нотка иронии. — Завтра нас ждет еще один День Независимости.

Причем особенный, подумал Картер.

На лице Ономодзе промелькнула саркастическая улыбка. Первое восстание морская пехота запланировала на четвертое июля 2088-го года, спустя одиннадцать лет после появления сслесоров. Оно с треском провалилось. С тех пор, каждый год четвертого июля проводилась ритуальная «революция», о которой, как правило, сслесоры даже не слышали. Частное предприятие, неизменно заканчивающееся провалом, поэтому его и называли «ритуальным крахом». Но на этот раз Джослин Картер собирался изменить правую часть формулы.

— Все вы знаете, что нужно делать, и я хочу, чтобы вы не забывали, что исход дела зависит от каждого из вас: как от простых солдат, так и от генералитета. Если вы выполните свою задачу, причем хорошо, шанса на неудачу у нас не будет. За последнюю пару веков сслесоры расслабились. Они не знают, что мы способны восстать против них.

И, благодаря этому, нам удалось сделать то, что до нас ни у кого не получалось — мы украли ядерную бомбу и заложили ее под зданием Правительства на Статен-Айленде. Момент будет практически идеальным. Завтра на острове, по какой-то причине, соберется большинство важных шишек. Бомба взорвется ровно в полдень. Это станет сигналом к началу открытых действий. Генералитет я жду у себя в кабинете. Все остальные свободны.

КОГДА КОМАНДОВАНИЕ собралось вокруг стола для переговоров, Картер сразу перешел к делу.

— Ладно, — сказал он. — Давайте еще раз пройдемся по всем пунктам.

Он щелкнул тумблером. На большом настенном экране появилась карта мира. Несколько точек были обведены красным. Картер нажал какую-то кнопку, и рядом с одним кругом появилась стрелка.

— Аризона, — сказал он. — Североамериканский космопорт. Все заминировано, нам остается только отдать приказ. — Картер взглянул на одного из генералов — на высокого, стройного человека с тонкой полоской усов. — Джексин, как вы будете действовать?

— Порт взорвется в десять ноль-ноль, — сказал Джексин. — Сразу после этого мы наступаем и проводим зачистку.

— Идем дальше, — сказал Картер, нажал на кнопку, и стрелка указала на следующую точку. — Эйзенхауэрград, Россия. Чан?

Генерал Чан встал.

— Двадцать два тридцать. Все так же, как в Аризоне, но за одним исключением. Мы подрываем бомбу и начинаем зачистку. Но одновременно с этим пускаем дорма-газ в систему вентиляции корабля сслесоров под названием «Суизисс», стоящего в ремонтных доках. Так мы завладеем межзвездным кораблем.

— Дальше. — Картер снова надавил на кнопку, и стрелка появилась в середине австралийского континента. — Миклауд?

— Это главная база, — сказал генерал Миклауд. — Мы взорвем только центр управления полетами, взлетное поле разрушать не нужно. Затем рассеем газ по всей территории базы, поэтому на зачистку двинемся лишь через час после взрыва. — Он замолчал.

Картер поднял бровь и сердито посмотрел на генерала.

— Ладно. А, может быть, есть какое-то конкретное время, когда вы начинаете операцию?

Генерал покраснел и оробел.

— Мы начинаем ровно в два часа утра пятого июля, — твердо ответил он.

— Хорошо, — кивнул Картер. — Это то, что касается космопортов. А теперь давайте пройдемся по остальным скоплениям сслесоров. И я хочу, чтобы вы помнили, что мы должны... должны одновременно

нанести удары по всей планете. Тогда, когда в Нью-Йорке будет двенадцать часов пополудни.

Окончательно прояснив все детали, Джослин Картер выключил карту. Затем уперся костяшками пальцев в стол и подался вперед.

— Помните, джентльмены, это не только наш единственный шанс за всю жизнь, но и первая хорошая возможность за целое тысячелетие. Еще никогда за время оккупации так много важных фигур сслесоров не собирались в одном здании. Если мы провалимся сейчас, то другого такого случая у нас не будет. А, возможно, даже у наших потомков. Ладно. За дело. У вас осталось немногим больше шестнадцати часов, чтобы добраться до позиций!

— А как насчет человеческих потерь? — спросил Миклауд. — Напав на сслесоров, мы...

— Забудьте об этом, Миклауд, — про себя обозвав генерала дураком, выпалил Картер. — Нам нельзя беспокоиться о таких мелочах. Если пара человек окажется в радиусе взрыва... что ж, назовем их мучениками и поставим им большой памятник. — Он холодно улыбнулся. — Мы тратим время, джентльмены. Завтрашний день уже почти настал.

Генералы медленно поднялись из-за стола. Картер смотрел на уходящие фигуры в форме, пока дверь не закрылась, и он не остался один.

Я прав, а Миклауд ошибается, подумал Картер. Жертвы восстания не будут иметь значения. Если кому-то не хватит ума убраться с дороги, то так им и надо. Это было жестоко — даже Картер признал это. Но без жертв никак не обойтись. Первым делом надо выгнать сслесоров с Земли, а тут любые средства хороши.

Картер взглянул на часы. Через пятнадцать с небольшим часов Земля будет свободна, и именно ему предстоит позаботиться о создании нового правительства. Ну, подумал Картер, я ведь мечтал об этом столько лет, так что сейчас волноваться?

Он вдруг подумал, а нравится ли сслесорам править Землей?

Глава третья

4 июля 3027

КАРТЕР СИДЕЛ перед внушительным массивом телевизоров, следя за прогрессом во всех городах, где планировалось крупное восстание. Ночью он почти не спал, сейчас было десять часов двадцать минут утра.

Из Эйзенхаэрграда Чан пожаловался, что с угоном сслесорского корабля могут возникнуть трудности, но Картер не хотел ничего слышать.

— Нет такой проблемы, с которой вы не сможете справиться, Чан. В двенадцать ноль-пять я жду сообщения об успешном взятии корабля. — Картер выключил этот экран и повернулся к следующему — там было лицо Джексина. — Как дела в Аризоне, Джексин? — резко бросил он.

— Все идет по плану, сэр. Мои люди ждут за пределами зоны вторжения. Как только космопорт взорвется, мы начнем атаку. Но меня беспокоит радиация, сэр...

— К черту радиацию! — рявкнул Картер. — Защитные костюмы должны уберечь вас. Я лично проверил их характеристики.

— Да, сэр, — неуверенно сказал Джексин.

Когда Картер повернулся к третьему экрану, дверь в кабинет открылась, и вошла секретарша. Быстрым движением он выключил коммуникаторы и убрал с экрана растерянное лицо Миклауда из Австралии.

— В чем дело, Синди?

— Выступление сслесоров, сэр. Вице-король Джонсон должен был все обговорить с вами еще вчера. Они готовы выходить в эфир, мистер Картер.

Картер взглянул на часы.

— Черт подери, точно. Уже пора, да? Ладно, начинаем.

— Да, сэр.

Он повернулся к телезранию. *Интересно, что скажут рептилии*, подумал он. *Это последний раз, когда я услышу их шипение*.

На экране появилось лицо вице-короля Джонсона. Правитель прокашлялся и резко заговорил сухим, высоким голосом, больше похожим на вой, очень знакомый жителям Земли. Картер услышал, как дверь открылась и через секунду закрылась, — вошел Ономодзе.

— Народ Земли, — важно начал вице-король, — народ протектората сслесоров на Земле: ссегодняшний день можно с уверенностью назвать одним из самых печальных дней нашей совместной истории.

— Что за чертовщина? — шепотом спросил Ономодзе.

— Тише, — сказал Картер.

— Это печальный день, как для васс, так и для насс, — продолжал сслесор. — День, несущий нам расставание, день, знаменующий конец тысячелетнего радосстного сосуществования.

Картер бросил на Ономодзе удивленный взгляд.

— Управляя вашей планетой десять веков, мы держали вас в невежестве и не позволяли узнать о существовании других галактических рас. Однако, — продолжал сслесор, — они есть. Одна из них — великая, воинственная, империалистическая раса, с которой мы соперничали на протяжении двух тысяч лет. Так вот, наконец, наша борьба закончилась.

Сслесор замолчал. Было отлично видно, что ему тяжело рассказывать все это, и не только потому, что английский язык плохо давался инопланетным захватчикам. Судя по выражению серо-зеленого лица, рептилия чувствовала глубокое унижение.

— К несчастью, конфликт разрешился в пользу велков, — с грустью добавил сслесор. — Если не вдаваться в детали, нас победили. Поэтому, хоть мне это и неприятно, но я должен сообщить, что, в соответствии с мирным договором, который нам пришлось подписать, мы вынуждены передать Велканской Империи множество планет. Я глубоко опечален тем, что среди них есть и Земля.

Картер побелел. Секунду он пристально смотрел на экран, ничего не видя, испытывая совершенное незнакомое ощущение полной растерянности.

— Отступление сслесоров уже практически завершилось, — сказал вице-король. — Большую часть нашей собственности мы уже вывезли. Последние корабли, — сказал сслесор, — улетят сегодня вечером, после чего на Земле не останется ни одного нашего соотечественника. В заключение, от имени всех сслесоров, хочу сказать, что нам, действительно, жаль расставаться с вами. Мы желаем вам взаимопонимания с новыми хозяевами.

Экран погас.

КЕЛВИН ОНОМОДЗЕ откинулся на спинку кресла и захочотал. Этот ритмичный грохот выходил из глубины его груди и затем стал таким мощным, что, казалось, затрясся весь кабинет.

— Брат! — воскликнул он, когда снова обрел дар речи. — Смешнее этого я ничего не видел и не слышал! Невероятно! Десять тысяч человек трудились, как проклятые, чтобы избавить Землю от сслесоров. Они набрались решимости и храбрости! Приготовились настигнуть удар! Подняли оружие... прицелились и... Сслесоры просто взяли и улетели!

Ономодзе снова засмеялся так, что по его смуглому лицу потекли слезы.

Картер, весь дрожа, вскочил на ноги.

— Заткнись, Келвин! Не время сходить с ума. У нас уйма дел!

Он включил многоканальный коммуникатор. Экраны вокруг негоожили, и генералы на них начали одновременно что-то говорить.

— Тихо! — рявкнул Картер. — Вы все слышали, что сказал вице-король. Теперь нам известно, почему на Статен-Айленде собралось так много высокопоставленных сслесоров. Но, если вы думаете, что все закончилось, то сильно ошибаетесь. Наша задача стала лишь труднее. — Он на секунду замолчал, чтобы для начала обрисовать новый план себе, затем, успокоившись, бодро продолжал. — Вот ваши приказы. Бомбы, разумеется, взрывать не нужно. Запечатайте все дето-

наторы, чтобы они не сработали преждевременно. Но не разряжайте бомбы! Оставим их для велков – кем бы они ни были.

– А что, если велки будут искать их? – спросил генерал Чан. – Не могут ли они ожидать чего-то подобного со стороны сслесоров?

– Сомневаюсь, – ответил Картер. – Кажется, это благородное отступление. И даже если велки найдут заряды и подумают на сслесоров... то что тут страшного?

Чан кивнул, но ничего не сказал.

– А вы, тем временем, – продолжал Картер, – будьте наготове. – Как только сслесоры улетят, начинайте действовать. Берите в свои руки все, до чего сможете дотянуться. К тому времени, как велки прибудут, мы уже должны все взять под свой контроль. Понятно? Ладно, сами разберетесь, как вам лучше всего захватить штаб-квартиры сслесоров. Одновременно с этим надо убедиться, что не будет никаких народных волнений. Я попытаюсь позаботиться об этом из Нью-Йорка. Задача всем ясна? Хорошо. Конец связи.

Картер выключил многоканальный коммуникатор.

– Синди! – крикнул он по внутренней связи. – Принеси мне все записи речей сслесоров за последние пятьдесят лет. Мне нужны, как видео, так и аудиоматериалы. А также свяжись с производственным отделом и вызови Флесса. Быстро!

– Да, сэр, – ответила девушка и ушла.

– Я ничего не понимаю, – сказал, наконец, переставший смеяться Ономодзе.

– Все просто. Есть только один способ захватить власть легальным путем, – объяснил Картер. – И для этого нужно, чтобы сслесоры сказали, что оставили нас за главных. Когда мы закончим редактировать записи, именно это они и скажут.

– Мне стоило ожидать чего-то подобного, – ухмыльнулся Ономодзе. – Но как насчет велков? – спросил он.

– С ними мы разберемся позже. А сейчас у нас еще нет никаких сведений. Кроме названия, мы ни черта не знаем про велков, и ставлю свою жизнь на то, что сслесоры не расскажут нам про них ничего, на что мы могли бы положиться. Наверное, мы вообще ничего не узнаем от рептилий. Но, к тому времени, как велки прилетят, планетой должны управлять мы.

Дверь открылась, и в кабинет вошел низенький пожилой человек с бахромой седых волос, обрамляющих лысеющую голову.

– Флесс, у меня есть для вас задание, – сказал Картер. – Надо склеить несколько записей в одну и сделать это так, чтобы никто не заметил подделки. Как только Синди принесет пленки, я покажу, что именно мне нужно. Работа предстоит нелегкая, но от нее зависит будущее человечества.

– Понятно, сэр, – вежливо ответил Флесс.

— Хорошо. — Картер повернулся к Ономодзе. — Келвин, мчись в штаб-квартиру и возьми командование на себя. Отправь генерала Прескита возглавить бруклинский батальон. Я хочу, чтобы через десять минут после отлета сслесоров на Статен-Айленде было пятьсот солдат.

Ономодзе встал и сверкнул белозубой улыбкой.

— Ладно, Джослин. Сегодня мы все-таки повеселимся. Хотя бы притворимся, что выгнали сслесоров с Земли.

— Принимайся за дело, — не обратив внимания на последние слова Ономодзе, сказал Картер. — Я тоже найду, чем заняться.

Когда генерал ушел, секретарша Картера прикатила полную тележку катушек с микропленкой.

— Вот записи, которые вы просили, мистер Картер.

Картер осмотрел тележку и кивнул.

— Хорошо. За работу, Флесс. Нам нужно составить речь.

ГОТОВАЯ РЕЧЬ разлетелась по планете сразу после того, как последний корабль сслесоров взмыл в небо. Потребовалось вырезать множество фрагментов из разных записей и склеить из них одну пленку, но результат получился отличный.

Насколько все слышали и видели, вице-король Джонсон, лидер отступающих сслесоров, передал управление планетой Джослину Картеру. А к тому времени, как поддельная речь закончилась, морпехи высадились на Статен-Айленде и взяли под контроль огромные здания, брошенные сслесорами.

Таким образом, четвертого июля три тысячи двадцать седьмого года люди снова стали хозяевами Земли, впервые за почти целое тысячелетие.

— И что теперь? — спросил Ономодзе.

Джослин Картер взглянул на темнеющее небо в окне.

— А теперь нам предстоит доказать, что человечество способно стоять на собственных ногах. Я верю в нас. Если бы наши предки не разбомбили планету, чуть не уничтожив самих себя тысячу лет назад, сслесоры вряд ли сумели бы покорить их. Они выбрали удобный момент, и, к тому времени, когда мы, наконец, встали с колен, то уже забыли, что можно не выполнять приказы рептилий.

— Я не понимаю лишь одного, — сказал Ономодзе. — Зачем им вообще нужна была Земля? По большей части, они позволяли нам заниматься своими делами. Они не хотели колонизировать нас, не хотели торговаться с нами. Сслесоры не стали делать нас своими рабами. Так что им было нужно?

Картер пожал плечами.

— Я отвечу на твой вопрос, если ты объяснишь, как работает их инопланетный мозг, а пока мы можем только гадать.

Он взглянул на часы.

— Я хочу, чтобы их здания немедленно обыскали — именно немедленно. Если сслесоры оставили что-нибудь важное, я хочу это увидеть. Они же не могли забрать с собой все.

— Сделаем, — кивнул Ономодзе.

Картер принял вспретоженно расхаживать взад-вперед.

— Теперь, что касается велков. Придется сосредоточить усилия на них. Мы не знаем, кто они такие, за исключением того, что спрятаться с ними будет тяжелее, чем со сслесорами, — раз они победили сслесоров, — но ставлю свою жизнь на то, что больше ни одна инопланетная раса не захватит Землю, пока я могу сделать хоть что-то. Только не после того, как мы снова стали свободными.

— Да я... — Но Ономодзе перебил бешеный звон коммуникатора.

Картер включил экран, на нем появилось лицо генерала Чана — широко улыбающееся и раскрасневшееся.

— Генерал Картер, — взволнованно сказал он, — нам все-таки удалось захватить «Суизисс»

— Что?

— Да! Судя по всему, корабль до сих пор не может летать, поэтому сслесоры просто оставили его на Земле. Может, когда-нибудь нам удастся понять, как работает межзвездный двигатель, и...

— Маловероятно, — нахмурившись, ответил Картер. — А что там внутри?

Чан перестал улыбаться.

— Боюсь, ничего. Кажется, что-то, похожее на двигатели, еще осталось, но такое впечатление, что сслесоры забрали с собой целые секции корабля. Однако я подумал, может...

— Я рад, что вам удалось захватить «Суизисс», Чан, — согласился Картер. — Но сомневаюсь, что они оставили бы его, если бы там было что-то важное. И, кроме того, я...

Изображение Чана внезапно задрожало и исчезло. Его заменило бесмысленное множество светящихся точек.

— Прошу меня извинить, — раздался из динамика незнакомый голос, мягкий и вкрадчивый. — Поскольку оказалось, что это единственный доступный нам канал, мы были вынуждены... э-э... прервать вашу беседу. Говорит Фулф Квиш из велканского правительства. Мы бы хотели переговорить с лидерами Земли.

Картер растерянно взглянул на Ономодзе.

— Это Джослин Картер, нынешний глава Временного Правительства Земли.

— О, отлично. Мы рады познакомиться с вами. Наш корабль уже находится в земной атмосфере. Если вы соизволите прислать вашего представителя, то мы сядем завтра утром.

— Ладно, — ответил Картер, вглядываясь в светящиеся точки в надежде узнать, как выглядят новые инопланетяне.

Он объяснил, где находится Статен-Айленд и куда можно посадить корабль.

— Мы сфотографировали описанное вами место, — после долгой паузы сказал Фулф Квиш. — Завтра мы там будем. До свидания.

Картер секунду смотрел на погасший экран. Его охватил приступ неразумного гнева, потому что Земля, и в особенности Джослин Картер, снова должна была покориться инопланетной расе, живущей где-то в глубинах галактики. Это показалось ему прямым оскорблением.

Картер взглянул на Ономодзе, терпеливо ожидающего его реакции.

— Коротко и по делу. Надо подготовиться к встрече, Келвин.

— Почему нам просто не взорвать их, как только они высаживаются?

Картер покачал головой.

— Это стратегически неразумно. У нас только одна ядерная бомба, и мы не знаем, сколько они могут прислать кораблей. А еще мне не понравился тон этого парня. Он был слишком...

— Вежливым?

— Да, — ответил Картер. — Что-то вроде того. Интересно, как они выглядят.

Глава четвертая

5 июля 3027

ВЕЛКИ СОВЕРШЕННО не походили на сслесоров. Они были приземистыми, четвероногими существами с большим количеством щупалец и мягкими, слащавыми голосами. Велки носили дыхательные маски, почти полностью скрывающие лица.

Один из пятерых инопланетян, сидевших за столом переговоров перед Джослином Картером и его подчиненными, помахал щупальцем.

— Насколько я понимаю, землянин, — сказал он, — ваша группа практичит человеческой расой?

Картер кивнул.

Фулф Квиш пробормотал что-то непонятное своим спутникам, те махнули щупальцами и также непонятно ответили.

— Простите меня за плохое знание вашего языка, — через секунду сказал главный велк. — Я единственный переводчик, остальные члены нашей миссии не успели выучить ни одного земного языка.

— Вы превосходно говорите, — осторожно заметил Картер.

— Я предполагаю, у вас есть вопросы, — сказал велк булькающим голосом.

— Все верно, — согласился Картер. — Какую форму правления вы собираетесь установить на Земле? Будете ли вы использовать здания, оставленные сслесорами?

Фулф Квиш отрицательно замахал щупальцем.

— О, все совсем не так. Нас это не интересует. Боюсь, вы неправильно нас поняли.

— А что вы собираетесь тут делать?

— Мы прилетели не для того, чтобы править вами.

— Кажется, я не совсем улавливаю, к чему вы клоните, — сказал Картер.

Инопланетянин помолчал пару секунд, словно для того, чтобы аккуратно подобрать слова.

— Судя по всему, находясь в стороне от того, что происходит в галактике, вы не в курсе вашего положения. Сслесорам нужна была ваша планета, чтобы использовать ее в качестве стратегической военной базы. Теперь все по-другому, потому что Земля находится далеко от границ Велканского Содружества. Подписав мирный договор со сслесорами, мы получили около двух тысяч планет, среди которых — прошу прощения — Земля является одной из наименее важных с военной точки зрения. Надеюсь, вы не станете держать на меня зла за то, что я говорю прямо.

Картер кивнул. Он сидел совершенно неподвижно, пытаясь предсказать, чем велки собираются его огородить.

— Еще я должен заметить, — продолжал велк, — что мы очень демократичный народ. Мы считаем, что каждая планета, состоящая в Содружестве, должна обладать собственным правительством. Нам было бы очень сложно установить прямой контроль над всеми нашими планетами. Наши аванпосты находятся слишком далеко друг от друга. Поэтому, к сожалению, мы не можем отправить представителей во все наши владения. Это элементарно за пределами наших возможностей. Теперь вы понимаете наше положение?

Картер сложил руки на груди и попытался не смотреть на людей в форме, окружающих его.

— Итак? — осторожно спросил он.

— Итак, — продолжало существо, — мы прибыли сюда не для того, чтобы править, нам просто хотелось сообщить вам, что теперь вы являетесь подопечными Велканского Содружества, с теми же привилегиями, что у остальных членов. — Фулф Квиш помолчал. — Пока мы не сможем держать у вас представителя. Возможно — не забывайте, возможно, но маловероятно, — что немногого погодя мы сумеем найти для вас проконсула, примерно, лет так через пятьдесят. Не раньше. Откровенно говоря, сейчас у нас вообще все заняты.

— Вы собираетесь оставить нас одних, я правильно понял? — пытаясь не выказывать удивления, спросил Картер.

— Именно так, — ответил Фулф Квиш. — Нам надо лететь на Квандж — планету в одной из наших новых систем — причем незамедлительно, поэтому я должен попрощаться с вами.

Картер изумленно уставился на инопланетянина. Из-за того, что все произошло не так, как он рассчитывал, его охватило глубокое разочарование. Вначале сслесоры услужливо покинули планету за час до начала операции, а теперь велки не захотели устанавливать на Земле свою власть. Итог был удовлетворительным, но то, как это случилось, сильно расстроило его.

— Но кто будет управлять Землей? — спросил Картер.

— Это решать вам. Теперь эта планета в руках ее жителей. С этого момента, мой друг, планета ваша — вы сами будете своими хранителями. Все зависит от вас.

Пятеро велков встали и покинули здание. Через окно Картер смотрел, как они возвращаются в корабль на странно изогнутых ногах, размахивая щупальцами.

Ономодзе потер кончик носа длинным указательным пальцем.

— Ну, пусть я буду проклят, — тихонько сказал он.

20 июля 3027

ПРЕЗИДЕНТ Джослин Картер нацарапал свою подпись на еще одном документе и сунул его в щель приемного аппарата.

— Я не понимаю тебя, — заметил Ономодзе.

— Я сказал, что так мы ни к чему не придем, поэтому нужно что-то менять, — ответил Картер. — К несчастью, ты единственный человек, кому я доверяю достаточно, чтобы все рассказывать, и при этом ты словно перестал понимать, что я говорю.

— Постой, Джослин. Я слышал, что ты сказал. А теперь объясни все словами, состоящими не больше, чем из трех слогов, чтобы даже такой балбес, как я, понял, что крутится в твоем великом разуме.

Картер постучал пальцем по столу.

— Послушай: человечество — потенциально, самая мощная и самая опасная из трех рас в галактике, о существовании которых нам известно.

— С чего ты это взял? — спросил Ономодзе.

— С того, как ведут себя сслесоры и велки! Картер махнул рукой в направлении неба. — Келвин, пока этого не произошло, я не понимал, насколько глупы обе эти расы. Мы мирились с правлением сслесоров так долго, что привыкли к этому, мы никогда не оспаривали их приказы, потому что они отучили нас от этого... почти. Единственная причина, по которой им удалось захватить Землю, это потому, что тысячу лет назад мы были очень слабы. Тысяча лет — долгий срок, за это время сслесоры так одряхлели, что велки, как и любая

другая молодая раса, смогли победить их. Затем пришли наши друзья велки. Можешь представить себе уровень их глупости, раз они решили оставить без присмотра такую потенциально опасную расу, как человечество? Сслесоры поддерживали статус-кво всякий раз, когда это было возможно. За десять известных нам веков они не изменились – а, вероятно, и за гораздо больший срок. Это доказывает то, что их цивилизация в упадке. Что касается велков, они тоже кажутся не очень умными. И обе стороны ведут межзвездную войну так, словно это шахматы. Если бы нам выпал второй шанс, за тысячу лет мы бы победили и тех и других – вероятно, даже за гораздо меньший период. Со временем мы бы разгадали секрет двигателя, установленного на «Суизиссе». По планете разбросано множество подсказок. Просто пока мы их не видим, вот и все. А когда увидим, то окажемся на одном уровне со слесорами и велками, и могу спорить, что через некоторое время мы превзойдем их. Но...

Но прямо сейчас мы никого не можем заставить что-либо сделать! Все тянут одеяло на себя. С таким же успехом мы можем бросать наши распоряжения в мусорную корзину сразу после их выхода. И, поскольку морская пехота Соединенных Штатов больше не тайное общество, многие покинули ее ряды. Теперь она мало кого интересует.

Лицо Ономодзе было необычно мрачным.

– Я нечасто слышу от тебя такие слова, Джослин.

– Знаю. Но меня только сейчас охватили подозрения. Ну, и что нам, черт побери, делать?

12 октября 3027

ГУБЕРНАТОР БРИТАНСКИХ островов объявил, что, раз морская пехота Соединенных Штатов доказала, что старые методы управления до сих пор отлично работают, пора восстановить монархический строй, и назначил себя Королем Педро Первым.

Эта новость достигла Статен-Айленда вечером двенадцатого октября и сразу попала в руки майору Холлистеру. Он принес отчет генерал-лейтенанту Ономодзе, который выждал почти день, прежде чем осмелился показать его Картеру.

К этому времени Шотландия отделилась от Соединенного Королевства, а герцог Ирландии продолжал пристально наблюдать за ситуацией.

4 января 3028

— Я ПРИНЕС петицию от претендента на пост губернатора Мехико-сити, — доложил Ономодзе. — Он хочет, чтобы Земное Правительство восстановило его в законной должности.

Джослин Картер выхватил петицию из рук Ономодзе и разорвал ее на мелкие кусочки.

— Что ты ему ответил? — резко спросил он.

— Сказал, что, если два лейтенант-губернатора смогут сотрудничать достаточно долго, чтобы сместить нового губернатора, мы пошлем войска, если, конечно, войска выполнят приказ.

— Кончай улыбаться, как последний идиот! — рявкнул Картер. — Разве ты не понимаешь, что Земля разваливается на кусочки прямо у нас на глазах? С политической точки зрения, мы на уровне Европы десятого века.

— Я ничего не могу с собой поделать, — все еще улыбаясь, сказал Ономодзе. — Это смешно, хоть и очень трагично. Никто не выполняет ничьих приказов. «Кто ты такой, чтобы говорить мне, что делать? Ты такой же землянин, как и я». Скоро я и сам буду готов сдаться. Думаю, я стану Императором — звучит просто отлично. Император острова Южный Статен. Ты сможешь забрать себе северную часть.

— Аaaaa! Заткнись! — взревел Картер.

7 марта 3028

— ДЕЛО не в том, что мы не способны управлять планетой, — мрачно сказал Картер на восьмом и, вероятно, последнем месяце существования Временного Правительства. — Мы знаем, как это делать. Но народ не способен подчиняться.

— Мы должны были сразу понять это, Джослин, — сказал Ономодзе. — Надо было созвать всех региональных губернаторов и...

— Забудь об этом, — перебил Картер. — Сейчас уже поздно говорить мне, как стоило поступить. Даже если бы мы все сделали правильно, у нас бы ничего не вышло.

Он взглянул на Холлистера, только что вошедшего в кабинет.

— Что на этот раз?

— Мы потеряли Чикаго, — сообщил Холлистер. — Герцог Ричард выгнал наших солдат из города.

— Герцог Ричард, — повторил Картер, улыбнувшись против своей воли. — Герцог Ричард из Чикаго. А что, мне нравится, — сказал он.

— Вся чертова планета разделилась на герцогства, графства, земли помещиков и бог знает, что еще. И мы ничем не лучше, — то, что мы со смехом называем Временным Правительством — такое же герцогство, как и все остальное, только самое амбициозное.

Ономодзе развернул карту на столе.

— Вот, — сказал он. — Взгляните на эту шахматную доску. — Он указал на разноцветные точки, усеивающие карту, все они представляли собой города или районы, являющиеся крошечными независимыми королевствами, не подчиняющимися правительству Картера. — Пока все обстоит таким образом, мы можем продолжать смеяться, — сказал Ономодзе.

— Нет! — выпалил Картер. — Нет. Не смей считать это шуткой. Это настоящая трагедия, Келвин, даже более страшная, чем захват планеты сслесорами. Потому что мы снова предоставлены сами себе и все равно терпим неудачу.

— Прости, — сказал Ономодзе. — Я не хотел шутить на этот счет.

Картер встал и подошел к окну.

— Мы нигде не ошиблись, — сказал он. — Мы все сделали правильно. Когда велики улетели, мы взяли власть в свои руки и объявили, что морская пехота Соединенных Штатов теперь и есть новое Земное Правительство. Затем мы создали административный аппарат.

— Вот тут у нас, — сказал Холлистер, махнув рукой на скрепленную копию конституции, предложенной Картером, — свод законов, который должен принять народ. Только вот никто не хочет его принимать.

— Мы тут ни при чем, — сказал Ономодзе. — У нас есть прирожденный лидер Джослин. Он знает, что и как надо делать. Но это как в покере, когда у одного флэш-рояль, а все остальные сбросили карты еще до того, как он успел сделать ставку. Наш флэш-рояль — это Джослин, но, чтобы сыграть, у одного из противников тоже должна быть какая-нибудь хорошая комбинация. Нельзя заставить людей принять наше правительство.

— Это не наша вина, — сказал Картер. — Все эти графы и герцоги скоро поймут то же, что и я.

— Что они поймут?

— Послушай, сслесоры правили нами почти тысячу лет, говоря, что нам делать на каждом шагу, — сказал Картер. — Мы стали зависеть от них — так сильно, что теперь все земляне убеждены, что Землей могут править только великодушные рептилии с другой планеты. Сслесоры так хорошо справлялись с задачей, что наш народ уже не верит, что мы можем править не хуже. Все герцоги и графы скоро поймут это. Так же, как они отказались слушаться нас, поданные перестанут выполнять их приказания, что, кстати, уже началось. Герцогства будут постоянно разделяться на все более мелкие. Наш друг герцог Ричард из Чикаго через месяц окажется герцогом восьми-девятыми кварталов, а затем и одного.

— Это значит, нас ждет анархия, — сказал Ономодзе.

— Все верно, — сказал Картер. — Когда у людей окончательно снесет крышу, надо быть готовыми бежать отсюда.

Глава пятая

20 марта 3028

СПУСТЯ НЕСКОЛЬКО недель все стало гораздо хуже. Нью-Йорк превратился в поле разрозненных боев за Статен-Айленд между графом Манхэттена и Повелителем Восточного Бруклина. Картер с Временным Правительством укрылись в здании администрации сслесоров, с тревогой ожидая развязки и пытаясь понять, какая группировка доберется до них первой.

О претензиях на господство над всеми землянами пришлось забыть. Временное Правительство было мертворожденным, потому что население планеты не могло принять то, что земляне были способны успешно занять место сслесоров. Картер никогда не обладал контролем над местными правительствами.

— Позвать сслесоров будет не худшим вариантом, — сказал Картер.
— Нас ждет славная война, где все будут сражаться против всех, не понимая, за что умирают.

— Вернуть сслесоров мы уже не сможем, — заметил Ономодзе. — А велкам не до нас. Так что мы сами по себе.

— Ну, по крайней мере, с этой задачей мы справились, — с горечью сказал Картер. — И быстро возвращаемся в средневековье. Но мы не можем опустить руки! — внезапно воскликнул он с яростью.

— Почему же? — настойчиво спросил Ономодзе. — Для нас уже все кончено. У нас была возможность сделать Землю лучше, но мы все испортили. Теперь можно расслабиться и наблюдать за фейерверком.

— Вот как раз этого нам нельзя делать, — выпалил Картер. — Только мы способны привести Землю в порядок, ты, я и командование морской пехоты. Мы знали это еще до того, как сслесоры покинули планету. Мы все еще можем исправить ситуацию.

— Но нас никто не станет слушать, — возразил Ономодзе.
— Кажется, у меня есть одна идея. — Картер какое-то время помолчал. — Давай-ка начнем сначала, — предложил он. — Надо все проанализировать еще раз.

1 апреля 3028

ПРАВИТЕЛЬСТВО КАРТЕРА было формально распущено неделю спустя. Разумеется, особого смысла это не имело, но, по крайней мере, именно так нужно было действовать в соответствии с протоколом. Эта новость вызвала ликование сотен тысяч местных правителей.

Когда прилетели кумиши, на Земле официально господствовала анархия.

Их огромный блестящий корабль без предупреждения сел на Статен-Айленде, на огромной площади перед руинами здания администрации сслесоров. Умело заложенная бомба сравняла с землей штаб-квартиры, как сслесоров, так и Временного Правительства, но Картер и его команда заблаговременно где-то укрылись.

Таким образом, только горстка землян, привлеченная видом корабля, садящегося на Статен-Айленд, стала очевидцами появления кумишей.

Кумиши были высокими, крепко сложенными инопланетянами с зеленою шерстью, тонкими фиолетовыми губами и сверкающими глазами. На уставших от войны землян они произвели гораздо большее впечатление, чем ящероподобные сслесоры или трудноописуемые велки.

Кумиши вышли из корабля и, не обращая внимания на пару десятков любопытствующих землян, спокойно занялись делом и соорудили какой-то сложный, непонятный аппарат высотой в два с половиной метра. Затем самый высокий и самый величественный инопланетянин подошел к аппарату и заговорил в него на незнакомом языке.

— Народ Земли, — перевела машина речь кумиша для уже весьма большой и заинтересованной толпы землян. — Ваши беды закончились. Мы прибыли с другой звезды, чтобы помочь вам.

После такого смелого заявления, толпу охватили тревожные шепотки. Затем глава кумишей объяснил, что машина называется переводчиком мыслей, преобразующим язык кумишей на английский и наоборот, затем потребовал, чтобы ему привели лидеров местных правительств.

Когда новости дошли до герцога нижнего Манхэттена и императора Астории, они начали переговоры. В конце концов, правители решили встретиться с лидером инопланетян вместе.

— Меня зовут Терраг Броз, — представилась огромная фигура, покрытая зеленою шерстью, когда герцог с императором пришли на встречу. — Ожидая вас, я успел подучить ваш язык — удивительно грубый, должен заметить.

Император представил герцога, затем себя.

— Я так понимаю, вы правите этой областью, — сказал Броз.

Император с герцогом кивнули.

— Могу я поинтересоваться, сколько подданных в вашем распоряжении?

Двое правителей обменялись встревоженными взглядами. За последние недели их сферы владения уменьшились в несколько раз. Когда император Астории вышел из состава Квинса, он мог похвастаться четырьмя тысячами верных подданных. Но когда образовалось Свободное Государство Лонг-Айленда, это число несколько

уменьшилось, а республика Внутренней Астории продолжила начатое. Герцог Нижнего Манхэттена столкнулся с похожей ситуацией.

— Ваше молчание подсказывает мне, — сказал кумищ, — что в последнее время вам приходилось нелегко. Короче говоря, со временем внезапного и, я бы сказал, нежеланного освобождения, ваша планета быстро скатывается в полную анархию.

— Все совсем не так! — начал герцог, но император толкнул его локтем, и он замолчал.

— Это правда, — признал правитель Нижнего Манхэттена, низкий, седоволосый мужчина с короткой стрижкой, какое-то время проработавший управляющим при правительстве сслесоров. — Осмелюсь предположить, сэр, что через пару лет у меня останется только один подданный — и то, если повезет. Причем этим подданным буду я сам. Сейчас все хотят быть королями, — вздохнув, сказал он.

— Совершенно верно, — широко улыбнулся кумищ. — Именно поэтому мы и прибыли. Мы предлагаем вам сильное, эффективное правительство, централизованное управление и объединенную планету. Поддержите нас, и мы позаботимся о том, чтобы вы оказались в верхних эшелонах власти, — разумеется, не выше, чем будет вообще позволено землянам.

Пошептавшись, двое правителей согласились признать власть кумишей.

К наступлению ночи, в руках у кумишей был весь Нью-Йорк за исключением непокорной части Бронкса.

Через неделю их уже провозглашали спасителями Соединенных Штатов, пока герцоги, один за другим, добровольно уходили со своих постов, принесших им сплошные неприятности.

Спустя два месяца, земляне полностью передали потрепанную планету кумишам. Даже самые упрямые поняли, что лучше подчиняться великодушным инопланетянам, чем воевать друг с другом. Вообще, большинство землян и не сомневалось в этом.

Быстро шла работа над возведением огромной центральной штаб-квартиры новых правителей Земли.

С тех пор, как сслесоры неожиданно покинули Землю, сюда впервые вернулось здравомыслие.

11 мая 3035

ОРВИД КЕМРОН свирепо уставился на Террага Броза.

— Ну, ладно, — сказал он. — Вы воспользовались моментом и завладели Землей. Вы дождались, пока Временное Правительство не настиг полный провал, и Земля не погрузилась в хаос. Все эти овцы... — Он сделал всеобъемлющий жест, — ...были безумно этому рады. Они думали, что земляне могут выжить только, если ими будет

править горстка галактических повелителей. Причем неважно, какая именно.

— И вы восстали, — сказал Броз. — Так же, как Джослин Картер восстал — или попытался восстать — против сслесоров. Но даже если бы Картеру действительно удалось свергнуть правительство сслесоров, произошло бы то же самое. Земля не была готова — как, впрочем, и сейчас — к тому, чтобы управлять собой самостоятельно после такого долгого периода беспрекословного подчинения. Дело не в том, что население лишилось отваги и энергии, просто оно почти тысячу лет полагалось на внешнее правительство и забыло, как существовать без него. Словно полный сил, потенциально гениальный ребенок внезапно лишился родительской опеки и стал вынужден присматривать за собой сам, так и человеческая раса перестала понимать, как жить самостоятельно, — закончил Броз.

— А что, если бы наше восстание прошло успешно? — спросил Кемрон.

— Случилось бы тоже самое, — ответил предводитель кумишей. — Землю снова охватила бы анархия. Я определенно согласен с тем, что, со временем, человечество вернуло бы утраченные позиции, но, возможно, это случилось бы слишком поздно. Зачем тратить тысячу лет, чтобы заново обрести то, что у нас есть сейчас?

Кемрон закрыл глаза и потер переносицу большим и указательным пальцем.

— Кажется, это значит, что земляне уже никогда не смогут править своей планетой, — медленно сказал он. — А еще то, что меня пристрелят.

— И то и другое неверно, — улыбнулся Броз. — Земляне будут править самостоятельно. И мы уж точно не причиним вам вреда. Вы нужны нам, как и все те, кто хочет сделать Землю единой. Но, как вы сами заметили, еще слишком рано для восстания.

— Слишком рано?

— Именно так, — кивнул кумиш. — Как и Джослин Картер, вы подняли бунт, не имея поддержки всего населения. Один только Картер со своей морской пехотой ненавидел сслесоров. Только вы и ваше движение ненавидите нас. Вы делаете ту же ошибку, что и Картер, вот почему мы вытащили вас из постели посреди ночи. Завтра у вас бы не получилось прогнать нас с планеты. Подождите, пока не наступит подходящий момент — затем нападайте.

— Я не понимаю, — сказал Кемрон, его мысли растерянно заметались.

— Все очень просто, — продолжал Броз. — Если мы заставим остальное человечество ненавидеть нас, оно будет готово беззазетно следовать за лидером группы, изгнавшей нас с планеты. Вы понимаете меня?

— Да, — поколебавшись, ответил Кемрон. — Да, кажется, я вас понимаю, но зачем вам это нужно? Почему вы хотите, чтобы вас изгнали? Разве вы не желаете править Землей? Я поступил бы не очень разумно, поверив в то, что кумишиами движет лишь один альтруизм.

Терраг Броз ухмыльнулся.

— Я рад, что не переоценил вас. Вы... — Дверь в кабинет открылась, и он замолчал.

Кемрон услышал за собой шаги. К столу Броза подошел еще один кумиши и положил пачку бумаг на твердую, блестящую поверхность.

— Что там насчет альтруизма нашей расы? — с улыбкой спросил вошедший.

Броз посмотрел на Кемрона.

— Думаю, вы знаете нашего вице-управляющего Накомона Горника?

Кемрон рассеянно кивнул, взглянув сначала на одного, потом на другого.

— Уверяю вас, — сказал Броз, — наша раса наименее альтруистичная — в этом смысле — среди всех трех рас, о существовании которых нам известно. И, тем не менее, если так можно выразиться, мы...

Он не успел закончить. Кемрон вскочил на ноги, и, как ни странно, автоматика не пристрелила его.

— Три расы! Вы! Я понял! Я все понял! — Он хлопнул себя по лбу ладонью. — Боже мой! Почему я раньше не догадался? Почему до сих пор никто этого не понял?

— Потому что никто не мог этого представить, — объяснил Броз.

— Люди были не в состоянии, — добавил Горник. — Они даже не могли заставить себя признать, что существует такая возможность.

— Кто вы такой? — резко спросил Кемрон.

— Я Джослин Картер, — ответило существо с зеленым мехом. — А это Келвин Ономодзе.

КЕМРОН КИВНУЛ.

— Но к чему этот безумный маскарад?

— Тут нет ничего безумного, — ответил Броз-Картер. — Это самое разумное из всего, что мы сделали. Мои предыдущие действия были основаны на ложной предпосылке, что одна решительная, способная группа людей при умелом руководстве может управлять Землей. Я ошибся. Тысяча лет правления сслесоров позаботилась об этом. То, что мы пытаемся сделать, займет тридцать лет переобучения. Чтобы свести на нет анархические тенденции землян, нужно было сделать очевидное: самим стать инопланетянами. Чтобы хорошо править, нам пришлось дать Земле то, что ей хотелось.

— Понятно, — сказал Кемрон. — Ловко придумано. Но если земляне, как вы говорите, не способны управлять планетой самостоятельно, с

чего вы взяли, что когда-нибудь у них это получится? Разве не может быть так, что, со временем, все станет только хуже?

— Нет, это невозможно, — покачал головой Броз-Картер. — То, что анархия чуть не покончила с нами, отлично доказывает это. Если бы наша раса действительно была в упадке, то мы с легкостью правили бы планетой. Даже сейчас различия между отдельными группами позволяют им ссориться друг с другом. И это обнадеживает.

— Зачем же вы мне все рассказали? Как я вписываюсь в эту картину? — спросил Кемрон.

— С одной стороны, чтобы обеспечить себе безопасность, — признался Картер. — Мы не хотим погибать от рук бунтовщиков. С другой стороны, чтобы восстание удалось, нужно тесное сотрудничество между лидерами обеих фракций. С кумищами во главе все идет очень гладко. Мы восстановили порядок практически с нуля, но нам нужна помочь, чтобы поддерживать его. Никто, кроме вас, не знает, что мы всего лишь земляне, покрытые зеленым мехом. Но мы не хотим править Землей тысячу лет. Нас должны свергнуть — причем, чем быстрее, тем лучше. Но не прямо сейчас, а когда все население захочет этого. Все население, а не только небольшое подпольное движение, как ваше. Мы ждали вас, Орвид. Мы установили специальную ловушку, чтобы вовремя заметить подготовку к восстанию. Вам придется вырасти — создать международную организацию, чтобы свергнуть нас. Выгоните нас со своей планеты! Заставьте нас собирать вещички! Но не сейчас. А только, когда наберетесь сил. Хотя это будет нескоро.

— Я чувствую себя так, словно нахожусь в рушащемся здании, — сказал Кемрон.

— То же самое было и со мной, — признался Картер. — Первый раз, когда сслесоры неожиданно покинули Землю, затем, когда велки сказали, что не будут вмешиваться в нашу политику, и, наконец, когда Временное Правительство оказалось совершенно недееспособным. Я очень надеюсь, что это чувство вернется ко мне — уже в другом виде — когда Орвид Кемрон ворвется в это здание с армией землян за спиной и скажет, что теперь он тут главный.

— Сколько же мне ждать? — спросил Кемрон с заблестевшими глазами. — Когда начинать?

— В соответствии с моими расчетами, лет через тридцать. Тянуть дольше мы не смеем.

— К чему такая спешка? — внезапно нахмутившись, спросил Кемрон.

Зеленое лицо Картер помрачнело.

— Велки, — ответил он. — Они обещали вернуться. Кроме того, существует возможность, что сслесоры обратно отвоюют эту часть галактики. А, может, сюда прилетит еще одна раса. Человечество

никогда не летало на другие звезды, и похоже на то, что нас ждет чертовски много сражений, если мы все-таки попробуем выбраться за пределы нашей системы. Я не думаю, что нас кто-то сможет победить, если мы объединимся и будем добиваться цели сообща. Если у нас будет все необходимое, мы победим. — Картер указал пальцем на Кемрона, чтобы подчеркнуть свою мысль. — Но помоги нам Бог, если, когда прибудут велки или кто-нибудь еще, мы окажемся в том же состоянии беспомощности, что и тысячу лет назад.

— Что мне делать? — спросил Кемрон.

— Возвращайтесь домой и выспитесь, — ответил Картер. — Позже мы свяжемся с вами, чтобы составить план первой фазы. А теперь уходите. Охрана отведет вас домой.

— Ладно... Джослин. — Кемрон встал. — Но прежде мне надо будет поговорить с вами еще раз.

Он развернулся и пошел к двери. Картер посмотрел ему вслед.

— Я думаю, он справится с задачей, — сказал он после того, как дверь закрылась.

— Надеюсь, что так, — ответил Ономодзе. — Я бы с радостью снял этот костюм.

— Не беспокойся. Если я не ошибся в Орвиде Кемроне, скоро он отправит нас обратно на Кум, где бы это место ни находилось.

— Ты в этом уверен?

— Уверен, — ответил Картер. — Когда мы выполним нашу работу, Кемрона будет поддерживать большая часть землян. И они захотят содрать с нас шкуру.

Ономодзе взглянул на свою зеленую руку.

— Хоть бы они поторопились, — вздохнул он.

*Secret of the green invaders, (Science Fiction Adventures, 1956 № 12),
пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим*

BUDRYS • CHANDLER • SILLETTO

INFINITY

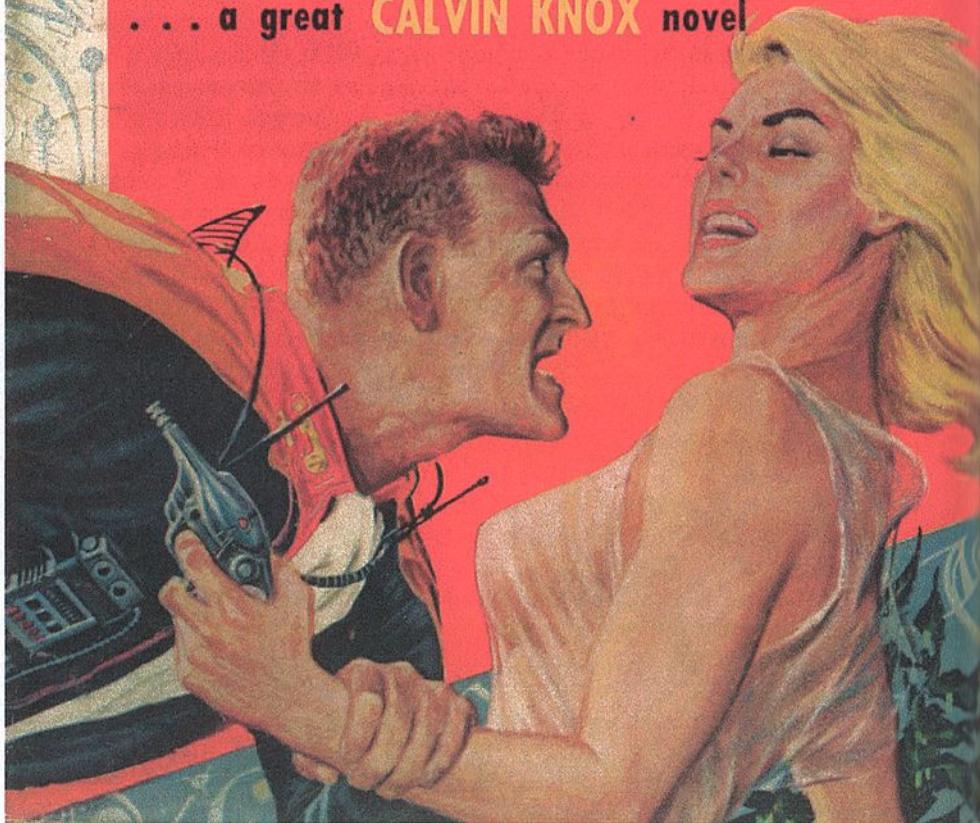
OCT.

35¢

PDC

WAS SHE A WOMAN—
OR A MONSTER?

... a great **CALVIN KNOX** novel

ТИХИЕ ЗАХВАТЧИКИ

(Под псевд. Келвин М. Нокс)

ГЛАВА I

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ «Леди Удача», грохоча, выключил двигатели в полутора миллионах километров от Земли и начал длительный полет по инерции к орбитальной станции. Как раз в это время в каюте второго класса звездолета человек, в документах которого говорилось, что он майор Абнер Харрис из Межзвездного Корпуса Реконструирования, изучал свое лицо в зеркале. Он в сотый раз хотел удостовериться, что под носом у него не осталось ни малейшего следа усиков.

Он улыбнулся, и эта улыбка на миг преобразила его неприметное лицо, уголки губ приподнялись, щеки втянулись, на миг блеснули белые зубы. Майор Харрис нахмурился, и лицо его вновь помрачнело.

Все было прекрасно. Синтетическая кожа вела себя так, словно была натуральной. Хирурги на Дарруу превосходно знали свое дело.

Они удалили мясистые усики десятисантиметровой длины, растущие на висках даррууан, и покрыли его золотистую кожу белой синтетикой, приживив ее так умело, что к настоящему времени она стала совсем как настоящая. Контактные линзы превратили его глаза из красных в голубовато-серые. Гормональные лечения заставили волосы расти на голове и теле, где прежде не было ни волоска. Во внутреннее строение врачи не полезли, так что он остался с инопланетным дарруунским пищеварительным органом, и там, где у землян был невероятно длинный кишечник, у него сохранилось двойное сердце и печень, прикрепленная к задней стенке тройных легких.

Так что внутри он остался чужаком, инопланетянином. Внутри черепа он оставался Аарон Кийломом из города Хелесз-а-Даррууи, причем из самой высокой касты, Слуг Духа. Но внешне никто бы не отличил его от майора Абнера Харриса. И биографию майора Харриса он выучил назубок.

Родился в 2520-м году, в Цинциннати, штат Огайо, США, планета Земля. С пользой прожил сорок два года при средней продолжительности жизни в сотню лет. Учился в Западном Университете Резервистов, специализировался на галактографии. Зачислен в Межзвездный Корпус Реконструирования в 46-м, рос по службе, теперь дослужился до майора. Участвовал в миссиях к Альтайру VII,

Сириусу IX, Проциону II, Альферазу IV. В браке не состоит. Родители погибли во время магистральной аварии в 44-м, нет никаких известных родственников. Рост метр семьдесят, вес 100 килограммов, волосы крашены, сетчатка глаза с индексной точкой О-3.

На Землю майор Харрис летит в отпуск. Он должен провести на Земле восемь месяцев перед тем, как получит перевод по службе на следующий планетный объект.

Восьми месяцев, подумал тот, кто называл себя майором Харрисом, вполне достаточно для майора Харриса, чтобы затеряться в миллиардах земного населения и выполнить задание, для которого был отправлен сюда.

«ЛЕДИ УДАЧА» готовилась к окончанию рейса. Харрис появился на ее борту на Альферазе IV, будучи доставленным туда частным подпространственным кораблем Дарруу. За прошедшие три недели полета, пока огромное судно летело в гладком сером туннеле в подпространстве, Харрис привыкал к земному тяготению.

Дарруу был большой планетой — радиусом в 10 000 километров, — и хотя плотность его была меньше, чем у Земли, тяготение все равно было больше на пятьдесят процентов земного. Выходит, на Дарруу оно составляло 1,5 земного. Или, как думал Харрис в те времена, когда мысли его сосредотачивались на не Земле, а на Дарруу, сила тяжести на Земле была 0,67 от дарруунормы. Но в любом случае это означало, что его мышцам придется действовать в гравитационном поле на треть меньше, чем то, для которого они были предназначены. Разумеется, свою неловкость он мог оправдывать тем, что большую часть жизни провел на планетах с повышенной силой тяжести.

Но это было плохое оправдание. Сколько бы времени землянин ни провел в тяжелом мире, он не может совершенно отвыкнуть от гравитации родной планеты. И Харрис должен был научиться этому. И он старательно учился все три недели, пока корабль летел к Солнечной системе.

THE SILENT INVADERS

By CALVIN M. KNOX

Even a perfect disguise creates problems for its wearer. How, for one thing, can he be sure anyone else is what he seems?

Illustrated by ED EMSH

А теперь полет подошел к концу. Оставалось только перейти из корабля в орбитальный шаттл, и он мог начинать свою жизнь в качестве землянина.

Земля за иллюминатором висела, казалось, в двадцати шагах от Харриса. Он, не отрываясь, смотрел на нее. Большой зеленоватый шар с двумя большими континентами на этом полуширье и континентальным массивом на обратном, гигантская Луна, медленно плавущая вокруг нее, вечно уставившись одним рябым полуширем на планету, а другое устремив в космос.

Вид всего этого заставил Харриса испытать тоску по дому.

Дарруу была совсем иной. Из космоса Дарруу казалась гигантским красным плодом, покрытым темно-багровым туманом, наполнившим верхние слои его атмосферы. Сквозь этот туман можно было различить большие синие моря и два огромных континента, Дарраа и Дарроо.

И Луны, — с ностальгической тоской подумал Харрис. Семь сияющих лун, висящих в небе, точно монетки, каждая под своим углом к эклиптике, каждая занимает свое место на небе по ночам, точно

драгоценные камешки в часовом механизме. А Слияние Лун, когда все семь раз в год они объединяются в одну сверкающую диадему, заполняющую полнеба...

Он сердито отбросил эти мысли.

Сейчас ты землянин. И будь землянином ради блага Дарруу.

— Дамы и господа, пожалуйста, займите свои каюты, — раздался голос из динамика. — Через одиннадцать минут мы уже будем в глав-

ном космическом вокзале. Пассажиры, сходящие здесь, пожалуйста, предупредите обслуживающих вас стюардов.

Харрис вернулся к себе в каюту, а голос продолжал повторять свое сообщение на других языках. Земля все еще говорила на десятке с лишним главных языков, что удивляло его: на Дарруу больше трех тысяч лет назад был установлен лишь один язык.

Наконец, минули обещанные минуты, и голос из динамика сообщил, что «Леди Удача» закончила перелет и пришвартовалась к орбитальному спутнику, который и назывался вокзалом. Харрис покинул свою каюту и спустился по пандусу на Палубу Д, где собирались выходящие пассажиры.

— Сейчас будет доставлен ваш багаж. Не волнуйтесь об этом.

Харрис кивнул. Багаж был важен для него.

Здесь покидали корабль более трехсот пассажиров. Вместе с остальными Харрис прошел в воздушный шлюз. Снаружи висели десятки неуклюжих на вид космических паромов, соединенных с межзвездным лайнером соединительными шлангами-коридорами. Харрис прошел в колеблющуюся трубу, миновал ее и нашел себе место на пароме. Через несколько минут он повторил этот процесс, когда паром разгружал своих пассажиров в основной шлюз Орбитальной Станции Номер Один.

— Уважаемые пассажиры «Леди Удачи», пожалуйста, пройдите к Маршрутному Каналу Четыре, — раздался из динамиков уже другой голос. — Пассажиры, совершающие пересадку на другой звездолет, должны немедленно подойти к ближайшей стойке.

При входе в Маршрутный Канал Четыре у Харриса попросили проездные документы. Он передал небольшую дермантиновую папку. Служащий космодрома сонно пролистал документы и молча вернул папку.

Когда Харрис сел в шаттл, спускающийся на Землю, привлекательная бортпроводница вручила ему красиво напечатанный листок, содержащий общую информацию, которая может потребоваться туриstu. Харрис быстро просмотрел его.

«*Орбитальная Станция располагается в восемидесяти тысячах километров от Земли. Она постоянно находится в одной и той же точке над Кито, Эквадором, Южная Америка. За год Орбитальная Станция обслуживает около 8 500 000 путешественников...*»

Харрис дочитал листок и убрал в карман. Потом принялся внимательно, но незаметно рассматривать своих попутчиков в шаттле. Их было около пятидесяти.

Харрис знал, что пятеро из них являются замаскированными дарруанами, как и он сам. Но они могли быть и медлиннанами — врачами. А, может, он вообще окружен агентами земной разведки, уже раскусившими его маскировку.

Причины для тревоги окружали его со всех сторон. Но Харрис испытывал в душе спокойствие, которое нарушали лишь слабые уколы ностальгии по Дарруу, но это уж, Харрис знал, никогда не исчезнет.

Шаттл летел вниз по крутой траектории. Разумеется, на борту поддерживалась искусственная гравитация. Земля приближалась, приближалась...

И вот наступил момент посадки.

ТРИДЦАТЬ СЕКУНД шаттл висел над посадочной площадкой, а затем появился порталный подъемный кран и окружил его со всех сторон опорами.

— Уважаемые пассажиры, — сказал голос стюардессы, — пожалуйста, пройдите в воздушный шлюз.

Харрис прошел вместе со всеми. Снаружи на поле стоял зеленый автобус, и пятьдесят усталых пассажиров заполнили его. Харрис занял место у окна и внутренне содрогнулся, увидев за окном огромное поле. В синем небе висело желтое солнце. Воздух оказался прохладным, Харрис задрожал и поплотнее закутался в плащ.

— Холодно? — спросил человек, сидящий рядом с ним.

— Немного.

— Странно. Скорее уж, можно было подумать, что все будут наслаждаться таким прекрасным весенним деньком.

— Последние десять лет я провел на довольно жарких мирах, — усмехнулся Харрис. — Так что теперь при температуре меньше тридцати пяти я уже начинаю дрожать.

Спутник его хихикнул.

— А сейчас не больше двадцати восьми.

— Ничего, я скоро привыкну, — сказал Харрис. — Рожденный земянином, землянином остается навсегда.

И он напомнил себе, что нужно немного скорректировать термостатику тела. Под кожу у него были вмонтированы миниатюрные нагреватели и охладители — одна из полезных модификаций, какими снабдили его хирурги.

Средняя температура на Дарруу была в земном исчислении около восьмидесяти градусов. Когда же она падала до сорока, даррууане проклинали чертову холодрыгу, выражаясь земными языками. Сейчас же на улице было еще меньше, поэтому он и дрожал. В дороге ему предстояло провести большую часть дня, пока он не сможет оставаться один и произвести перенастройку. Окружающие же земляне, казалось, потели, им явно было жарковато.

Наконец, все расселись, и автобус двинулся через поле к высокому куполообразному зданию, блестящему сталью и ярко-зеленым пластиком.

— Первая остановка — таможня, — сказал водитель. — Пожалуйста, приготовьте документы...

Багаж уже ждал Харриса в таможне на стойке. Он состоял из двух чемоданов с секретными топологическими отделениями. Харрис отдал паспорт и, по просьбе таможенника, нажал на замочки чемоданов. Крышки чемоданов открылись. Таможенник пошарился в них для проформы.

— Будете что-нибудь заявлять? — спросил он.

— Ничего, — ответил Харрис.

— Хорошо. Можете закрывать.

Харрис закрыл чемоданы, и таможенник на секунду коснулся их штеппелем. Штемпель не оставил никаких видимых отпечатков, но фотонные сканеры у всех дверей будут улавливать излучение и не пропустят ничего без штампа.

— Следующая остановка — Центр Иммиграции, — заявил в автобусе водитель.

В Иммиграции быстро просмотрели паспорт Харриса, отметили, что он государственный служащий, и послали его в медкабинет. Здесь Харрис пережил неприятный момент. Одного из пятидесяти пассажиров звездолета должны были задержать на всестороннюю медпреверку, и если бы выбор пал на него, игра бы тут и закончилась. Десяти секунд перед флюоропископом хватило бы медикам, чтобы понять, что никто с такой скелетной структурой не мог родиться в Цинциннати, штата Огайо.

Но Харриса направили только на внешний осмотр. За последним столиком в его паспорт поставили возвратную визу.

— Давно не бывали на Земле, майор? — спросил его клерк.

— Да лет десять, — ответил Харрис. — Надеюсь, здесь все не слишком изменилось?

— Женщины, во всяком случае, все те же, — усмехнулся клерк, положил бумаги в папку, а папку отдал Харрису. — Все в порядке. Теперь идите вперед, а затем в дверь слева.

Харрис поблагодарил его и пошел с чемоданами в обеих руках. Месяц назад, в начале пути, чемоданы казались ему тяжелыми. Но то было на Дарруу, здесь же они весили на треть меньше, и Харрис небрежно помахивал ими на ходу.

На Дарруу тоже скоро будет весна, подумал он. Расцветут краснолистственные деревья хазаар, и воздух наполнит их невыразимый аромат...

Внутренне нахмутившись, он постарался выбросить эти мысли из головы. Майор Абнер Харрис, уроженец Цинциннати, прибыл на Землю на восьмимесячный отпуск и слыхом не слыхивал ни о каких ароматах деревьев хазаар.

Он прекрасно помнил свое задание. Он должен был *важиться*, не раскрыть себя, и на вторую неделю своего пребывания вступить в контакт с главным агентом Дарруу на Земле. Дальнейшие инструкции Харрис получит уже от него.

ГЛАВА II

ИЗ ПРИГОРОДА, где располагался космопорт, гели-такси за двадцать минут домчало его до города. Отсчитывая земные купюры, словно пользовался ими всю жизнь, Харрис расплатился с водителем, добавил на чай и вышел. Его доставили в центр города, в отель «Космические пути». Подобный отель был неподалеку от космопорта на любой заселенной планете Галактики. Ими владели «Космолинии», и предназначались они для путешествующих, которым негде было остановиться на планете назначения.

Харрис зарегистрировался и получил номер на 58-м этаже.

— Вы же не возражаете против верхних этажей, майор? — спросил землянин за стойкой в вестибюле.

— Нисколько.

В номере он расплатился с мальчиком, который донес его вещи, заслужил «большое спасибо» и запер дверь. Впервые с отлета с Дарруу он остался *совершенно один*. Открыв чемоданы, он выполнил сложную комбинацию нажатий на определенные места, и получил доступ к секретным отделениям. Удивительным образом чемоданы увеличились почти вдвое, по сравнению с их прежним объемом. Если хотите что-то скрыть от бдительных глаз таможенников, проще всего спрятать нужное в четырехмерных отделениях.

Харрис приняллся деловито распаковывать вещи.

Первой было маленькое устройство, которое нужно было аккуратно и незаметно прикрепить к внутренней филенке двери. Это был генератор помех против «жучков», который обеспечивал конфиденциальность.

Затем пистолет-подрывник. Его Харрис сунул в карман пиджака. Несколько книг, фляжка вина с Дарруу, фотография его материнского дерева. Все эти вещи не увеличивали риск его обнаружения, но если бы его раскрыли, то они послужили бы лишними доказательствами его истинного происхождения.

Например, подпространственная рация. Или узколучевой усилиель, при помощи которого он будет общаться с другими агентами Дарруу на Земле.

Закончив распаковывать вещи, Харрис сложил чемоданы обратно в трехмерное состояние и взял крошечный скальпель из набора инструментов, который тоже достал из чемодана. Быстро сняв брюки, он нащупал участок на бедре, лишенный чувствительности, вскрыл

его, осмотрел сеточку серебряных нитей, находящуюся под кожей, и тремя осторожными движениями изменил терmostатическое управление в теле.

Еще пару секунд он дрожал, затем почувствовал, как по телу разливается тепло. Закрыв разрез, он заклеил его *нупластом*, и через несколько секунд разрез исчез, не осталось ни малейшего шрама.

Тогда Харрис надел брюки и осмотрел свой номер. Комната была в десять квадратных метров, с кроватью, столиком, комодом и платяным шкафом. Кондиционер вмонтирован в потолок. Ровное зеленоватое электролюминесцентное освещение. Овальное окно с панелью управления поляризацией стекла. Молекулярная ванна и умывальник. Неплохо за двадцать стелларов в неделю, сказал он себе, пытаясь мыслить как, как мог бы землянин.

Календарь в номере подсказал ему, что сейчас 17.30, 22 мая 2562 года. Предполагалось, что он не станет вступать в контакт с Центром, по крайней мере, дней десять. Значит, не раньше первой недели июня, тут же подсчитал он. А до тех пор он должен был просто играть роль землянина, проводящего свой отпуск.

Хирурги сделали некоторые изменения в его метаболизме, чтобы он чувствовал вкус еды и напитков землян, а так же мог переваривать углеводы, которые земляне так любили. Его хорошо подготовили к роли майора Абнера Харриса. У него было при себе пятьдесят тысяч стелларов, достаточно, чтобы продержаться весьма долгое время.

Харрис аккуратно настроил устройство на двери, которое не пустило бы злоумышленников, пока его не будет в номере. Любой вошедший получил бы удар электричеством. Затем он проверил будильник, убедился, что деньги при нем, и отомкнул дверь.

Дверь скользнула назад, и он вышел в коридор. И тут же кто-то, быстро идущий по коридору, налетел на него. Харрис почувствовал толчок мягкого тела.

Женщина!

В нем тут же вспыхнула реакция, в которой он опознал гнев, но он блокировал ее, прежде чем она разгорелась в полную силу. На Дарру женщину, толкнувшую Слугу Духа, ждала акустическая порка. Но здесь была не Дарру.

Харрис тут же припомнил одну фразу из своей идеологической обработки: *женщина поможет наладить вам сексуальные отношения на Земле!*

Хирурги изменили его метаболизм и в этой сфере, так что он стал способен чувствовать сексуальное желание к женщинам-землянкам. Теоретически, никто не мог бы ожидать, что замаскированные инопланетные агенты начнут крутить романы с землянами, так что это послужило бы дополнительным камуфляжем.

— Простите! — сказали Харрис и землянка одновременно.

Он вспомнил, как его учили, что подобные одновременные действия являются на Земле причиной для смеха. Поэтому он рассмеялся. Женщина тоже. Затем она сказала:

— Простите, что не заметила вас. Я бежала по коридору и не глядела по сторонам.

— Нет, это я виноват, — возразил Харрис.

Мужчины-земляне упрямы и галантны, говорили ему. Так что он продолжал:

— Я открыл дверь номера и вышел, точно слепой. Прошу меня извинить.

Женщина была высокой, ростом почти с него, с мягкими, блестящими, желтыми волосами и бледно-розовой кожей. Она носила черную, обтягивающую тело оболочку, оставляющую открытыми плечи и верхние полушария грудей. Харрис нашел ее привлекательной. Удивительно, подумал он. *Вот теперь я точно знаю, что меня изменили. У нее волосы на голове и огромные, выпуклые груди, и все равно, я испытываю к ней желание.*

— Ладно, это моя вина, а также ваша, — сказала она. — Так обычно и бывает, и не станем об этом спорить. Меня зовут Бет Болдуин.

— Майор Абнер Харрис, — сказал Харрис.

— Майор?

— Межзвездный Корпус Реконструирования.

— А-а, — сказала она. — Только что прибыли на Землю?

— В отпуск, — кивнул он. — Последней моей планетой был Альфераз IV. — Он улыбнулся и продолжал: — Глупо просто торчать в коридоре. Я как раз хотел спуститься вниз, чтобы поесть. Как вы насчет того, чтобы присоединиться ко мне?

На мгновение она заколебалась, но лишь на мгновение. Потом ее лицо прояснилось.

— Я согласна.

ОНИ СПУСТИЛИСЬ на грави-лифте и поели в ресторанчике на третьем этаже, оборудованном ленточными автоматическими конвейерами, доставляющими заказанные блюда к столикам. Часть его гипнотического обучения была направлена как раз на то, чтобы он ориентировался в подобных ситуациях, поэтому Харрис без труда заказал ужин на двоих и вино.

Девушка оказалась не застенчивой. Она рассказала ему, что работала на Ригеле XII и только вчера прилетела на Землю в командировку. Ей двадцать девять лет, в браке не состоит, коренная землянка, как и все, кто жил в системе Ригеля последние четыре года.

— А теперь расскажите о себе, — сказала она, потянувшись к графину с вином.

— Да нечего мне особенно-то рассказывать, — сказал Харрис. — Я просто скучный сотрудник МКР, сорок два года, и сегодня впервые за последние десять лет прилетел на Землю.

— Наверное, вам многое здесь кажется странным.

— Отчасти.

— А долго продлится ваш отпуск?

— Месяцев шесть-восемь, — пожал плечами Харрис. — Может быть больше, если я захочу. А вы когда возвращаетесь на Ригель?

Бет странно улыбнулась ему.

— Могу и вообще не возвращаться. Все зависит от того, найду ли я то, что ищу на Земле.

— И что же вы ищите?

Бет усмехнулась.

— Это уж мое дело, — сказала она.

— Простите.

— Да ладно, не извиняйтесь. Давайте лучше выпьем еще.

После того, как Харрис рассчитался — кстати, сумма была не маленькой, — они вышли на улицу и решили погулять. Улицы были переполнены, часы на здании вдалеке подсказали Харрису, что уже восьмой час вечера. Теперь, когда он отрегулировал управление подогревом тела, ему было тепло, незнакомые продукты и вино производили в желудке странное и чуть тошнотворное ощущение, хотя во время еды он наслаждался.

Девушка взяла его под руку и интимно пожала внутреннюю часть локтя. Харрис усмехнулся.

— Я боялся, что отпуск окажется ужасно одиноким, — сказал он.

— Я тоже. Но нельзя быть ужасно одинокими на планете с двадцатью миллиардами населения.

Они шли неторопливо. Посреди улицы труппа акробатов показывала номера, пользуясь нуль-гравами, увеличивающими их возможности. Харрис рассмеялся, бросил им монетку, и загорелая девушка помахала ему с вершины человеческой пирамиды.

Наступала ночь. Харрису казалось не совсем соответствующим прогуливаться под ручку с землянкой, с животом, набитым земной едой, да еще и наслаждаться этим.

Дарруу казалась теперь немыслимо далекой. До нее была тысяча сто световых лет от Земли, и звездочка была практически неразличима отсюда среди массы других звезд.

Но он знал, что она была. Только он ее не видел.

— Вы о чем-то волнуетесь, — сказала девушка.

— Это моя застенчивость, — ответил Харрис.

При этом он подумал: *рожденному Слугой Духа, мне было предрешено участвовать в миссии на Земле. Я могу никогда не вернуться на Дарруу.*

Небо совсем стемнело, пока они шли по тонкому золотому мосту через реку, в темной глубине которой мерцали бесчисленные точки света.

Они остановились и стали вместе смотреть на воду и на отраженные в ней звезды. Бет придвигнулась поближе к нему, теплота ее тела показалась ему приятной.

Тысяча сто световых лет до дома.

Зачем я здесь?

Ответ он знал. Во Вселенной формировался колоссальный конфликт. Предсказатели Дарруу заявили об этом, и центр конфликта был всего лишь в двухстах светолет от Дарруу. Дарруу предстояло схватиться со своим извечным противником, Медлином, и все миры во вселенной будут вынуждены принять ту или иную сторону.

Он был здесь в качестве посла. Земля считалась весьма могущественной силой во Вселенной, такой могущественной, что ее роль в будущем конфликте между Дарруу и Медлином может стать решающей. Дарруу хотела, чтобы земляне поддержали ее в этом конфликте. Эту поддержку и должен был обеспечить Харрис. Замаскированные агенты Дарруу на Земле должны были постепенно склонить общественное мнение этой планеты на сторону Дарруу и против Медлина — таков план был составлен для Харриса, точнее, для Аара Киилома, агента Дарруу.

Они гуляли еще час, затем вернулись к отелю. Теперь, установив отношения с землянкой, Харрис был уверен, что это отведет от него все подозрения.

— Что будем делать теперь? — спросил он.

— Может, возьмем бутылочку чего-нибудь и устроим вечеринку в своем номере? — предложила Бет.

— Моя комната в ужасном беспорядке, — сказал Харрис, думая о многих вещах, которые было бы нежелательно увидеть девушке. — А как насчет твоей?

— А какая разница...

Они остановились у торгового автомата, Харрис сунул в прорезь монету в полстеллара, прозвучал звонок, и в лоток выдвинулась бутылка в упаковке. Харрис сунул ее под мышку, учтиво поклонился Бет, и они направились в отель.

Сигнал был получен, когда они уже входили в вестибюль.

ХАРРИС ПОЛУЧИЛ сигнал в виде острого приступа боли в желудке, где был устроен усилитель. Он почувствовал его, как три быстрых укола: *тук, тук, тук*, повторившихся после короткой паузы.

Этот сигнал мог означать только одно: *Чрезвычайная ситуация! Немедленно вступите в контакт с вашим посредником.*

Рука девушки напряглась на его руке.

— С вами все в порядке? Вы что-то побледнели!

— Может, нам стоит отложить веселье на несколько минут? — сухо сказал Харрис. — Я... Мне что-то неважно.

— О-о!.. Могу я чем-нибудь помочь?

Харрис покачал головой.

— Я что-то подхватил на Альферазе. — Повернувшись, он протянул ей упакованную бутылку и продолжал: — Мне просто потребуется несколько минут, и все будет в норме. Может, вы пойдете в свой номер и подождете меня там?

— Но если вы заболели, я должна...

— Нет, Бет, я позабочусь о себе сам, но мне нужно пару минут побывать одному. Ладно?

— Ладно, — неуверенно сказала она.

— Спасибо.

— Я приду к вам, как только смогу.

Они вместе поднялись на грави-лифте на 58-ой этаж, где и разошлись, она в свой номер, он — в свой. Сигнал в животе настойчиво повторялся: тук, тук, тук. Пауза. Тук, тук, тук. Пауза. Тук, тук, тук...

Быстрым энерго-импульсом он нейтрализовал силовое поле на двери номера и открыл дверь. Буквально вбежав внутрь, он тут же снова включил передатчик помех. На лбу у него выступили бусинки пота.

Тук, тук, тук. Тук, тук, тук.

Он открыл шкаф, достал спрятанный там узко-лучевой передатчик и настроился на частоту чрезвычайного сигнала. Туканье тут же прекратилось.

Прошло несколько секунд, затем из передатчика раздался голос, говорящий на кодовом языке, известном только агентам Дарруу:

— Идентифицируйте себя.

Харрис повиновался согласно принятой процедуре, затем сказал:

— Я только сегодня прибыл на Землю. Мне были даны инструкции не выходить на связь в течение, по меньшей мере, двух недель.

— Я знаю. Но возникла чрезвычайная ситуация.

— Какая чрезвычайная ситуация?

— На Земле есть агенты Медлина. Нужно изменить обычные процедуры. Нам нужно немедленно встретиться.

Голос продиктовал адрес. Харрис запомнил его и повторил. Связь тут же прервалась.

Встретиться немедленно. Приказы следует понимать буквально. *Немедленно* значит немедленно, а не завтра днем. Так что свидание с желтоволосой землянкой придется отложить.

Он поднял трубку внутреннего телефона и попросил соединить с ее номером. Секунду спустя он услышал голос Бет:

- Алло?
- Бет, это Абнер Харрис.
- Как у вас дела? Все в порядке? Я жду вас.
- Теперь уже все хорошо, но... Бет, я даже не знаю, как это сказать, но... Просто поверьте мне... Мне позвонил друг и хочет встретиться со мной в центре.
- Сейчас? — удивилась Бет. — Но ведь уже почти полночь!
- Знаю. Но он такой странный...
- Я думала, у вас нет друзей на Земле, майор Харрис. Вы сказали, что одиноки.
- На самом деле, это не друг. Он деловой партнер. Из МКР.
- Н-ну, я не привыкла, что мужчины заставляют меня ждать. Но у меня нет выбора, не так ли?
- Вы хорошая девочка. Может, вместо этого, позавтракаем завтра утром?
- Паршивая замена, но ладно. Буду ждать вас в девять утра.

ГЛАВА III

МЕСТОМ ВСТРЕЧИ, которое указал его связник, был угол улицы на другой стороне города. Харрис нанял гели-такси, чтобы прибыть туда.

Это было возле ночного клуба, с ярким освещением и вызывающе громкой музыкой. На юго-восточном углу улицы у фонарного столба Харрис увидел какого-то человека и направился к нему. В ярком свете фонаря он увидел лицо человека: худощавое, со впалыми щеками, мрачное лицо, напоминавшее лик земного святого.

— Простите, дружище, — сказал ему Харрис. — Вы не знаете, где я могу купить карнавальную маску?

Это был пароль. Худощавый ответил глубоким, резким голосом:

— Маски дорогие. Лучше оставайтесь дома.

И протянул руку.

Харрис схватил ее, пожимая запястье в манере Дарруу, и усмехнулся. Улететь за тысячу сто световых лет от дома и встретить такого же Слугу Духа!

— Я майор Абнер Харрис.

— Привет. Я Тони Карвер. Внутри нас ждет столик.

«Внутри» означало в «Клубе Девяти Планет» на другой стороне улицы, где было полно дыма, витающего облаками над головами посетителей, и по потолку бегали разноцветные круги света. Ряд длинноногих обнаженных девиц весело скакал под аккомпанемент шума, который на Земле выдавался за музыку. *Хирурги так и не смогли привить мне любовь к земной музыке*, мельком подумал Харрис.

— У вас были какие-то проблемы во время прибытия? — тихонько спросил Карвер.

— Нет. А должны были? — так же тихо спросил Харрис.

Худощавый пожал плечами.

— Прямо сейчас на Земле находится сотня агентов Медлина. Вчера мы раздобыли секретные документы Медлина. У нас есть имена всей этой сотни и их фотографии. Мы также узнали, что они здесь для того, чтобы уничтожить нас.

— А сколько даррууниан находится на Земле?

— Вы десятый.

Харрис прищурился. Сотня медлиниан против десяти даррууан!

— Расклад не в нашу пользу, — сказал он.

Карвер кивнул.

— Зато мы знаем их идентификационные данные. Мы можем нанести удар первыми. Пока мы не устраним их, то не сможем вести здесь работу.

Бравурная музыка била по ушам. Харрис капризно уставился на нагой кордебалет, двигающийся по спирали. Затем, продолжая глядеть на них, слегка расстроился и нахмурился. По стандартам Дарру девушки были неприлично уродливы.

Но здесь была не Дарру.

— Как мы собираемся устранять их? — спросил он.

— У вас есть оружие. Я дам вам всю необходимую информацию. Если сможете устраниТЬ хотя бы десятерых из них, то все будет в порядке. — Карвер достал бумажник и вынул из него фотографию. — Вот ваш первый. Убейте ее и доложите мне. Вы найдете ее в отеле «Космические пути».

Харрис вздрогнул.

— Я сам остановился в этом отеле.

— В самом деле? Вот. Взгляните на фото.

Харрис взял фотографию. Матовую, полноцветную. На ней была желтоволосая девушка в черной обтягивающей оболочке, которые здесь называли платьями.

— Эта девушка слишком симпатичная, чтобы быть агентом Медлина, — сказал Харрис, с трудом выговаривая слова.

— Вот потому она смертельно опасна, — сказал Карвер. — Убейте ее первой. Она здесь под именем Бет Болдуин.

Харрис долго глядел на фотографию, затем кивнул.

— Ладно. Я свяжусь с вами, когда выполню задание.

БЫЛО УЖЕ почти два ночи, когда он снова вернулся в отель. Почти час он провел с человеком, называющим себя Джоном Карвером. Харрис чувствовал себя усталым, смущенным, столкнувшимся с необходимостью принять решение, которое уже пугало его.

Бет Болдуин шпион Медлина? Это казалось невероятным. Но у Карвера была ее фотография.

Харрис получил задание убить ее немедленно. Он был Слугой Духа. Он не мог злоупотребить оказанным доверием.

Но сначала я должен узнать все наверняка.

Он поднялся в грави-лифте на 58-ой этаж, но вместо того, чтобы пойти к себе в номер, свернул налево и направился в номер, который ему сказала Бет – 5820. У двери он секунду постоял, затем решительно нажал кнопку звонка.

Не услышав никакого ответа, он нажал ее снова. На этот раз раздались чуть слышное гудение дверного сканера, подсказавшее, что она не спит и уже стоит у двери.

– Это я, Абнер, – сказал Харрис. – Я должен увидеть вас, Бет.

– Подождите, – раздался из-за двери сонный голос. – Я только что-нибудь накину на себя.

Сколько-то секунд он стоял, затем дверь скользнула в сторону, открываясь. Бет улыбнулась ему. Она «накинула что-то», почти не скрывавшее ее тело, словно она закуталась в тонкую марлю.

Но Харриса сейчас не интересовало ее тело, хотя и весьма привлекательное. Потому что в руке Бет держала что-то крошечное и блестящее. Харрис тут же узнал это. Это была медлинская версия разрывного пистолета.

– Входите, Абнер, – по-прежнему улыбаясь, сказала Бет.

Он оцепенело шагнул вперед, и дверь закрылась за ним. Бет шевельнула пистолетом.

– Сядьте туда.

– Зачем вам оружие, Бет? – тупо спросил Харрис.

– Вы сами знаете ответ, так зачем спрашиваете? Теперь, когда вы повстречались с агентом Карвером, то знаете, кто я.

– Агент Медлина, – кивнул Харрис.

В это было трудно поверить. Он уставился на девушку, стоявшую шагах в пяти от него, направив пистолет ему в голову. Хирурги Медлина были явно более искусны, чем на Дарруу, поскольку жилистые медлинниане с покрытой шагреневой кожей телами еще меньше походили на гуманоидов, чем представители Дарруу... И все же он мог поклясться, что эта грудь, стройные бедра и длинные, отлично выглядящие ноги являлись настоящими.

– Мы знали о вас с того момента, когда корабль подошел к орбите Земли, Абнер, – сказала она. – Или я должна сказать, Аар Киилом?

– Как вы узнали это имя?

Она негромко рассмеялась.

– Так же, как я узнала, что вы с Дарруу, так же, как я узнала, в какую точно секунду вы выйдите из своего номера.

— И так же, как вы узнали, что я вернулся в отель, чтобы убить вас? — спросил Харрис.

Она кивнула.

Харрис нахмурился.

— Медлиниане не телепаты. В галактике нет ни одной расы с телепатическими способностями.

— Ни одной из известных вам.

— Что вы имеете в виду?

— Да ничего.

Харрис пожал плечами. Очевидно, шпионская система Медлина была очень хорошо организована. Вся эта болтовня о телепатии должна просто сбить его со следа. Вот только был один неоспоримый факт...

— Я пришел сюда, чтобы убить вас, — сказал Харрис. — Но вы определили меня. Наверное, теперь вы убьете меня.

— Вовсе нет, — сказала Бет. — Я просто хочу поговорить с вами.

— Если хотите говорить, то оденьтесь поприличнее, — огрызнулся Харрис. — Ваше слишком уж откровенное одеяние сбивает меня с мыслей.

— А, вы имеете в виду, что нечто искусственное, внедренное в мое тело, возбуждает нечто искусственное в вашем теле? Как интересно!

— Не поворачиваясь к нему спиной, она достала из шкафа платье и надела его.

Платье тут же обтянуло ее фигурку, точно вторая кожа.

— Вот. Так вам проще держать в узде свои гормоны?

— Отчасти, да.

Харрис заволновался. Не было ни единого способа, которым он мог бы включить сигнал тревоги, не шевеля руками или ногами — а любое движение наверняка станет фатальным. Он стоял неподвижно, пот стекал у него по телу, как и приличествовало любому землянину.

— Вы один из десяти даррууан на Земле, — сказал Бет. — Остальные еще летят сюда, но здесь вас пока что десять. Поправьте меня, если я ошибаюсь.

— К чему мне это? — процедил Харрис.

— Вы пытаетесь сохранять достоинство, — кивнула она. — Но уверяю вас, у нас есть вся необходимая нам информация о вас, так что не стоит пытаться что-либо придумывать. Продолжаю: вы и ваше оборудование находитесь здесь, чтобы разрушить лояльность землян и склонить Землю на сторону Дарруу.

— Да, и вы, медлиниане, здесь по той же причине.

— В этом вы ошибаетесь, — сказала девушка. — Мы здесь для того, чтобы помочь землянам и не позволить вам захватить их. Мы, на

Медлине, не верим в насилие, если наших целей можно достичь мирными средствами.

— Отлично сказано, — кивнул Харрис. — Но как вы можете помочь землянам?

— Все дело в генетике. Сейчас не время вдаваться в подробности. Харрис тут же сменил тему.

— Итак, вы сознательно вступили в контакт со мной, согласились пойти со мной ужинать, гуляли со мной рука в руке — и все это время знали, что я замаскированный даррууанин?

— Разумеется. Я также знала, что вы притворились больным, когда были должны связаться со своим главным оператором, а когда сказали, что собираетесь встретиться с другом, то отправились на тайную встречу с агентом. Я также знала, что ваш «друг» Карвер прикажет вам сделать, поэтому и подготовила оружие, когда вы позвонили.

Харрис уставился на нее.

— А что, если бы я не получил этот экстренный вызов? Мы бы пришли сюда, выпили и, вероятно, занялись бы любовью. И вы бы согласились спать со мной, хотя и знали, кто я на самом деле?

— Вполне вероятно, — без малейших эмоций сказала она. — Интересно было посмотреть, какие биологические функции смогли внедрить в вас хирурги Дарруу.

ВСПЫШКА НЕНАВИСТИ промчалась по телу Харриса-Киилома. Он почувствовал, как возрастает его извечная ненависть к медлинианам. Они были исконными врагами его народа, галактическими конкурентами в последние четыре тысячи лет, если не больше. Но вот то, что этот враг скрывался в прекрасном теле землянки, мешало поначалу Харрису почувствовать нормальное отношение к медлинианину.

И только теперь, когда она открыла свою суть и показала во всей красе свое биологическое «любопытство», он снова почувствовал ненависть.

И еще Харрис подумал, как далеко распространяется ее бессердечие. А также, насколько хороша была ее цель.

Но Харрис попытался справиться со своей ненавистью.

— У вас весьма хладнокровный образ мышления, Бет, — сказал он.

— Возможно. Мне очень жаль.

— Держу пари, что нет.

— Давайте забудем об этом, ладно, — улыбнулась она. — Я хочу кое-что сказать вам.

— Что именно?

— Вот, например: а вы сами-то знаете, насколько вы нелояльны к делу Дарруу?

— Вы сошли с ума! — резко рассмеялся Харрис.

— Боюсь, что нет. Послушайте меня, Абнер. Вы же тоскуете по дому, по Дарруу. Вы не хотели лететь сюда. Вы родились в касте, имеющей определенные обязанности, и вы выполняете эти обязанности. Но вы почти ничего не знаете о том, что должны сделать здесь, на Земле, и за полстеллара вы бы бросили все это и вернулись бы на Дарруу.

— Очень умно, — сказал он с каменным выражением лица. — А теперь еще расскажите мне о моем гороскопе на ближайшие шесть месяцев.

— Можно сделать еще проще. Приезжайте в наш главный офис, и вы узнаете, зачем наши люди находятся на Земле...

— Одну причину я уже знаю.

— Вы *думаете*, что знаете, — спокойно ответила она. — Не перебивайте меня. Вы узнаете, зачем мы находимся на Земле, а как только узнаете это, то присоединитесь к нам и поможете защитить Землю от Дарруу.

— И почему же я сделаю все эти невероятные вещи?

— Потому что ваша натур заставить это сделать. Потому что вы влюбитесь.

— Во что? В поддельное тело, наложенное, точно штукатурка, на худого, как палка, медлинианина? Три ха-ха!

Бет оставалась спокойной. Харрис измерил расстояние между ними, думая о том, способна ли она использовать оружие. Пистолет способен поджарить нервную сеть, так что смерть будет мгновенной и очень ужасной.

Но Харрис решил рискнуть. У него приказ убить медлиниан и не позволить им убить его самого. И, попытавшись это сделать, он ничего не должен проиграть.

— Вы не ответили, — тихо сказал Харрис. — Вы действительно думаете, что я способен влюбиться во что-то такое, как вы?

— Биологически мы сейчас земляне, а не медлиниане и даррууане. Так что все возможно.

— Вы правы, возможно. В конце концов, я *действительно* попросил вас прикрыться, — сказал Харрис, улыбнувшись, — поскольку был смущен. Мне нужно время, чтобы все обдумать.

— Конечно. Вы...

Бет не успела договорить. Харрис вскочил со стула, двумя прыжками преодолел расстояние между ними и, схватив ее руку, державшую пистолет, вывернул ее вверх. Но стрелять она не стала. Продолжая выворачивать запястья, Харрис заставил ее бросить маленький пистолет, и, стоя вплотную, взглянул в ее сверкающие гневом глаза.

Но внезапно гнев превратился в страсть. Харрис отпрянул и сунул руку за своим оружием, поскольку не готов был к тесному кон-

такту с ней. Она была слишком опасна. *Лучше убить ее прямо сейчас*, подумал он. *Она же просто медленианин. Смертельный враг.*

Он уже почти достал оружие из кармана пиджака, но она внезапно вскинула руку, между пальцами которой что-то ярко сверкнуло, и Харрис отлетел, внезапно обмякнув, когда в лицо ему ударила молния из станнера, словно дубина по черепу.

Она выстрелила еще раз. Харрис изо всех сил пытался направить на нее пистолет, но мышцы уже не повиновались.

Парализованный, он стал падать лицом вниз.

ГЛАВА IV

ОЧНУВШИСЬ, ХАРРИС почувствовал, что у него от холода стучат зубы. Молния станнера перегрузила его нейроны, и он потерял сознание. Но сейчас он очнулся, и сила, мучительно медленно, стала наливаться в его мышцы.

Утренний свет потоком лился через неполяризованное окно на левой стене незнакомой комнаты. Харрис почувствовал, что все тело у него застыло и горит, и понял, что ночь провел... кстати, где?..

Он пошарил в карманах. Оружие исчезло, но бумажник был на месте.

Харрис с трудом поднялся на ноги и осмотрелся. Окно находилось вне досягаемости, и не было никаких признаков двери. Очевидно, какая-то секция стены отодвигалась, чтобы впустить людей в комнату, но она так плотно прилегала к косякам, что невозможно было заметить, где она расположена.

Харрис повертел головой. В потолок была вмонтирована сетка. Очевидно, кондиционирование воздуха, ну, и шпионская камера.

— Ладно, — сказал он, глядя прямо в эту сетку. — Я уже очнулся. Можете приходить.

Никакого ответа. Харрис тайком сунул руку под пояс брюк и сжал двумя пальцами складку кожи, включив встроенную там микрорацию. Теперь сигнал бедствия на специальной частоте примут все агенты Дарруу в радиусе тысячи километров. Жест Харрис завершил ленивым почесыванием и долгим зевком.

Потом стал ждать.

Наконец, секция стены бесшумно скользнула вверх, и в комнату вошли трое.

Одну из вошедших Харрис узнал: Бет.

— Доброе утро, майор, — улыбнувшись ему, сказала она.

Харрис неприязненно зыркнул на нее глазами. Позади нее стояли двое мужчин — один совершенно обычного вида, другой же весьма примечательный — ростом почти что два метра, пропорционально сложенный, с правильными чертами потрясающее красивого лица..

— Майор Абнер Харрис, — сказала Бет, — ранее Аар Киилом из Дарруу. А это Пол Кобурн из Разведоуправления Медлина и Дэвид Ринн с Земли.

— Настоящий землянин? — не выдержал Харрис. — Не фальшивый, как все мы?

— Уверяю, вас, — приятно улыбнувшись, сказал Ринн, — что я продукт отечественного производства, майор Харрис. — Голос его звучал музыкально, как хорошо настроенная виолончель.

Харрис сложил руки на груди.

— Ладно, — сказал он. — Вот нас всех и представили. Что дальше?

— Все еще воинственно настроен, — услышал он, как Бет шепнула другому медлинианину, Кобурну.

Кобурн кивнул. Высокий землянин недовольно поморщился.

Харрис холодно смотрел на них.

— Если вы собираетесь пытать меня, то почему бы с этого и не начать? — спросил он.

— Пытать? — спросила Бет. — Кто сказал хоть слово о пытках?

— А для чего я тогда здесь? Очевидно, вы хотите выкачать из меня информацию. Ну, приступайте. Я готов.

Кобурн хихикнул и почесал двойной подбородок.

— Вы что, думаете, мы не знаем, что пытки на вас не подействуют? Да если бы мы попробовали применить какую-нибудь насилиственную выкачку информации, вашу память автоматически бы закоротило, разве не так?

Харрис был поражен.

— Откуда вы знаете...

Он замолчал. Очевидно, у Медлина была какая-то фантастически эффективная шпионская сеть. Схема фильтров в его мозгу была совершенно секретной разработкой.

— Расслабьтесь и выслушайте нас, — сказала Бет. — Мы вовсе не собираемся пытать вас. Мы и так уже знаем все, что вы можете нам рассказать.

— Сомневаюсь. Но давайте поговорим.

— Мы знаем, сколько даррууан находится на Земле. И приблизительно знаем, где они. Мы хотели бы, чтобы вы убили остальных представителей Дарруу на Земле.

— Существует какая-то причина, почему я должен делать это? — улыбнулся Харрис.

— Да. Благо Вселенной.

Харрис издевательски рассмеялся.

— Благо Медлина, вы имеете в виду.

— Нет. Послушайте меня. Когда мы прибыли на Землю, — это случилось ряд лет назад, — то обнаружили, что здесь развивается новая раса, вы могли бы сказать, Высшая раса. Со сверхспособностями,

физическими и психическими. Но в большинстве случаев дети этой новой расы погибают или ментально тупеют прежде, чем достигают зрелости. Человечество имеет неуклонную тенденцию поддерживать свой статус-кво. Ему не нужны перемены. А суперребенок, какими бы способностями он ни обладал, не способен защитить себя от всего мира. А когда мог бы это сделать – уже слишком поздно.

Хорошая сказочка, подумал Харрис. Он никак не комментировал рассказ, хотя слушал его с явным интересом.

– Мы тут и там на Земле обнаруживали изолированные элементы этой новой расы, – продолжала Бет, – и решили помочь им, зная, что когда-то они помогут нам. Мы защищали этих детей. Объединили их и создали им все условия для безопасного развития. Дэвид Ринн – один из первых, открытых нами.

Харрис взглянул на высоченного землянина.

– Так значит, вы – супермен?

– Я несколько лучше приспособлен к жизни, чем большинство других землян, – улыбнулся Ринн. – Мои дети опередят меня не меньше, чем я опередил своих родителей.

– Наша цель на Земле, – продолжала Бет, – помочь развиваться этой расе, пока она не станет способна сама позаботиться о себе – что случится уже совсем скоро. Их уже больше сотни, тридцать из которых – взрослые. Но сейчас на Землю начали прибывать агенты Дарруу. Их цель состоит в том, чтобы помешать нам, вмешаться в наши действия и склонить Землю на свою сторону, поскольку считают, что именно они правы. Но они не видят, что ставят на уже *мертвую лошадь*.

– А скажите мне, – перебил ее Харрис, – какой повод у вас помочь созданию этой высшей расы?

– Повод? – сказала Бет. – Дарруу мыслит лишь с точки зрения побуждений и поводов, не так ли? Прибыль и вознаграждение. Но правда в том, что нет у нас никакого особого повода, кроме удовлетворения от знания, что мы помогли привнести во Вселенную нечто новое и замечательное.

Харрис проглотил ее объяснение, точно комок соли. Разумеется, понятие альтруизма было известно на Дарруу, но казалось слишком невероятным, что какая-то планета отправит своих эмиссаров чуть ли не через всю галактику, с единственной целью служить акушерами рождающейся на Земле расе суперсуществ.

Нет, подумал Харрис. *Это всего лишь часть тщательно продуманного пропагандистского маневра, побуждения которого отнюдь не лежат на поверхности. И вовсе нет никаких суперменов. Ринна, скорее всего, просто отлично сделали хирурги Медлина.*

Но, независимо от этого, Харрис решил поиграть с ними. В настоящее время Карвер, вероятно, уже принял сигнал бедствия и вычислил, откуда он был послан.

— Так, значит, — сказал вслух Харрис, — вы просто выводите породу суперземлян и хотите, чтобы я помогал в этом? Каким же образом?

— Мы ведь уже сказали. Избавившись от ваших коллег, прежде чем они причинят нам кучу осложнений.

— Иными словами, вы просите, чтобы я совершил измену против своего народа?

— Мы знаем, какой вы человек, — сказала Бет. — Вы не согласны с империалистическими идеалами Дарруу. Можете думать, как хотите, но в душе вы *не согласны*.

Нужно подыграть им, подумал Харрис.

— Вы правы, — сказал он. — Я вовсе не стремился стать агентом на Земле. Так что я могу сделать, чтобы помочь?

Кобурн и Бет обменялись взглядами. «Землянин» Ринн просто улыбнулся.

— Я знала, что вы станете сотрудничать, — сказала Бет. — Первая цель — тот, кто называет себя Карвером. Пошлите его в *Ад*, и агенты Дарруу останутся без руководящего центра. С его устраниением, остальные восемь станут очень простыми целями.

— Откуда вы знаете, что я не обману вас, как только вы отпустите меня? — спросил Харрис.

— У нас есть свои способы наблюдения, — ответил Кобурн.

Харрис кивнул.

— Я пойду за Карвером. Вступлю с вами в контакт, когда он будет устранен.

ВСЕ СЛИШКОМ уж очевидно, подумал Харрис, когда его отпустили. Он оказался в отдаленном районе города, почти в часе поездки на гели-такси от отеля.

Все эти разговоры о суперменах и альтруизме!.. Да это же просто не имеет смысла, но медлиниане хитрят, и у него есть серьезные основания не доверять им.

Действительно ли они такие простачки, что отпустили его просто под честное слово? Разумеется, если они действительно альтруисты, то это кажется целесообразным, но он слишком хорошо знал медлиниан, чтобы поверить этому. *Наверное, я должен стать какой-то частью более обширного плана Медлина*, мрачно подумал он.

Ну, пусть об этом волнуется Карвер.

Харрис чувствовал голод, но понимал, что не время заниматься завтраком, пока он не свяжется с руководителем агентов Дарруу. Он поймал гели-такси и поехал в отель «Космические пути».

После прибытия, спустя пятьдесят минут, он сразу направился к себе в номер, включил микро-рацию и стал ждать, пока металлический голос не сказал кодированным языком:

– Карвер слушает.

– Говорит Харрис.

– Вы убежали?

– Меня отпустили. Но это долгая история. Вы засекли то место, где я находился?

– Да. Но почему они отпустили вас?

– Я пообещал стать тайным агентом Медлина, – сказал Харрис. – И получил первое задание – убить вас.

Из динамика послышался смешок, в котором, впрочем, было мало радости.

– Сообщите мне все, что произошло с вами с прошлой ночи, – сказал затем Карвер.

– С одной стороны, медлиниане знают все, буквально *все*. Когда я вчера вечером пошел к девушке, она уже ждала меня с оружием на готове. Она выстрелила в меня из стеннера и увезла в главный центр медлиниан. Когда я очнулся, мне рассказали странную историю о выведении новой породы супер-землян, и сказали, что я должен помочь им в этом благородном деле.

– И вы согласились?

– Конечно. Тогда они отпустили меня, чтобы я убил всех агентов Дарруу на Земле, начав с вас.

– Остальные хорошо замаскированы, – буркнул Карвер.

– Кажется, они знают, где все наши агенты.

Секунду Карвер молчал.

– Мы должны ударить первыми, – наконец, сказал он. – Мы атакуем главный центр Медлина и уничтожим всех, кого сможем. Вы действительно считаете, что они доверяют вам?

– Или да, или используют меня в качестве приманки в более изощренном плане, – сказал Харрис.

– Второе более вероятно. Ну, так мы заглотим их приманку. Только вряд ли они сумеют уничтожить нас, как хвастались.

Карвер прервал связь. Харрис тщательно спрятал микро-рацию.

Потом он позавтракал в ресторане гостиницы после долгого стояния под молекулярным душем, чтобы смыть с себя грязь и усталость прошедшей ночи. Еда показалась безвкусной, но он заставил себя поесть.

Вернувшись в номер, он разделся и устало бросился в постель. Он был утомлен и еще более в расстроенных чувствах.

Супермены, подумал он.

Неужели медлинианам кажется целесообразным воспитать возможных захватчиков галактики? Земляне сами по себе достаточно

опасны. Хотя сферу галактического влияния по-прежнему делили между собой Дарруу и Медлин, но земляне за последние триста лет галактических контактов предприняли гигантские шаги, чтобы занять одно из главных мест в делах Вселенной.

Их колонии распостерлись на полгалаактики. Межзвездный Корпус Реконструирования хотя и утверждал, что всего лишь добывает полезные ископаемые на необитаемых планетах, не принадлежащих Дарруу или Медлину, на самом деле постепенно занимался террорированием, преобразовывая эти планеты под удобное местожительство новым земным колонистам.

А медлиниане, — древние враги Дарруу, раса, которая, как Харриса учили всю жизнь, была истинным воплощением Зла, — помогают землянам развиться до такой степени, что они могут обогнать и Дарруу, и сам Медлин?

Смешино, подумал он. Никакая раса не станет готовить собственную гибель. И медлиниане вовсе не дураки.

По крайней мере, не такие дураки, чтобы поверить мне и отпустить под простое обещание, что я стану предателем и начну помогать им, подумал Харрис.

Он вздохнул и покачал головой. Затем откупорил драгоценную фляжку с вином Дарруу и немного налил себе. Бархатно-черное вино родного мира слегка успокоило его, но в результате лишь увеличило болезненную тоску по дому. А дома, подумал он, скоро наступит время уборки урожая, и в магазины поступят первые бутылки молодого вина. Нынешний год станет первым годом в его жизни, когда не сумеет попробовать молодое вино, содержащее в себе, казалось, букет юности.

А вместо этого я торчу на странной планете в странном облике, да еще и в когтях медлиниан, подумал Харрис, помрачнел и сделал еще глоток, чтобы хоть немного унять боль в душе.

ГЛАВА V

МИНОВАЛ ЦЕЛЫЙ день терзающего нервы бездействия. Харрис не получил никаких известий от Карвера, и медлиниане тоже не связывались с ним. Харрис проверил номер Бет Болдуин в отеле, но никто не открыл дверь на звонок, а когда он спросил о ней внизу в приемной, то узнал, что она съехала еще вчера и не оставила адреса для пересылки корреспонденции. Все было логично. Она заняла номер в отеле лишь для того, чтобы войти в контакт с ним.

К сожалению, Харрис не успел провести с ней биологический эксперимент и теперь слегка жалел об этом. Конечно, она была медлинианином, но ее тело, как и его собственное, было замаскировано

под землянку, так что опыт мог быть интересным. Ну, теперь на это нет никакой надежды.

Харрис поел один в гостиничном ресторане и весь день провел у себя в номере. К вечеру подала сигнал мини-рация. Он включил ее, коротко переговорил с Карвером, который дал ему адрес и велел немедленно оправляться по нему.

Это было ветхое старинное здание далеко на востоке, на самом берегу реки. Харрис поднялся на восьмой этаж в грави-лифте, который так вибрировал и содрогался, что Харрис боялся вот-вот полететь вниз вместе с лифтом. Потом он прошел по пыльному, плохо освещенному коридору к обшарпанной двери, которая испускала слабое желтоватое свечение, указывающее на наличие защитного поля.

Подойдя, Харрис почувствовал покалывание в животе, подсказавшее, что его сканируют. Наконец, дверь открылась.

— Войдите, — раздался голос Карвера.

Кроме Карвера, в комнате было еще четверо — лысеющий толстячок по имени Рейнольдс, улыбающийся юнец, назвавший себя Томпкинсом, невысокий, суровый мужчина, представившийся Макдермоттом, и нескладный, долговязый пижон, объявивший торжественным тоном, что его зовут Паттерсон. Каждому представлявшемуся Харрис махнул рукой в тайном знаке даррууан.

— Еще четверо находятся сейчас в восточном полушарии Земли, — сказал Карвер. — Но и шестерых нас достаточно, чтобы справиться с создавшимся положением.

Харрис глянул на пятерых собратьев.

— И что вы планируете делать?

— Разумеется, напасть на медлиниан. Нужно уничтожить их всех одновременно.

Харрис кивнул. На душе у него было неспокойно, теперь вдруг медлиниане показались совершенно искренними — хотя Харрис знал, что это нелепо.

— Как конкретно? — спросил он.

— Они доверяют вам. Они считают вас одним из своих агентов.

— Наверное.

— Вы вернетесь к ним и скажете, что избавились от меня, как и было вам велено. Но в ваше тело будет помещено инфразвуковое устройство. Вы активируете его, и они потеряют сознание. Разумеется, сами вы будете экранированы.

— А затем я убью их, пока они будут лежать без сознания?

— Правильно, — кивнул Карвер. — Нельзя миндальничать с медлинианами. Это все равно, что относиться гуманно к летучим мышам-кровососам или гремучим змеям.

— Мы будет ждать снаружи, пока не получим сигнал, что мы спрашивались с заданием, — сказал даррууанин по имени Макдермотт. — Если вам понадобится помочь, просто свяжитесь с нами.

Харрис облизнул пересохшие губы и кивнул.

— Звучит все неплохо.

— Рейнольдс, установите инфразвуковое устройство, — велел Карвер.

Лысый толстяк достал металлический шарик размером с бусинку, от которого отходили три tantalовые нити, и велел Харрису спустить брюки до бедер.

Но Харрис совсем снял их. Рейнольдс достал скальпель и снял откинутую панельку плоти, открывавшей доступ к сеточки над костью. Твердыми, не дрожащими пальцами он присоединил бусинку к мелким проводкам, отходившим от сеточки, и закрыл рану.

— Устройство активируете, нажав на нервный узел на левом бедре, — сказал Карвер. — Одновременно оно создаст экран в радиусе трех шагов от вас, так что удостоверьтесь, что никто из ваших жертв не стоит близко.

— Устройство излучает мощный инфразвуковой сигнал, — сказал Рейнольдс. — Гарантированный нокаут в радиусе двадцати метров.

— А что, если медлиниане тоже экранированы? — спросил Харрис.

— Это передатчик переменного цикла, — хмыкнул Карвер. — Если бы они умели экранироваться от случайно генерируемых волн, то нам бы оставалось лишь сдаться. Но я склонен усомниться, что такое у них есть.

ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО, подумал Харрис, пока ехал по городу в главный центр медлиниан. *Просто войду, вежливо улыбнусь, ударю по всем разом инфразвуком, а затем вскипячу им мозги взрывным пистолетом.*

Он остановился у нужного здания и огляделся.

Вокруг земляне поспешили расходиться по своим домам. Наступала ночь. Небо усеяли звезды, разноцветные точки на темной ткани. Часть этих звезд принесла присягу верности Дарруу. Другие — Медлину.

Но кто был прав? А кто — нет?

Кварталом дальше прятались в подворотне пятеро даррууан, которые прибудут на помощь, если Харрис испытает какие-либо трудности при убийстве медлиниан. Но Харрис сомневался, что возникнут эти самые трудности, если инфразвук действительно окажется такими эффективным, каким считает его Карвер.

Сорок лет жизни на Дарруу Харриса учили ненавидеть медлиниан. И теперь, через несколько минут, он сделает то, что будет считаться самым благородным деянием, какое только может совершить

Слуга Духа, избавляя Вселенную от носителей Зла. Но Харрис не чувствовал привкуса ожидающей его славы. Это будет просто убийство, убийство чужаков.

Он вошел в здание.

Главный центр Медлина был на верхнем этаже, в большом пентхаусе. Харрис поднимался на грави-лифте, и ему казалось, что он чувствует пульсацию крошечного инфразвукового генератора у себя в бедре. Он знал, что это всего лишь иллюзия, но присутствие металлической бусинки все равно раздражало.

Секунду он постоял в поле сканера. Затем дверь внезапно поднялась вверх, и на него глянуло странное лицо – лицо землянина, по крайней мере, внешне.

Землянин подозвал его.

– Я Армин Маултон, – сказал он низким басом. – А вы – Харрис?

– Верно.

– Бет ожидает вас.

Диапазон устройства двадцать метров во всех направлениях, подумал Харрис. *И никто не должен стоять к нему ближе трех шагов.*

Его провели во внутреннюю комнату, с задрапированными стенами и занавесками, а посреди комнаты стояла, улыбаясь ему, Бет. На ней была толстая, бесформенная одежда, так отличающаяся от того обольстительного одеяния, в котором ее впервые увидел Харрис.

И в комнате были другие люди. Харрис узнал еще одного медлинианина Кобурна, а так же гиганта Ринна, который, по их утверждениям, был суперменом. Но была и еще одна женщина ростом не ниже Ринна, большое золотоволосое создание чуть ли не на тридцать сантиметров выше Харриса, и два человека обычного роста, вероятно, медлиниане.

– Все в порядке? – спросила Бет.

– Он мертв, – с трудом выдавил Харрис. – Я только что оттуда.

– Как вы убили его?

– Пистолетом, – сказал Харрис. – Это было неприятно. И для меня, а уж тем более, для него.

Внезапно он задрожал и не стал скрывать эту дрожь. Ведь именно так должен чувствовать себя человек, только что убивший своего прямого начальника.

– Осталось еще восемь, – сказал Кобурн. – Причем четверо в другом полушарии.

– Кто эти люди? – спросил Харрис, кивнув на незнакомцев.

Бет представила их. Двоих обычного роста оказались замаскированными медлинианами, а гигантская девушка – суперженщиной, женой Ринна. Харрис задумчиво нахмурился. На Земле около сотни агентов Медлина. Четверо из них находились в этой комнате, и

вполне разумно было ожидать, что еще двое-трое могут оказаться в двадцатиметровом радиусе поражения инфразвукового устройства. В общем-то, неплохие трофеи.

Харриса пробрала дрожь.

– Наверное, вы понятия не имеете, где остальные даррууане и кто они, верно? – сказала Бет.

Харрис покачал головой.

– Я на Земле лишь несколько дней. Мне еще не пришло время вступать в контакты с любыми, кроме Карвера. И я понятия не имею, где их искать.

Он пристально посмотрел на Бет. По ее лицу невозможно было ничего прочесть, нельзя было даже понять, верит ли она, что он убил Карвера.

– Для вас все произошло так быстро, – сказала Бет, достала какую-то фотографию и протянула ее Харрису. – Вот ваша следующая жертва. Находится здесь под именем Рейнольдса. Он заместитель главного агента, а теперь, со смертью Карвера, стал главой группы.

Харрис глянул на фото. На нем было лицо лысого толстячка, который вмонтировал ему в бедро инфразвуковое устройство.

Харрис почувствовал, что ему трудно дышать от напряжения, и тут же ощущил в животе *тук, тук, тук*, кодированный сигнал. Карвер был где-то поблизости и спрашивал, не возникли ли какие-либо трудности.

Харрис небрежно провел рукой по бедру, включая передатчик, и послал Карверу сигнал, что еще ничего не произошло, все в порядке.

ПОТОМ ВЕРНУЛ

Бет фотографию.

– Я позабочусь о нем, – сказал Харрис.

Нужно просто нажать на первый центр в левом бедре, и все они рухнут без чувств, подумал он. Тогда я просто перестреляю их и уйду.

Все очень просто.

Он взглянул на Бет и подумал, что через несколько минут она будет лежать мертвой вместе с Кобурном, двумя другими медленинами и этими гигантами, утверждающими, что они земляне. Он нарялся. Его рука легла на бедро.

– Наверное, вы испытали ужасное нервное потрясение, убив Карвера, – сказала Бет. – У вас очень взволнованный вид.

– Вы опрокинули все мои жизненные ценности, – ответил Харрис. – Это может встрихнуть любого.

– А вы не верили, что я окажусь права! – торжествующе воскликнула Бет Кобурну, и тут же пояснила Харрису. – Кобурн считал, что вам нельзя доверять.

– Он был прав, – сказал Харрис.

И включил инфразвуковое устройство.

Первые волны неслышного звука пронизали искусственную плоть и проникли к находящимся внутри медленианам. Защищенный экраном, Харрис, тем не менее, почувствовал тошноту, когда шарик в его бедре начал генерировать волны неслышного звука.

Кобурн потянулся было к пистолету, но достать его не успел. Рука его бессильно повисла, и он упал на пол. Бет тоже, как и двое других медлениан.

Но Харрис пораженно увидел, что два гиганта все еще оставались на ногах, хотя и качались, как пьяные. *Наверное, потому что они такие большие*, подумал он. *Инфразвуку нужно больше времени, чтобы вывести их из строя.*

Потом Ринн упал. Его жена еще чуть-чуть постояла, но секунду спустя тоже опустилась на пол рядом со своим мужем.

В комнате наступила тишина.

Харрис снова нажал на бедро, подавая сигнал пяти дарруунам снаружи, что все чисто. Шесть фигур лежали без сознания на полу.

Харрис нашупал кнопку, открывающую дверь, нажал ее и выглянул в коридор. Там лежали без сознания три человека, а четвертый бежал к ним, крича:

— Что случилось? Что случилось?

Харрис уставился на него. Медленианин миновал границу двадцатиметровой зоны поражения, пробежал по инерции еще несколько шагов и упал, присоединившись к своим товарищам на толстом, бархатистом ковре.

Десять, подумал Харрис.

И достал пистолет.

Пистолет лежал у него на ладони, маленький, но смертельно опасный. Спусковой крючок был всего лишь тонкой полоской металла. Оставалось лишь спустить предохранитель, нажать эту полоску и наблюдать, как умрут медлениане. Но рука Харриса задрожала. И он не выстрелил.

Все правильно, вам нельзя доверять, раздался вдруг тихий голос. Вы просто предатель. Но мы должны были провести проверку до конца, хотя бы ради того, чтобы наша совесть осталась чиста.

— Кто это говорит? — воскликнул Харрис.

Я говорю.

— Но я не вижу вас. Где вы?

Прямо в этой комнате, послышался ответ. Бросьте оружие, Харрис-Киилом. Нет, не пытайтесь дать сигнал вашим друзьям. Просто выпустите пистолет из руки.

Словно ожив, пистолет сам собой вывернулся из его скрюченных пальцев и бесшумно упал на ковер.

Отключите инфразвук, раздалась тихая команда. Мне он тоже не неприятен.

Харрис покорно отключил устройство. Сознание его было словно в каком-то ступоре, Харрис чувствовал, что утратил всякий контроль над телом.

— Кто вы? — едва шевеля языком, пролепетал он.

Член суперрасы, существование которой вы отказались признать.

Харрис уставился на Ринна и его жену. Оба были без сознания.

— Ринн? — сказал он. — Но как может функционировать ваш разум, если вы без сознания?

ГЛАВА VI

ХАРИС ПОЧУВСТВОВАЛ, что мягко опускается на пол. Словно неосозаемая рука выдернула пол из-под его ног. Или даже сами его ноги. Он упал и лежал с открытыми глазами, не в силах шевельнуться и даже не испытывая никакого желания двинуться.

Шли минуты. К жертвам инфразвука медленно возвращалось сознание.

Первой очнулась Бет. Она взглянула на не подающую признаков жизни жену Ринна и сказала:

— Вы пошли даже на это, чтобы подтвердить свою точку зрения!

Никто не был ни в малейшей опасности, раздался ответ.

Остальные постепенно приходили в себя, садились и терли себе лоб. Харрис смотрел на них. В его голове пульсировала боль, словно он тоже получил удар инфразвука.

— А что, если бы инфразвук вывел из строя и вас? — спросила Бет гигантскую женщину, точнее, нечто, таившееся в ее неподвижном еще теле. — Тогда он убил бы всех нас.

Инфразвук не может повлиять на меня.

И только тут до Харриса дошло.

— Что?!.. эмбрион может мыслить и действовать, — резко прошелестал он.

Бет кивнула.

— Следующее поколение. Он становится личностью еще в матке. И способен контролировать свое окружение.

— А я-то думал, что все это только обман, — сказал Харрис, чувствуя, как у него голова идет кругом.

За один миг был разрушен весь смысл его жизни, и теперь его уже не восстановить.

— Нет. Никакого обмана. А вот мы знали, что вы попытаетесь обмануть нас, еще когда отпускали вас. По крайней мере, так сказал Ринн. Он тоже телепат, хотя может воспринимать не мысли, а лишь

впечатления. И не может передавать их телепатические путем. Но его сын может.

— Но если вы знали, что я сделаю, то почему отпустили меня? — спросил Харрис.

— Это была проверка, — сказала Бет. — Я надеялась, что вы сможете измениться, если мы позволим вам уйти. Но вы не изменились.

— Нет, — сухо бросил Харрис. — Я пришел, чтобы убить вас.

— Мы знали об этом в тот момент, когда вы вошли в дверь. Но в вас было видно семя сомнений. Мы надеялись, что вас еще можно поколебать. Но испытания вы не выдержали.

Харрис склонил голову. В животе вновь затукал сигнал, но Харрис проигнорировал его. *Пусть Карвер там попотеет*, подумал он. *То, что происходит тут, на Земле, более грандиозно, чем все, о чем когда-либо мечтал этот жалкий Карвер!*

— Скажите мне правду, — совсем уж неслышно прошептал он. — Вы же не знаете, что будет с Дарруу и Медлином, когда расплодятся эти суперсущества?

— Да ничего такого не будет. Вы что, думаете, они — мелочные истоки власти, которые попытаются захватить галактику? — Девушка насмешливо рассмеялась. — Такие взгляды типичны для устаревших, нетелепатических рас. Для нас. Более низкой ступени эволюции. А у этих новых людей будут новые цели.

— Но они не появились бы, если бы вы, медлиниане, не помогли им! — воскликнул Харрис. — Устаревшие? Конечно. Но вы сделали это!

Бет улыбнулась какой-то странной улыбкой.

— По крайней мере, мы способны без зависти наблюдать за рождением новой расы. Да, мы помогли им, чем могли, так как знали, что настанет время, когда они станут преобладать. Возможно, для этого понадобится век или тысячелетие. Но наше время пройдет, как пройдет и время Дарруу, и время землян-нетелепатов.

— И наш день тоже пройдет, — тихо добавил Ринн. — Мы всего лишь промежуточное звено, переходный период между старой расой и новой, которая еще грядет.

Харрис уставился на свои руки — точнее, на руки землянина, искусственную плоть, покрывающую истинное тело даррууанина.

Вся наша борьба впустую, подумал он.

На Земле возникает новая раса, великолепная раса, которую лелеют сейчас медлиниане. Их ждет галактика. Они будут как полубоги.

Он всегда считал землян тупыми, примитивными созданиями с парой-тройкой тысячелетий развития цивилизации, бледными, никемными гуманоидами. Но он оказался не прав. Задолго еще до того,

как Дарруу станет пустым, безжизненным шаром, эти земляне заполнят галактику.

— Наверное, мы, на Дарруу, совершили ошибку, — подняв взгляд, сказал он. — Меня отправили сюда, чтобы помочь колеблющимся землянам принять сторону Дарруу. Но наоборот, это Дарруу должна будет когда-нибудь принести клятву верности Земле.

— Это случится еще не скоро, — сказал ему Ринн. — Сейчас даже еще не детство истинной расы. Так, период зачатия. До детства еще много лет. И у нас на Земле есть враги.

— Старые земляне, — сказал Кобурн. — Как вы думаете, им понравится то, что их собираются заменить? *Они* — настоящие враги. Вот зачем мы здесь. Чтобы помочь мутантам, пока они не смогут твердо стоять на ногах. А Дарруу всего лишь незначительный камешек на этом пути.

Раньше это могло стать причиной для гнева. Но сейчас Харрис лишь пожал плечами. Вся его миссия лишилась цели.

Но у него еще оставалось сомнение, последнее подозрение.

Он все еще не убежден, раздался тихий голос будущего супермена.

— Боюсь, что он прав, — пробормотал Харрис. — Я вижу, я верю... но все же все мое воспитание подсказывает, что это невозможно. Медлиниане — ненавистные создания, я знаю это *интуитивно*.

— А вы бы хотели гарантии нашей добросовестности? — улыбнулась Бет.

— Что вы имеете в виду?

— Свяжите нас, — сказала вдруг Бет, обращаясь к существу в матке жены Ринна.

И прежде чем Харрис успел отреагировать, его внезапно пронизал странный ярчайший свет, казалось, он выплыл из собственного тела. И с внезапным потрясением он понял, где находится.

Он был внутри разума медлинианина, который называл себя Бет Болдуин, и видел его весь, как будто с высоты птичьего полета. Он смотрел на него и не замечал ни одну из тех отвратительных вещей, которые должны гнездиться в медлинианских головах.

Напротив, он видел веру, честность и преданность истине. Он видел храбрость. И еще много того, отчего его душа преисполнилась смириения.

Потом связь так же резко прервалась.

— Теперь найдите разум его лидера Карвера и свяжитесь с ним, — сказала Бет.

— Нет! — воскликнул Харрис. — Не надо...

Но было поздно.

Он почувствовал запах вина Дарруу, ощутил вкус туварских позвонков, так приятно хрустевших на зубах, а затем взмыл над разумом дарру-

нианина, носившего имя Джона Карвера, так же, как прежде парил над разумом медлинианки Бет.

Разум Карвера был ужасной бездонной ямой, наполненной грязной ненавистью. Дрожа, Харрис отшатнулся и понял, что все уже кончилось, что землянин лишь на полсекунды позволил ему заглянуть в этот разум.

Харрис закрыл руками лицо.

— И я такой же? — только и смог спросить он.

— Нет, — ответила Бет. — Нет — в глубине души. У вас есть внешний слой ненависти, как у каждого даррунианина и у каждого медлинианина. Но ядро у вас хорошее. Карвер же прогнил насовсем. И остальные находящиеся здесь ваши агенты — тоже.

— Много веков наши расы боролись друг с другом, — сказал Кобурн.

— Обе стороны были не правы, но это лишь разжигало ненависть и жажду крови. Однако настало время покончить с этим.

— А что будет с теми даррууанами, что ждут снаружи?

— Они должны умереть, — сказала Бет.

Мгновение Харрис молчал. Пятеро ожидающих его были Слугами Духа, как и он сам, членами высшей касты цивилизации Дарруу, по-видимому, самые благородные из всех созданий. Убив их, он навсегда отрежет себя от Дарруу.

— Я... В глубине моей души что-то противится этому, — сказал Харрис. — Если я убью их, то никогда не смогу вернуться на родную планету.

— А вы хотите вернуться? — спросила Бет. — Ведь ваше будущее здесь. С нами.

Долгое время Харрис думал над этим, затем кивнул.

— Ладно. Верните мне оружие. Я убью пятерых даррууан, что ждут снаружи.

Кобурн протянул ему пистолет, который Харрис уронил на пол. Харрис схватил оружие, усмехнулся и сказал:

— А ведь сейчас я могу убить нескольких из вас, не так ли? Потребуется хотя бы доля секунды, чтобы остановить меня. Но разок-то я успею нажать на курок.

— Вы не нажмете, — сказал Бет.

Харрис пристально взглянул на нее.

— Вы правы.

ОН В ОДИНОЧКУ спустился вниз на грави-лифте и вышел на улицу, туда, где ждали его пятеро соотечественников. Было уже темно, хотя уличные фонари освещали путь.

Звезды сияли во всю силу, украшая небо. И где-то среди них была Дарруу. Возможно, там уже началось время Слияния Лун, подумал он. Ну, не стоит об этом думать, это теперь не имеет значения.

Его ждали.

— Вы долго возились, — сказал Карвер, когда Харрис подошел. — Все в порядке?

Харрис вспомнил о корчащихся, тягучих мыслях, которые, гниющие и зловонные, свились в его голове, точно клубок змей.

— Все мертвы, — сказал он. — Вы разве не получили мой сигнал?

— Конечно, получили. Но мы уже устали слоняться здесь.

— Простите, — сказал Харрис.

И это Слуги Духа, подумал он, мужчины Дарруу. Люди, которые только и думают о том, что Дарруу станет править всей галактикой, люди, которые ненавидят, убивают и шпионят.

— Сколько их там было? — спросил Рейнольдс.

— Пятеро, — ответил Харрис.

— Только пятеро? — разочарованно сказал Карвер.

Харрис пожал плечами.

— Что поделать. По крайней мере, их на пять особей меньше.

Он понял, что тянет время, не желая делать то, зачем пришел сюда.

Вы снова предадите нас? — раздался у него в голове тихий, вкрадчивый голос. — *Или на сей раз будете нам верны?*

Карвер что-то сказал, но Харрис не слышал его.

— Я спросил, там были какие-нибудь важные документы? — повторил Карвер.

— Нет, — сказал Харрис.

От реки подул холодный ветер, и Харрис внезапно почувствовал озноб.

Я буду верен, сказал он про себя.

Затем шагнул назад, отходя на три шага от остальных, и включил инфразвуковое устройство у себя в бедре.

— Что... — начал было Карвер, но тут же упал.

Упали все: Карвер, Рейнольдс, Томпкинс, Макдермот и Паттерсон, все поварились на землю, как мешки с тряпьем. Пятеро дарруан, замаскированные под землян. Пятеро Слуг Духа.

Харрис достал пистолет.

Секунду подержал его, взвешивая в руке. Затем щелкнул предохранителем и нажал спусковой крючок. Энергетический луч ударил в Карвера. Тот конвульсивно содрогнулся и замер.

Затем наступила очередь Рейнольдса, Томпкинса, Макдермотта и Паттерсона.

Все были мертвы.

Со странной усмешкой на губах, Харрис сунул пистолет в карман и пошел, сам не зная, куда, а нервная дрожь сотрясала его тело. Он только что убил пятерых своих соотечественников. Он прилетел сюда, чтобы выполнить на Земле священную миссию, и стал даже

хуже, чем просто предателем, потому что предал не только Дарруу, но и все будущее галактики.

Он разделит судьбу вместе с землянами, облик которых теперь носит, и с улыбающейся, желтоволосой девушкой по имени Бет, под полными грудями которой скрыта сущность медлинианки.

Хорошо проделано, прозвучал голос в его голове. *В конце концов, мы не обманулись в вас.*

Харрис вздрогнул, развернулся и направился в главный штаб Медлина, медленно, спокойным шагом, не оглядываясь на пять трупов, оставшихся позади. Полиция будет озадачена, когда проведет их вскрытие и обнаружит под плотью землян тела даррууан.

Харрис взглянул на звезды.

Где-то там Дарруу, подумал он. Дарруу, закутанная темно-красным туманом, Дарруу, окруженная семью лунами...

Он вспомнил Слияние Лун, вспомнил, как в последний раз видел его: долгожданное, ошеломляющее, прекраснейшее зрелище в небесах. И понял, что больше никогда не увидит его.

Теперь он никогда не сможет вернуться на Дарруу.

Он останется здесь, на Земле, служа богоподобной расе в ее неуверенном младенчестве. Возможно, он даже сумеет забыть, что под кожей майора Абнера Харриса лежат тело и разум Аара Киилома.

Забудет Дарруу. Забудет аромат деревьев хазаар и сияние лун. На Земле есть деревья, которые тоже испускают сладостный аромат, и есть великолепная бледная луна, висящая высоко в ночном небе. *Хватит же ностальгировать*, подумал Харрис. *Забудь о прошлом.*

Но это было не так уж просто. Он снова взглянул на звезды, остановившись у входа в главный штаб Медлина. Теперь его планетой была Земля.

Земля.

Он бросил последний раз на пестрое небо, покрытое звездами, и в последний раз подумал о том, какая же из этих точек и есть Дарруу? Дарруу, которая больше не имела значения?

Улыбнувшись, Аар Киилом отвернулся от звезд.

The silent invaders, (Infinity, 1958 № 10), пер. Андрей Бурцев

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ.	
ТАЛАНТ, ПРОЯВИШИЙСЯ С ЮНОСТИ	3

ПЛАНЕТА ГОРГОНЫ

(Под псевд. Боб Сильверберг).....	7
Gorgon planet, (Nebula № 7, 1954 №№ 2-3)	
пер. Андрей Бурцев	

МАРСИАНИН

(Под псевд. Боб Сильверберг).....	17
The martian, (Imagination, 1955 № 6)	
пер. Андрей Бурцев	

ДЫРА В ВОЗДУХЕ.....	27
Hole in the air, (Amazing Stories, 1956 № 1)	
пер. Андрей Бурцев	

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ЭКЗАМЕН	39
Entrance exam, (Amazing Stories, 1956 № 6)	
пер. Андрей Бурцев	

ДЕРЖИТЕСЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ НАШИХ МОГИЛ

(Под псевд. Ральф Берк).....	53
Stay out of my grave, (Amazing Stories, 1956 № 7)	
пер. Андрей Бурцев	

ОХОТА НА ГЕРОЕВ	67
The hunted heroes, (Amazing Stories, 1956 № 9)	
пер. Андрей Бурцев	

СОПЕРНИКИ	81
The rivals, (Amazing Stories, 1956 № 11)	
пер. Андрей Бурцев	

МИР – МОЯ СОБСТВЕННОСТЬ	93
A world of his own, (Amazing Stories, 1956 № 12)	
пер. Андрей Бурцев	

БИТВА ЗА ТЫСЯЧУ СОЛНЦ

(В соавт. с Р. Гарретом, под псевд. Келвин Нокс и Дэвид Гордон).....	109
Battle for the thousand suns, (Science Fiction Adventures, 1956	
№ 12), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим	

ТАЙНА ЗЕЛЕНЫХ ЗАХВАТЧИКОВ

(В соавт. с Р. Гарретом под псевд. Роберт Рэндалл). 143
Secret of the green invaders, (Science Fiction Adventures, 1956
№ 12), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

ТИХИЕ ЗАХВАТЧИКИ

(Под псевд. Келвин М. Нокс) 177
The silent invaders, (Infinity, 1958 № 10)
пер. Андрей Бурцев

Читайте в
следующем томе:

Роберт Сильверберг

«ЛОГОВИЩЕ ДРАКОПТИЦЫ»

В 34-том выходят вторая книжка рассказов и повестей замечательного фантаста Роберта Сильверберга «Логовище дракоптицы». В него вошла повесть «Зверь с семью хвостами» и еще много рассказов, которые, несомненно, порадуют читателей. Как и в предыдущем томе, все собранные здесь произведения относятся к началу долгого творческого пути всемирно известного автора. И эти ранние произведения доказывают, что еще в юности он уже писал замечательные вещи, достойные прочтения.

А. Бурцев

LAIR OF THE DRAGONBIRD

by
Robert Silverberg

DAN ELLIOT SAT in the smoky gloom of the Veteran Inn on the outskirts of Venus City, looking at his reflection in the mottled mirror. "I'm not a bad guy," he said to himself. "You are the owner of the space Needle for five years, but it was worth it. The insurance money I got from the insurance Needle had just barely covered the down payment on the new ship, and I've taken a year's pay for the rest of it."

And he was celebrating. The only trouble was the final payment had to wait another year, and the only place he could afford to head the next year was the space Needle end.

Desperately nervous, he jerked against his back, and the drink in his hand slipped over the bar.

88

Elliott with moving, curling, prismatic men, while the harrieder ducked and dodged.

Elliott plunged through the mob and ran toward the nearest tree and hid behind it. He seized his gun by the cuff and drove it to the door, just as someone yelled, "Watch that table!"

He turned -- not nearly in time.

The fellow took a swing at the back of his head with a cold rag.

He dropped unconscious to the floor.

A cold rag splashed wetly on his face, and a heavy voice said: "Bring him out of it. He's not badly hurt."

89

Библиотека англо-американской классической фантастики

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

Планета Горгоны